

2

05 - 66

337

Н. А. ЕСЬКОВА

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
КОММЕНТАРИЙ
К «ОРФОЭПИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ
РУССКОГО ЯЗЫКА»

Н. А. ЕСЬКОВА

2 05 - 66
337

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К «ОРФОЭПИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ РУССКОГО ЯЗЫКА»

Москва
2005

УДК 811.161.1'355'374 (0.072)

ББК 81.2 Рус-4

Е 87

2005235404

Рецензенты:

академик РАН А. А. Зализняк

докт. филол. наук М. А. Кронгауз

канд. филол. наук А. К. Поливанова

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
2005

Еськова Н. А.

Е 87 Лингвистический комментарий к «Орфоэпическому словарю русского языка». — М.: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2005. — 141 с.

ISBN 5-98455-013-X

Книга написана одним из авторов словаря. «В основе работы лежит оригинальный и очень интересный замысел: раскрыть читателю ту “творческую кухню”, которая невидимым для невооруженного глаза образом стоит за “Орфоэпическим словарем русского языка” — одним из важнейших достижений русской лексикографии 2-й половины XX века» (А. А. Зализняк).

Книга адресована пользующимся орфоэпическим словарем лингвистам, преподавателям русского языка высшей и средней школы, студентам-филологам.

УДК 811.161.1'355'374 (0.072)

ББК 81.2 Рус-4

ISBN 5-98455-013-X

© Н. А. Еськова, 2005

© ООО Издательский центр
«Азбуковник», 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга написана одним из авторов «Орфоэпического словаря русского языка». Ее задача — раскрыть в наиболее важных моментах, какая работа была проделана в процессе создания словаря. Сюда относятся и общие вопросы — прежде всего о типе нормативного нетолкового словаря, об объеме информации, которую целесообразно сообщать в таком словаре, и в связи с этим — о самом названии «орфоэпический словарь».

Отдельный вопрос — объем словника словаря, не дающего толкований слов, а ориентированного на внешнюю сторону словоформ. Словник такого словаря имеет свою специфику, которую нужно учитывать при сравнении с основными толковыми словарями.

Для ОЭ была разработана система нормативных помет, некая «шкала нормативности», не сводящаяся к простому противопоставлению «правильно — неправильно». Словарь ставит своей целью отразить факты, находящиеся «на периферии» нормы, в частности «профессиональные» варианты нормы, а также «отрицательный» языковой материал, находящий оформление в виде так называемых запретительных помет. Благодаря этим пометам

---

* Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы. Под ред. Р. И. Аванесова. Авторы С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. М., 1983. Изд. 5-е, исправленное и дополненное, М., 1989.

Данный комментарий посвящен тому кругу вопросов, в решении которых, как следует из предисловия к словарю, главная роль принадлежит Н. А. Есковой.

** В дальнейшем используется условное обозначение ОЭ, под которым «Орфоэпический словарь» фигурирует в «Сводном словаре современной русской лексики» (тт. 1–2, М., 1991). Используются и другие индексы из этого источника: У — словарь под ред. Д. Н. Ушакова, Б — «Большой академический словарь», М — «Малый академический словарь», Ож — словарь С. И. Ожегова (словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой обозначается индексом О–Ш).

существенно расширен круг фиксируемых словарем языковых фактов при сохранении строго нормативного подхода к ним.

Требует отдельного освещения вопрос о хронологических рамках словаря. ОЭ — нормативный словарь современного языка. Он включает элементы уходящей нормы (одна из нормативных помет — «допустимо устаревающее»), но не должен отражать нормы окончательно ушедшие.

Когда в начале 1990-х годов началась работа над новым изданием ОЭ, было задумано дополнить его приложением, отражающим старые, окончательно ушедшие нормы, известные современному культурному человеку из его «круга чтения».

Задуманная первоначально в скромном объеме с ограничением круга источников преимущественно наиболее известными, самыми «читаемыми» авторами, эта работа вышла за первоначальные рамки и привела к созданию отдельного лексикографического труда — «Словаря норм русского литературного языка XVIII–XIX веков». Каждая статья этого словаря дает сопоставление старой нормы с современной. Поскольку этот труд тесными узами связан с ОЭ, в настоящий комментарий включена его общая характеристика.

В книге обосновывается ряд принятых лексикографических решений, относящихся к определению состава парадигм слов. В словаре, вслед за А. А. Зализняком ([Зализняк 1967]) признается существование двух особых падежей — второго родительного (партитива) и второго предложного. Раскрывается, какие трудности подстерегают лексикографа, поставившего задачу строго определить круг слов, имеющих формы партитива.

Словарь ставит своей задачей (с ограничениями, определяемыми тем, что он не толковый) исчерпывающе представлять состав парадигм слов, избегая умолчаний, к которым прибегают в своих грамматических частях толковые словари. Впервые эту задачу решает «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка ([Зализняк 1977]), осуществляющий ее нетрадиционным для русской лексикографии способом подачи материала. ОЭ, давая в определенных пределах ту же информацию, делает это в русле русской лексикографической традиции — подачей при исходных формах слов необходимого набора сведений о прочих словоформах парадигмы.

Комментарий неравномерно освещает конкретные вопросы. Обращает на себя внимание краткость раздела об ударении и, напротив, большой объем морфологического раздела. Это объясняется тем, что как раз в решении морфологических вопросов

словарь содержит много нетрадиционного по сравнению не только с толковыми словарями, но и с грамматиками. Некоторые из принятых лексикографических решений требуют подробных обоснований. Тем же объясняется неравномерность рассмотрения отдельных явлений и внутри этого раздела: относительно подробно говорится о некоторых интересных мелких явлениях (до этого мало освещавшихся), в то время как более крупные вопросы остаются вообще не затронутыми.

Необходимо специально подчеркнуть, что вся организация работы по подготовке ОЭ отличалась от того, как обычно «делаются словари». Известно, что словари составляются «по буквам», от слова к слову, и если словарь готовит большой коллектив, буквы распределяются «по авторам». При этом трудно избежать противоречий и тавтологий в толкованиях слов, а также соблюсти согласованность в выработке нормативных рекомендаций для слов, в которых отражаются общие произносительные, акцентные, морфологические явления.

Работе непосредственно над текстом ОЭ предшествовала трудоемкая подготовительная работа, состоявшая в составлении картотек по основным явлениям, находящим отражение в словаре, и основанных на них списков. Нормативная рекомендация для каждого слова вырабатывалась при сопоставлении всех относящихся к соответствующему явлению слов.

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

1. ОБЪЕМ ИНФОРМАЦИИ СЛОВАРЯ ОРФОЭПИЧЕСКОГО ТИПА

Словарь, вышедший в 1983 г. и получивший название «орфоэпического», имеет свою короткую историю. В 1955 г. вышел опыт словаря-справочника [Аванесов и Ожегов 1955; в дальнейшем АО]. В основу была положена идея создания нетолкового словаря, отражающего совокупность норм устной речи, объединяемых понятием «орфоэпия». Подчеркивалось, что орфоэпические нормы «не отражаются в должной мере на письме» [АО: 5].

В этом первом опыте орфоэпического словаря не был решен и, более того, не был даже поставлен в теоретическом плане вопрос о том, как в нем должны быть представлены парадигмы слов. Практически (за небольшими исключениями) в этом словаре приводятся при заголовочных словах только те формы, которые нужны для указания ударения.

На это слабое место АО указал в своей рецензии Л. Копецкий, склоняющийся к такому решению затронутого им вопроса: «По-видимому, орфоэпический справочник должен давать последовательно указания и рекомендации о “правильном” и “неправильном” в языке вообще, о всех колебаниях и распространенных нарушениях произносительной нормы, которые могут проявляться, естественно, не только в основной форме слова, но и в любой форме изменяемых слов» [Копецкий 1957: 119].

В вышедшем в 1959 г. словаре-справочнике [Аванесов и Ожегов 1959; в дальнейшем АО¹] первый «опыт» был существенно переработан. В отношении объема информации главное отличие от АО заключалось в добавлении значительного количества сведений о грамматических формах, не нужных с точки зрения заявленных в названии словаря задач. Теоретических обоснований это расширение информации не получило, но ее практическая полезность для пользователей несомненна.

При подготовке переиздания АО¹ вопрос об объеме информации словаря оказался в центре внимания. Работа вышла за пределы первоначально намечавшегося и вылилась в создание на основе АО¹ нового словаря. Основным принципиальным вопросам, которые решались в процессе работы над ним, была посвящена статья [Еськова 1972].

Оказалась коренным образом пересмотренной главная идея, легшая в основу АО — идея объединения произношения и ударения как явлений устной речи, не отражаемых или недостаточно отражаемых на письме, в некую совокупность, которая может лечь в основу создания специального словаря, отражающего эти нормы. Такое объединение основывается на поверхностном подходе к этим двум явлениям. Чисто внешний признак — недостаточное отражение на письме — принят за существенный.

Ударение в русском языке — морфонологическое явление, составляющее органическую часть морфологии. Морфонологическое описание невозможно без сведений о месте ударения в словоформам.

А что такое «произношение»? Словарь лингвистических терминов выделяет два значения: 1) характер, особенности артикуляции звуков речи; 2) совокупность орфоэпических норм, характеризующих ту или другую разновидность данного языка. При обычном, не очень строгом употреблении этого не очень точного термина под произношением, в сущности, понимают совокупность тех черт реального звучания словоформ, которые не принимаются во внимание при морфонологическом описании.

Таким образом, ударение и произношение — явления разного порядка. Даже объединяющий их момент — степень отражения на письме — носит разный характер.

Недостаточное отражение на письме произношения определяется основным (фонематическим) принципом русской орфографии. Что же касается указания места ударения в словоформам, то оно не противоречит письму, основанному на фонематическом принципе. Как известно, знак ударения применяется в «оптимальном» варианте русского письма, существующем для текстов особого назначения (так передаются на письме, в частности, заголовочные слова большинства словарей). Необозначение ударения в обычных текстах можно рассматривать как упрощение фонематического письма, вызванное практическими соображениями.

Нетолковый словарь, ставящий своей задачей дать информацию об устройстве парадигм (с той степенью полноты, к которой

целесообразно стремиться в словаре, не раскрывающем значений слов), с необходимостью включает сведения о месте ударения в каждой словоформе. К этой совокупности сведений, органически связанных, информация о произношении добавляется в виде особых помет (когда письменный облик слов недостаточно передает их звучание). Именно такова была концепция, положенная в основу словаря, который вышел впервые в 1983 г. и получил название орфоэпического. Таким оказался ответ на вопрос, поставленный Л. Копецким в отзыве об АО.

До сих пор это название воспринимается многими как спорное для словаря с указанным объемом информации. Но оно, в сущности, не находится в противоречии со следующим определением орфоэпии: «совокупность норм национального языка, обеспечивающих единство его звукового оформления» [Аванесов 1979: 185].

ОЭ фактически объединяет два словаря, отражающих нормы звукового оформления слов. Примечательно, что в дополнение к сведениям об устройстве парадигм изменяемых слов понадобилась своего рода «фонетическая парадигма»: приведение за особым знаком отдельных словоформ для указания произношения, характеризующего только эти словоформы.

Эти «два словаря» легко обретают отдельное существование. На основе ОЭ созданы словари трудностей, один из которых отражает морфологические нормы, куда органически включаются нормы морфонологические, в том числе акцентные, другой — нормы произношения [Еськова 1994; Каленчук, Касаткина 1997].

2. О ПРИНЦИПАХ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВНИКА

Словник ОЭ имеет свою специфику, определяемую его ориентированностью на формальную сторону языка.

Поскольку этот словарь не принадлежит к разряду словарей трудностей, он претендует на определенную «представительность» по отношению к составу лексики современного русского литературного языка. Но о степени полноты охвата русской лексики этим словарем нельзя судить по указанному на титульном листе количеству — 65 тыс. слов (в 5-м издании). На основании этой цифры можно заключить, что словарь по объему существенно уступает М (четырёхтомному «Малому академическому словарю») — более 80 тыс. слов, уступает даже Ож (однотомному словарю Ожегова) — в 23-м изд. 1991 г. 70 тыс. Так как ОЭ

имеет свою специфику отбора слов, сопоставление приведенных цифр без ее учета дает ложную картину «представленности» русской лексики в этом словаре.

С учетом этой специфики ОЭ по охвату лексики оказывается близким к словарям среднего объема — У (ок. 86 тыс.), М-2 (83 тыс.).

Примечание. То, что У несколько превосходит М по количеству слов, скорее всего связано со следующим обстоятельством. В У представлены как отдельные слова причастия и степени сравнения, которые в М включены в словарные статьи соответствующих глаголов и прилагательных.

С этим же обстоятельством связаны неверные характеристики словника ОЭ по сравнению с его «предшественником» — АО¹. В своей рецензии на первое издание ОЭ В. В. Колесов констатирует: «Словарь-справочник под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (М., 1959) включал почти на 12 тысяч слов меньше...» [Колесов 1984: 48]. Другой автор, отметив, что в ходе подготовки переиздания словаря 1959 г. возник новый словарь, пишет: «Новым словарем его следует считать не только оттого, что он увеличился более чем на 10 тыс. слов...» [Шульга 1987: 5].

В действительности словник ОЭ превышает словник АО¹ почти вдвое. Объем АО¹ — ок. 52 тыс. слов. Но в этом словаре даны как отдельные слова формы причастий, деепричастий и степеней сравнения, включаемые в ОЭ в словарные статьи глаголов и прилагательных. При «пересчете» словника АО¹ на такую форму подачи он составит не более 35 тыс. слов.

В основе принципа составления словника ОЭ лежат два основных момента. С одной стороны, этот словник, как уже сказано, претендует на некоторую «представительность» по отношению к лексическому составу современного русского литературного языка. Это значит, что ОЭ включает некий основной «костяк» наиболее употребительных слов.

С другой стороны, ОЭ ставит задачи, относящиеся к внешней стороне словоформ. Этим определяется особое внимание к словам, нестандартным с точки зрения произношения, ударения, морфологии. Такие слова, представляющие формальный интерес, подлежат включению в словарь, так сказать, «в первую очередь». Процент таких слов по отношению к общему объему оказывается в ОЭ выше, чем в словаре толковом, для которого первостепенный интерес представляет смысловая сторона языка.

Исходя из той же формальной направленности оказалось целесообразным освободить словник ОЭ от ряда производных слов абсолютно регулярного образования.

При подготовке ОЭ была составлена подробная инструкция, один раздел которой относится к составу словника. В ней перечислены разряды слов, подлежащие включению в словарь в объ-

еме, близком к исчерпывающему (в тексте инструкции условно определяемому как «исчерпывающий»). Есть смысл привести здесь эту инструкцию.

Конечно, в первую очередь подлежат включению в словарь слова, в которых представлено колебание ударения — во всей системе форм или в отдельных формах. В следующем далее перечислении разрядов слов это свойство специально не оговаривается.

Состав словника по отдельным частям речи

А. Существительные

Исчерпывающей фиксации подлежат следующие разряды существительных.

1. С точки зрения ударения.

1. Существительные с подвижным ударением (схемы ударения **c, d, e, f** — по А. А. Зализняку [Зализняк 1967: 153]).

2. Существительные с неподвижным ударением на флексии (схема **b**).

3. Существительные с неподвижным ударением на основе (схема **a**) с такой формальной структурой основы, которая определяет возможность воздействия на них подвижного ударения или ударения схемы **b**. Сюда относятся:

1) существительные с односложной основой, кроме имеющих исходную форму с флексией *-а* (традиционного первого склонения);

2) существительные муж. р. с двусложной начальнударной основой и с трехсложной срединнударной основой определенного строения (*я́рус, вы́ступ, вы́стрел; бульдо́зер, компрéссор*), проницаемые для воздействия ударения схемы **c** при им. мн. с ударной флексией *-á*;

3) существительные жен. р. традиционного третьего склонения с неодносложной начальнударной основой (*за́поведь, при́месь, ну́стошь*), проницаемые для воздействия ударения схемы **e**;

4) существительные муж. р. с неодносложной конечноударной основой и теми финалями, которые определяют возможность воздействия ударения схемы **b** (*-áж, -ák, -ýк, -ýк* и др.).

4. Существительные с ударением схемы **a**, принадлежащие к разрядам, определяющим возможность расположения ударения на разных частях слова; сюда относятся:

1) существительные ряда суффиксальных разрядов (с суффиксами *-ищ-, -ение, -анин, -ина* и др.);

2) бессуффиксальные образования от приставочных глаголов, которые могут иметь ударение и на приставке, и на глагольном корне (*до́говор, о́тсвёт, на́рбо́ст*);

3) заимствованные существительные, входящие в определенные группы (на *-ер — -ёр, -ия — -йя* и др.).

II. С точки зрения особенностей словоизменения.

1. Существительные с формально «непредсказуемыми» на основе исходных словоформ парадигмами или отдельными словоформами парадигмы; сюда относятся:

1) существительные с основами на мягкие и шипящие согласные, имеющие в им. ед. нулевую флексию; их парадигма формально невыводима из исходной словоформы (ср.: *нехри́сть — нехри́стя — нехри́stem и нечи́сть — нечи́сти — нечи́стью*);

2) существительные *pluralia tantum*; у них словоформы родительного формально невыводимы из именительного (ср.: *деба́ты — деба́тов и хлопо́ты — хлопо́т*).

2. Существительные, парадигмы которых включают нестандартно образуемые словоформы; сюда относятся:

1) существительные, имеющие особые формы партитива (второго родительного падежа): *чаю, саха́ру, ча́йку, саха́рку* и т. п.;

2) существительные, имеющие особые формы местного (второго предложного) падежа: *в ле́су; в, на ша́фу; на ба́лу; в, на пе́чи; в сте́н* и т. п.; эти существительные обладают формальной структурой, обеспечивающей их включение в словарь и на основании раздела I инструкции;

3) существительные, обозначающие единицы измерения, имеющие особые счетные формы (*ампе́р, ват, во́льт, рентге́н* и др.);

4) существительные, нестандартно образующие род. п. мн. ч. (к таким формам относятся, например, *юноше́й, солда́т, пла́тьев*);

5) существительные, парадигмы которых имеют различные особенности: наращения и усечения основ, супплетивные формы и пр. (*зна́мя — знаме́ни, по́лено — по́ленья, кресть́янин — кресть́яне, челове́к — лю́ди* и т. п.).

В связи с решением не перегружать словник регулярными производными словами, как правило, не включаются в словарь следующие суффиксальные существительные:

1) парные образования жен. р. на *-ка, -ица, -ница* от существительных муж. р. со значением лица (*аристократка, счастливица, учительница*);

- 2) существительные на *-ость* с чисто абстрактным значением;
- 3) отглагольные образования со значением отвлеченного действия.

Б. Прилагательные

Исчерпывающей фиксации подлежат следующие разряды прилагательных.

1. С точки зрения ударения.

1. Прилагательные, фиксируемые ради ударения в системе полных и кратких форм.

1) Прилагательные с подвижным ударением и с неподвижным ударением на флексии (схемы ударения *a/b*, *a/b'*, *a/c*, *a/c'*, *b/c*, *b/c'*, *b/b* — по А. А. Зализняку [Зализняк 1967: 154]).

2) Прилагательные с неподвижным ударением на основе (схема *a/a*), если основа односложна; в пределах этой формальной структуры граница между подвижным и неподвижным ударением оказывается у прилагательных очень зыбкой.

2. Прилагательные, представляющие интерес с точки зрения их словообразовательного ударения.

1) Прилагательные с суффиксом *-ов-*:

а) образованные от односложных основ — при любом ударении (*ба́зовый*, *бе́лковый*, *бе́ловый*);

б) образованные от неодносложных основ — при ударении на суффиксе или флексии (*барсуко́вый*, *берегово́й*).

2) Прилагательные с суффиксом *-н-*:

а) образованные от односложных основ — при любом ударении (*ба́нный*, *глазно́й*);

б) образованные от неодносложных именных основ — при ударении на флексии (*возра́стной*);

в) образованные от неодносложных именных основ — при ударении не на том слоге основы, что у производящего существительного (*зерка́льный*, *авари́йный*);

г) отглагольные образования — тех разрядов, у которых ударение может находиться и на глагольной основе, и на флексии (ср. *нано́сный* и *выно́сной*).

3) Прилагательные с суффиксами *-ск-* и *-овск-*:

а) образованные от односложных основ — при любом ударении (*а́дский*, *ба́нковский*, *попо́вский*, *людо́ский*, *плуто́вский*);

б) образованные от неодносложных основ — при ударении на суффиксе *-овск-* или на флексии, а также при ударении на основе, не совпадающем с ударением производящего существительного (*ста́риковский*, *горо́дской*, *мини́стерский*).

4) Прилагательные с другими суффиксами, ударение в которых может быть на разных частях слова (*ма́сляный, полотня́ный, лубяно́й; кле́тчатый, зубча́тый* и др.).

II. С точки зрения особенностей словоизменения.

1. Прилагательные с нестандартным соотношением между краткой формой муж. р. и остальными словоформами (*безуко́ризнен — безуко́ризненна*).

2. Прилагательные причастного происхождения, имеющие краткие формы (*взволнова́нна, блестя́ща*).

3. Прилагательные, образующие формы сравнительной степени с непродуктивными суффиксами *-е* и *-ше* или супплетивно (*хоро́ший — лу́чше*). Подавляющее большинство таких прилагательных подлежит фиксации и исходя из требования пункта I.1.

В соответствии с сформулированным выше принципом словник ОЭ освобожден от прилагательных с суффиксами *-ов-, -н-, -ск-, -овск-*, образованных от существительных с неодносложными основами, с ударением схемы *а* на том же слогѣ основы, что и у производящего существительного, и с «стандартным» значением отношения к соответствующему предмету (например, *раки́товый, гобеле́новый, ку́старниковый; брига́дный, вертолѣ́тный; орденский, дирижа́ёрский, юннатовский*).

Примечание. Из этого следует, что в словарь не попадают параллельные образования от одного существительного с разными суффиксами (например, *бензи́нный — бензино́вый*). Но в ОЭ решается ограниченный круг задач, и отражение словообразовательной вариативности в него не входит.

В. Глаголы

Исчерпывающей фиксации подлежат следующие разряды глаголов.

I. С точки зрения ударения.

1. Глаголы с подвижным ударением в подпарадигме настоящего-будущего времени (*варю́ — ва́рит, тяну́ — тя́нет*).

2. Глаголы с подвижным ударением в подпарадигме прошедшего времени (*бра́л — бра́ла — бра́ло — бра́ли, по́нял — по́няла — по́няло — по́няли*).

3. Переходные глаголы на *-ить* с ударением на теме, которые имеют неподвижное ударение на флексии в подпарадигме настоящего-будущего времени и обнаруживают подвижность ударения в системе форм страдательных причастий прошедшего времени (*приговори́ть — приговори́ю — приговори́т — приговоре́нный — -ён, -ена́, -ено́, -ены́*). Эти глаголы проницаемы для

воздействия со стороны глаголов на *-ить* с подвижным ударением.

4. Переходные глаголы с ударным показателем класса (темой), у которых страдательные причастия прошедшего времени образуются со сдвигом ударения на слог влево (*прочита́ть* — *прочи́танный*, *нарисова́ть* — *нарисо́ванный*, *распахну́ть* — *распахну́тый*).

II. С точки зрения особенностей словоизменения.

1. Глаголы, относящиеся к непродуктивным классам и группам.

2. Глаголы на *-ить* с основами на те согласные, которые при образовании 1 л. ед. ч. настоящего-будущего времени и страдательных причастий прошедшего времени испытывают чередование (*покрасить* — *покрашу* — *покрашенный*, *приготовить* — *приготовлю* — *приготовленный*). Эта морфонологическая черта является предпосылкой затруднения в образовании словоформ 1 л. ед. ч. (например, у глаголов *кудесить*, *шкодить*).

3. Глаголы с такой формальной структурой основы, которая создает предпосылки для вариативного образования форм повелительного наклонения — с флексией *-и* и с нулевой флексией (*почисти* и *почисть*, *разжалоби* и *разжалобь*).

4. Глаголы, образующие видовую пару, если формальная структура основы глагола совершенного вида позволяет образовывать парный по виду глагол и с чередованием *o/la*, и без такого чередования (*удостоить* — *удостаивать* и *обезболить* — *обезболивать*); это формальное условие является предпосылкой вариативного образования несовершенного вида (*обуславливать* и *обусловливать*).

Исчерпывающая фиксация (в указанном условном смысле) не означает включения всех приставочных образований от «формально интересных» глаголов; с ограничениями фиксируются глаголы с приставками, имеющими «типизированное» значение (*за-*, *по-* и др.), редкие, малоупотребительные приставочные глаголы.

Из возвратных глаголов не включаются имеющие чисто страдательное значение и некоторые малоупотребительные или близкие к окказионализмам образования (типа *распахнуться*, *заскакаться*, *наохотиться*, *отковыряться* и т. п.).

Видовые пары представлены в словаре всегда обоими членами; каждый член пары представлен на своем алфавитном месте, и, за исключением особых случаев, при них отсутствуют взаимные отсылки. Это связано с общим принципом ограничен-

ного отражения в ОЭ содержательных грамматических сведений (см. об этом дальше). Раздельная подача членов видовой пары является условным решением, продиктованным практическими соображениями, а не отражением теоретической позиции, в соответствии с которой видообразование относится не к словоизменению, а создает другое слово.

Не включаются в словарь члены видовых пар, общеупотребительность которых сомнительна (такие как *испекать* к *испечь*, *надышивать* к *надышать* и т.п.).

Г. Прочие части речи

Исчерпывающей фиксации подлежат следующие слова.

1. Наречия, представляющие интерес с точки зрения ударения.

1) Наречия на -о, соотносительные с краткими формами среднего рода, но отличающиеся от них ударением (например, *мáло* при *мало́*, *здóрово* при *здорово́*).

2) Наречия, образованные с помощью приставок от основ прилагательных, которые могут иметь ударение на разных частях (например, *дóбиста*, *добелá*; *зáживо*, *задóлго*; *íзредка*, *издалекá* и *издалёка*; *на́глухо*, *надóлго*; *по́пусту*, *подóлгу*; *со́слеу*, *смо́лоду*).

3) Наречия, соотносительные с предложно-падежными конструкциями (например, *дóнизу*, *на́спех*, *о́троду*, *по́верху*).

2. Все числительные.

3. Все местоименные слова.

4. Все предлоги, союзы, частицы, междометия.

Словник дополнительно «насыщен» словами, представляющими интерес с точки зрения указания произношения. Могут даваться производные слова, в соответствии с приведенной инструкцией не подлежащие фиксации, если в них представлены звукосочетания, требующие произносительных помет. Словник также пополнен сложными словами для указания наличия/отсутствия побочного ударения.

3. ГРАММАТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ.

ОБЪЕМ И СПОСОБ ПОДАЧИ

Как сказано выше, в задачу ОЭ входит информация об устройстве парадигм слов с теми ограничениями, которые налагаются отсутствием толкований слов, направленностью на внешнее выражение словоформ. «Формальная» ориентированность сло-

варя сказала, как только что было показано, и на принципах составления словника.

Ни один из толковых словарей русского языка не содержит доброкачественной информации обо всей совокупности грамматических форм слов. Это относится и к лучшему из них — четырехтомному словарю Ушакова (в дальнейшем — **У**), вступительная статья которого включает обширные грамматические сведения и указания на то, как те или иные формы подаются в словаре [Ушаков 1935]; сведения эти, однако, не всегда точны и не могут считаться исчерпывающими.

Толковые словари, появившиеся после **У**, — одготомный словарь Ожегова (**Ож**), «Большой академический словарь» в 17 томах (**Б**) и четырехтомный «Малый академический словарь» (**М**) уступают **У** по полноте и точности сведений об устройстве парадигм.

Среди тех сложных содержательных проблем, которые приходится решать при составлении толкового словаря, формальные сведения об устройстве парадигм занимают скромное место. Тщательно разработать систему их подачи легче в словаре, не дающем толкований слов, где есть возможность целиком сосредоточить внимание на «внешней оболочке» слова во всей совокупности его форм.

В 1977 г. появился «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка [Зализняк 1977, в дальнейшем **ГС**], который, не раскрывая значений слов, полно дает их словоизменительные характеристики. Способ подачи сведений в **ГС** отличается от выработанного русской лексикографической традицией. Информация к каждому слову дается в виде индексов при исходных формах, отсылающих к грамматическому описанию.

Вторым нетолковым словарем, решающим сходную задачу, является **ОЭ**, сохраняющий традиционный способ сообщения грамматической информации — приведение при исходных формах необходимого набора сведений о других членах словоизменительной парадигмы. Как соотносится даваемая им информация (той его части, которая не относится к произношению) с информацией **ГС**?

Ориентация на внешнюю сторону устройства парадигм определяет в **ОЭ** ограничения в сообщении содержательной грамматической информации (которая дается в **ГС**). Это касается следующих сведений:

- 1) одушевленность/неодушевленность существительных;
- 2) вид глаголов;

3) переходность/непереходность глаголов.

Особо следует сказать о п. 1. Эти сведения, тесно связанные с семантикой, тем не менее являются строго грамматическими, определяющими внешнее выражение форм винительного падежа (по-разному в зависимости от грамматического рода и склонения существительного). В русских толковых словарях не сложилось традиции сообщать эти сведения (для чего не существует разумных оснований). ГС впервые определяет принадлежность к категории одушевленности/неодушевленности большого массива существительных, решая головоломно трудную для нетолкового словаря задачу (поскольку по этому признаку в значительном числе случаев приходится дифференцировать слова по значению).

В ОЭ, как и в толковых словарях, информация об одушевленности/неодушевленности существительных отсутствует.

ГС не дает полного представления о составе парадигм в тех случаях, когда этот состав определяется семантикой. Это относится к двум случаям: наличию/отсутствию подпарадигмы множественного числа существительных и наличию/отсутствию подпарадигмы кратких форм прилагательных.

По отношению к этим двум случаям в ОЭ сохраняется непоследовательность большинства толковых словарей.

Толковые словари, за исключением У, не ставят своей задачей последовательно сообщать сведения о наличии/отсутствии у существительного множественного числа. О том, что существительное имеет множественное число, из словарной статьи Б, М, Ож можно узнать лишь в тех случаях, когда вся подпарадигма множественного или только родительный имеют формальные особенности, требующие специального указания (отдельный вопрос — насколько тщательно и последовательно даются такие указания). В этих словарях грамматические части словарных статей существительных, словоизменение которых целиком укладывается в стандартные схемы, одинаковы у слов с формами обоих чисел и у слов *singularia tantum*; так, в Б грамматические указания для слов *тайна, табун, талон, текст, тетрадь, трест* и для слов *тоска, твердь, творчество, теплынь, тлен, тонус, транс, требуха* выглядят одинаково. Такое решение для толкового словаря нельзя признать удачным, тем более что оно означает шаг назад по отношению к У (где у слов второй группы дается указание «мн. нет»).

В то же время для словарей грамматического и орфоэпического, не дающих толкований слов, отсутствие сведений о нали-

чий/отсутствии множественного числа — сведений семантических, а не грамматических — можно признать правомерным. Так сделано в ГС и ОЭ. О том, как разработана в ОЭ подача формальных сведений об устройстве подпарадигмы множественного числа, сказано дальше (см. II.Б.1.3.1).

В подаче подпарадигмы кратких форм прилагательных ОЭ, следуя традиции толковых словарей, выходит за рамки сообщения сугубо формальных сведений: краткие формы приводятся для всех прилагательных, имеющих их хотя бы в одном значении.

Но традиционная подача кратких форм прилагательных сочетается в ОЭ с нетрадиционным решением в отношении форм сравнительной степени. Во всех толковых словарях эти формы приводятся только в случае их нерегулярного образования. Это было бы правомерно, если бы наличие у прилагательного кратких форм означало наличие у него и степеней сравнения и, следовательно, регулярно образуемой формы сравнительной степени. Но это не так. В самом общем виде известно, что отдельное прилагательное, не принадлежащее к разряду относительных, не имеет непременно всех грамматических признаков качественности, в частности наличие кратких форм не означает непременно наличия степеней сравнения. Но из этого хорошо известного факта не было сделано «лексикографических выводов», и словари русского языка до сих пор оставляли открытым вопрос о наличии у прилагательного формы сравнительной степени, если она не имеет формальных особенностей.

В ОЭ на формы сравнительной степени распространен принцип подачи, принятый для кратких форм: они приводятся для всех прилагательных, имеющих их хотя бы в одном значении, т. е. для констатации наличия у прилагательных форм этой категории и при их регулярном образовании. И оказывается, что это приводит к отнюдь не тривиальному результату (см. II.Б.2.1).

Как уже сказано, в ОЭ принят традиционный способ сообщения формальных сведений об устройстве парадигм, который заключается в ориентации на их стандартное устройство и наличие определенного числа отклонений от стандарта. Стандартные парадигмы представлены в словарной статье указанием при исходной форме минимальных сведений об устройстве прочих форм парадигмы (для существительных таким «минимумом» является приведение флексии родительного единственного, для глагола — первого лица и одной из прочих пяти форм настоящего-будущего времени). Формы сверх минимума приводятся в случае морфологической или акцентной нестандартности.

Этот традиционный принцип в существующих толковых словарях не реализуется с достаточной последовательностью. Последовательная реализация его в ОЭ приводит к обнаружению фактов и закономерностей, остававшихся до сих пор скрытыми или выявленными не полностью.

Оказываются выявленными и получают объяснение затруднения в образовании отдельных членов парадигм у слов, обладающих определенными формальными особенностями: форм родительного множественного (например, существительных *балда*, *брюзга*, *мечта*, *мольба*; см. дальше: П.Б.1.3.1), форм повелительного наклонения (например, глаголов *осмеять*, *настоять*; см. П.Б.3.3), форм страдательных причастий прошедшего времени (например, глаголов *доконать*, *пошатнуть* и *занозить*, *приютить*; см. П.Б.3.5).

Речь идет о затруднениях, связанных с недостаточным автоматизмом в реализации некоторых морфонологических закономерностей — чередований согласных и явления акцентного сдвига (см. [Еськова 1989а]). Результатом этого оказывается неполная свобода употребления отдельных форм в составе парадигм или их полная неупотребительность. В ОЭ такие формы характеризуются соответственно пометами «несвободно» (приводится при форме) или «неупотребительно» (служит заменой формы).

То же явление отражено в ГС в виде одной пометы «затрудн.» (образование данной формы затруднительно). Такое менее дифференцированное отражение явления соответствует принятому в этом словаре способу сообщения грамматических сведений. ГС, содержащий развернутое грамматическое описание, к которому отсылают индексы при исходных словоформах в словаре, акцентирует внимание на устройстве грамматического механизма. ОЭ демонстрирует результат действия этого механизма, представляя (в сокращенном виде) сами парадигмы слов. При этом недостаточно лишь констатации затруднения в действии механизма.

Пометы «несвободно» и «неупотребительно» следует еще рассмотреть в связи с нормативной характеристикой слов (см. 1.5).

Еще одна особенность приведения парадигм слов в ОЭ — наличие некоторого числа избыточных указаний. Как уже сказано, сверх минимальных указаний, которые свидетельствуют о морфологическом и акцентном стандарте, приводятся нестандартные формы. Но в ряде случаев даются «сверх минимума»

и стандартные формы. Эти указания избыточны, но эта избыточность имеет целью определить «зоны», в пределах которых осуществляется взаимодействие определенных морфологических и акцентных типов. Подробнее о том, когда приводятся избыточные формы, говорится при рассмотрении конкретных явлений.

Далее (в разделе II.Б) рассматривается, как подаются в ОЭ основные категории грамматических форм. Относительно подробно рассмотрены те случаи, когда подача нетрадиционна или основывается на данных, позволяющих представить закономерности образования определенных форм более точно, чем в существующих словарях и грамматиках.

4. ОБЩИЙ ПОРЯДОК СООБЩЕНИЯ СВЕДЕНИЙ О ПРОИЗНОШЕНИИ И ПОБОЧНОМ УДАРЕНИИ

Способ сообщения в словаре сведений о произношении определяется сложившимся соотношением между звучащей русской речью и ее письменным отражением. Регулярный характер отражения в русском письме единиц звукового строя языка делает излишним снабжение каждой словоформы фонетической транскрипцией. В подавляющем большинстве случаев звучание русской словоформы может быть получено из ее буквенного облика при помощи правил чтения. Отражению в словаре подлежит тот «остаток», который этими правилами не охватывается.

Так и была сформулирована задача в АО и АО¹ — словарных «предшественниках» ОЭ. Этот принцип сообщения сведений о произношении сохраняется и в ОЭ. Не претерпел существенных изменений и круг отражаемых словарем произносительных явлений. Сохраняется в основном и предложенный в АО и АО¹ способ подачи произносительной информации, что не исключает ряда уточнений и более дифференцированной подачи некоторых сведений, а также ряда «технических» новшеств. На одном важном новшестве необходимо специально остановиться.

То или иное произносительное явление может быть свойственно не всей системе форм слова, а лишь некоторым его словоформам. Так, в системе форм существительных с основами на группу твердых согласных (чаще всего — на две) ассимилятивное смягчение может обнаруживаться лишь перед флексией *-e*: *артист* — *об арти[с^b]те*, *весна* — *(о) ве[с^b]не*. В АО такие требующие отдельной произносительной характеристики словоформы в большинстве случаев оставались без помет; в АО¹ на это явление было обращено внимание, но учитывались только такие

случаи, когда словоформы, требующие индивидуальных помет, подлежали приведению в словаре по общим правилам подачи неисходных словоформ. Так, у глагола *гаснуть* снабжены пометой [с^бн^б] словоформы *гаснешь*, *гаснет*, но осталась без пометы [с^бл^б] словоформа *гасли* — поскольку «по правилам» полагалось привести для прошедшего времени только формы мужского и женского рода.

В ОЭ эта неполнота сообщения сведений о произношении полностью устранена, для чего все включенные в него слова «пропущены» через своего рода «фонетическую парадигму». Словоформы, приведение которых не требуется для грамматической и акцентной характеристики слова, приведены специально (за особым знаком) с произносительной пометой, характеризующей только эту словоформу. Например:

студѐнт, -а Δ о студѐнте [н^бт^б]

Побочное ударение впервые нашло отражение в АО и АО¹, для чего применяется знак '. Этот способ сохраняется в ОЭ.

5. НОРМАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВ

Языковая норма — объективно существующее явление; изучать ее и утверждать на основе этого изучения в нормативном словаре, «освященном» авторитетом Академии наук, — вовсе не значит (как думал А. А. Шахматов) «вместо того, чтобы показывать, как говорят» «указывать, как надо говорить» (цит.: [Ожегов 1955: 10]). Противопоставление в блестящей (читающейся как художественный текст) статье А. М. Пешковского объективной и нормативной точек зрения на язык [Пешковский 1925] лучше всего опровергается замечательным высказыванием Л. В. Щербы: «Некоторые думают, что нормативный словарь не может быть научным, и готовы противопоставлять нормативный словарь описательному. Это недоразумение: хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю. Может быть, норму трудно иногда подметить; но это уже несчастье исследователя и не имеет никакого отношения к принципиальной стороне дела» [Щерба 1974: 276].

Нормативное описание — одна из разновидностей научного описания языка, для которой существует два основных «жанра»: словарь и грамматика.

В процитированных словах Щербы лаконично и исчерпывающе сказано и о существе задачи, стоящей перед тем, кто решается своим авторитетом «утвердить» норму, и о трудности осуществления этой задачи. Пока не существует (и сомнительно, что когда-нибудь будет существовать) точный «инструмент» определения нормы, исключающий так называемую «субъективность».

Норма устанавливается исследователем (или коллективом исследователей-единомышленников) как акт сознательно принимаемой на себя ответственности. Ответственность особенно велика, если словарь снабжается грифом Академии наук. Но иного способа не существует.

Г. О. Винокур писал в свое время о сущности филологического метода критики текста, отвергая обвинение в «глубоком субъективизме»: «Субъективизм этот... покоится на прочных и рациональных научных основаниях, на законах понимания и в тенденции своей, в идеале, к которому он устремлен, дает знание объективное, строгое и точное» [Винокур 1991: 104].

Винокур говорит, конечно, о деятельности совсем иного рода — о достижении оптимального результата в работе текстолога. Основанием для того, чтобы обратиться к этим его соображениям, является общий момент — невозможность механического решения задачи, зависимость результатов от качеств самого исследователя, принимающего ответственное решение.

Сущность филологического метода Винокур раскрывает на таком забавном примере. «У Сологуба мальчик считает слово *Гегель* опечаткой, так как по его мнению “речь идет, конечно, о Гоголе”. Мальчик рассуждает точно тем же путем, что и филолог, с той только разницей, что у первого нет тех знаний и того опыта, которые позволили бы ему признать данную неясность кажущейся» [Винокур 1991: 81].

Установление нормы, при всем отличии от критики поэтического текста, — деятельность филологическая. Успех ее, кроме знаний и опыта, зависит от личных качеств исследователя. Не последнюю роль, разумеется, играет его природное языковое чутье.

Проблема нормы существует там, где есть возможность выбора из предоставляемого языковой системой. Такой выбор производится каждым говорящим, т. е. каждая индивидуальная речевая практика имеет свои «нормы». Словарь литературного языка отражает общепринятые нормы, нормы, выработанные коллективом говорящих, квалифицируемых как «носители литературного

языка». Способы установления этих общих норм далеки от точности. Исследователю доступно только одно: используя все известные ему факты, учитывая системные отношения, имея представление о тенденциях развития, составлять собственное представление о состоянии нормы в данный момент. Чем обильнее и доброкачественнее материал и выше профессиональные качества исследователя, тем ближе результат будет к объективному положению вещей (см. [Еськова 1972]).

Бытовавшее долгое время представление о том, что удачно осуществленная нормализация (кодификация нормы) должна свести к минимуму количество вариантов, признаваемых нормативными (если не изжить вариантность полностью), сменилось в последние десятилетия более здравым и реалистическим взглядом на вариативность нормы. В брошюре 1948 г. Е. С. Истрина писала: «...иногда даже приходится признать нормой самое наличие двух вариантов (хотя этого следует всячески избегать)» [Истрина 1948: 5]. Такова была установка при составлении АО, где во вступительной статье говорится: «Варианты в произношении и ударении отдельных слов, как правило, не даются, так как словарь имеет целью рекомендовать произношение и ударение, соответствующее нормам современного русского литературного языка. Однако в необходимых случаях даются варианты, обычно с особыми пометами» [АО: 9]. В предисловии выражается сожаление, что «при настоящем состоянии науки о нормах русского литературного языка не представлялось возможным провести нормализацию более строго, чем это сделано в словаре» [АО: 7]. В АО¹ сохранена та же установка, но количество вариантов, приведенных в словаре вопреки этой установке, увеличено.

В ОЭ от этой установки решительно отказались, о чем заявлено в предисловии. Была поставлена задача отразить варианты нормы в соответствии с реальным состоянием языка, с возможно большей точностью их квалифицировав. При этом в словаре оказались широко представлены равноправные варианты.

Реальное многообразие языковых фактов в их отношении к норме не втискивается в простое противопоставление «норма — не норма». Необходима шкала нормативности.

Эта шкала не должна быть излишне дробной. Все «градации» нормативного соотношения вариантов в их реальном функционировании не отразит даже очень дробная шкала, в то же время она потребует проведения очень многих «границ». Главная трудность нормативного описания как раз состоит в необходимости проводить резкие границы там, где есть целый ряд переходов. Надо

стремиться создать такую шкалу нормативности, которая, не претендуя на излишнюю «тонкость», улавливала бы существенные нормативные противопоставления.

Шкала, принятая для ОЭ, является, в сущности, минимальной. Квалификация вариантов, признаваемых находящимися в пределах нормы, сводится к трем случаям.

а) Варианты признаются равноправными (соединяются союзом и); примеры: *мыслитель* [с^бл^б и сл^б], *ба́ржа* и *баржа́*, *и́скристый* и *искри́стый*, *ржа́веть* и *ржаве́ть*, *кла́вишей* и *кла́виш*, *есте́ствен* и *есте́ственен*, *подве́ргнувший* и *подве́ргший*.

б) Один из вариантов признается менее желательным (он оценивается пометой «допустимо» — *допуст.*); примеры: *творо́г* и *допуст. творо́г*, *одновременный* и *допуст. одновременный*, *отдал* и *допуст. отдал*.

в) Один из вариантов, признаваемый менее желательным, дополнительно характеризуется как более старый, находящийся на пути к исчезновению (помета «допустимо устаревающее» — *допуст. устар.*); примеры: *ха́нжество* и *допуст. устар. ханже́ство*, *вдохнове́нен* и *допуст. устар. вдохнове́н*, *собра́лся* и *допуст. устар. собра́лся*.

Фигурирующая в словарях (в том числе в АО¹) при оценке вариантов нормы помета «разговорное» в ОЭ не используется. Эту помету трудно осмыслить как нормативную (а не стилистическую), оценка же вариантов в обсуждаемом словаре дается в строго нормативном плане.

Ограничение только этими тремя рубриками обеднило бы картину реального многообразия функционирующих в языке вариантов. Поэтому в словаре предусматривается отражение фактов, характеризующих особые сферы функционирования литературного языка, своего рода периферию нормы, а также фиксация отрицательного языкового материала.

Периферию нормы представляют: 1) варианты, характеризующие сферу художественной, поэтической речи; 2) варианты, воспринимаемые как норма в речи представителей определенных профессий.

Среди вариантов, характеризующих язык художественной литературы, одни являются принадлежностью только стихов (например, вышедший из употребления в общей речи устарелый вариант ударения *кладби́ще*), другие — и художественной прозы (например, *ли́сты* — у *деревьев*, *внемлю*, *внемлет*).

Среди вариантов ударения, представленных в речи людей определенных профессий, хорошо известны употребляемые мо-

ряками *компáс*, *мичманá*, *рапóрт*; астрономы упорно произносят *астрóном*, а музыканты — *полифóния*, *флейтóвый*, *валторнóвый*. Подобные варианты заслуживают фиксации в словаре в качестве профессиональной нормы.

Наконец, в ОЭ широко представлены варианты ударения и грамматических форм, признаваемые нарушением нормы. Они сопровождаются так называемыми запретительными пометами со своей шкалой: «не рекомендуется» (самая мягкая), «неправильно» и «грубо неправильно».

Здесь также введены двойные пометы. Запретительная помета «не рекомендуется» может дополняться указанием на то, что вариант, ныне находящийся за пределами нормы, в недавнем прошлом был нормативным. Такие варианты снабжаются двойной пометой «не рекомендуется устарелое» (*не рек. устарел.*; ср. сокращение *устар.*, расшифровывающееся как «устаревающее»). Этой пометой охарактеризован, например, вариант *библиóтека*: есть многочисленные свидетельства, что он до сих пор сохраняется в речи эмигрантов. Двойной пометой снабжены также варианты *блeять*, *иероглiф*, *клeить*, *тангó*, *украiнский* и мн. др.

Есть случаи, когда вариант, несомненно характеризующий профессиональную речь, не может быть отнесен даже к периферии нормы. В последнее время стали часто звучать с экрана телевизора: «дело **возбúждено**», «**осúжденные**». Произносят так работники правоохранительных органов. Это, несомненно, профессиональные варианты, но такие, которые заслуживают запрета. Для такого рода случаев в новом издании ОЭ предусмотрены двойные пометы, соединяющие «неправильно» и «не рекомендуется» с характеристикой варианта как профессионального.

По поводу критериев, на основании которых проводятся границы между разновидностями запретительных помет, можно повторить то, что сказано выше вообще о критериях установления нормы.

Как выяснено в разделе о подаче грамматической информации, исчерпывающее представление всех словоформ парадигм потребовало введения особых помет «несвободно» и «неупотребительно». Как соотносятся эти пометы с нормативными?

Характеризуя ту или иную форму как «несвободную» или «неупотребительную», исследователь сталкивается с теми же трудностями, что и при оценке «степени правильности» варианта. Оценка с точки зрения «свободы» не выводится механически из наличия/отсутствия таких форм в реальном употреблении. Так, в ряде случаев указанными пометами снабжены в ОЭ формы,

представленные в картотеках, использованных при подготовке словаря. Эти оценки даются с точки зрения нормы.

Как уже сказано, норма представляет собой осуществленный выбор. Традиционно считается, что выбор осуществляется из двух (редко — из большего числа) возможностей. Но выбор может осуществляться и между существованием и несуществованием в языке слова или формы слова. Известно, как много функционирует в реальном употреблении потенциальных или окказиональных слов. Решение о существовании их в языке (реализуемое, в частности, включением в словарь) — нормативное решение, связанное с преодолением тех же трудностей, с которыми исследователь сталкивается при выборе одного из вариантов.

Такой же нормативный выбор производится при оценке формы как существующей, несуществующей или «полусуществующей» (последнему случаю соответствует помета «несвободно»).

Поэтому пометы «несвободно» и «неупотребительно» являются, по существу, разновидностями нормативных помет (см. [Еськова 1990б]). И лишь нетрадиционность такого подхода заставляет воздержаться от прямого включения их в нормативные пометы в предисловии к ОЭ, адресованном широкому читателю.

6. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ СЛОВАРЯ

Шкала нормативности ОЭ включает помету «допустимо устаревающее», которая характеризует варианты, реально функционирующие в речи и не подлежащие «запрету», но отражающие уходящую норму. Уходящую, но не «ушедшую».

Среди запретительных помет тоже есть такая, которая связывает современное состояние языка с его прошлым: «не рекомендуется устарелое». В этом случае речь идет о вариантах, тоже реально функционирующих у современных носителей языка, но характеризующих уже ушедшую норму.

Проведение границы между этими случаями связано с общими трудностями в установлении нормы, о которых сказано выше. Вот несколько случаев для сравнения.

Пометой «допустимо устаревающее» снабжены, например: варианты ударения глагольных форм типа *назвалсѧ, собралсѧ*; варианты ударения кратких форм причастий женского рода типа *названѧ, собранѧ*;

варианты ударения прилагательных *заво́дский, пухово́й*;
варианты ударения заимствованных слов *геомéтр, индúстрия, раку́рс*.

С пометой «не рекомендуется устарелое» приводятся (после знака !), например:

варианты глагольного ударения *блея́ть, клей́ть*;
варианты ударения форм мн. ч. сущ. *дирéкторы, -ов, профéс-соры, -ов, то́мы, -ов*;

варианты ударения прилагательных *мелочно́й* ('придающий преувеличенное значение мелочам'), *стрельча́тый, фунтовóй*;

варианты ударения заимствованных слов *библио́тека, иерог-ли́ф, рево́львер, танго́*.

Сделано специальное предупреждение, что словарь не включает варианты, хорошо известные культурным носителям литературного языка из литературы XIX века, но уже не принадлежащие языку XX века, такие варианты, как *музы́ка, скалы́, дне́вный, таи́цит* и т. п.

Именно такого рода устарелые явления предполагалось отразить в приложении к словарю, которое, как уже сказано выше, переросло эти рамки и составило отдельный труд.

Граница между теми языковыми фактами, которые должен отражать ОЭ, и теми, которые составляют материал словаря норм XVIII–XIX вв., не всегда оказывается достаточно четкой. Современные толковые словари используют в качестве иллюстративного материала литературные тексты «от Пушкина до наших дней». И при толковании значений, и при оценке морфологических и акцентных вариантов нормы не так уж редки случаи, когда практически уже ушедшее из языка и знакомое нам лишь как читателям классических текстов прошлых веков включается в современные словари (при этом даже не всегда отмечается устарелый характер таких вариантов). Больше всего «грешит» этим Б, основанный на богатейшей картотеке, составлявшейся больше ста лет и включающей примеры из текстов начиная с XVIII века (ср.: [Горбачевич 1967]).

Несколько примеров. Современные нормативные словари считают существующим в языке наших дней вариант *трапéза*; между тем этот вариант ударения известен нам примерно «на тех же основаниях», что и *музы́ка* — из тех классических текстов, что у нас «на слуху» («Давно ль они часы досуга, **Трапéзу**, мысли и дела Делили дружно?»). **Ож** дает (как устарелый) вариант *на ба́ле* — яркую примету языка XIX века. В словарях У, Б, М приводится как равноправный вариант *зверок* (который удастся про-

иллюстрировать примерами только из старых авторов — Аксакова, Гончарова и Толстого); во втором издании Б добавлена помета «устаревающее», между тем это вариант полностью ушедший из языка. Той же оценки заслуживает приведенный в У с пометой «устар.» вариант *потоплённый*, проиллюстрированный хорошо известным текстом («на *потоплённые* луга»). Во втором издании Б признаются равноправными варианты *дрёма* и *дремá*; «виноват» опять-таки «первый поэт» («*дремá* долит»). Число подобных примеров можно увеличить.

Примечание. Вот пример, относящийся к толкованию значения слова. Современный читатель не без труда понимает следующую фразу из «Записок» М. И. Глинки: «...почти ежедневно видел Марию и *нечувствительно* почувствовал к ней склонность...» Из «Словаря языка Пушкина» можно узнать, что это значит 'незаметно для себя' («...Вот жизнь Онегина святая; И *нечувствительно* он ей Предался...»).

И это значение (совершенно утраченное в современном языке) дается в Б даже без пометы «устаревающее»! Иллюстрациями, естественно, служат примеры только из авторов XIX века.

Подготовленное новое, исправленное и дополненное, издание ОЭ по возможности «освобождено» от такого рода фактов, характеризующих прошлое языка и известных современным носителям только благодаря знакомству с литературой XIX века. Такие устаревшие варианты форм и слов лишь в силу некоторой «лексикографической инерции» фигурируют в современных словарях в качестве норм XX века.

II. ХАРАКТЕРИСТИКА КОНКРЕТНЫХ ЯВЛЕНИЙ

A. СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ

A.1. ОСНОВНЫЕ РАЗРЯДЫ СЛОВ, ПОДВЕРГАВШИЕСЯ РАССМОТРЕНИЮ

При работе над ОЭ была подвергнута критическому рассмотрению вся совокупность нормативных акцентных рекомендаций современных словарей литературного языка. Задачей авторов было привести утверждаемые словарем нормы в соответствие с реальными нормами — так, как их понимает данный авторский коллектив.

Реализация того подхода к нормализации, о котором сказано в общей части, привела к увеличению числа равноправных вариантов. Признаны соответствующими норме многие варианты, «по инерции» оценивавшиеся как неправильные в предыдущих словарях. В то же время увеличено количество фиксируемого словарем «отрицательного» языкового материала, получающего оформление в виде запретительных помет.

Для этой работы были составлены картотеки по основным разрядам слов, представляющим интерес с точки зрения происходящих в русском языке акцентных процессов. Нормативные рекомендации для отдельных слов вырабатывались с учетом этих процессов и на основании рассмотрения всех слов соответствующей группы. Далее приводится материал.

I. Ударение в парадигмах.

Имя существительное.

1. Существительные с исходными формами на *-а* (преимущественно женского рода), имеющие подвижное ударение разного типа или испытывающие колебание ударения между основой

и флексией во всей парадигме (*беда́, беды́ — бе́ды, бе́дам; гора́, горы́, го́ру — го́ры, го́рам; ба́ржа, -и и баржа́, -и*).

2. Существительные мужского рода с односложной основой, имеющие подвижное ударение разного типа или испытывающие колебание ударения между основой и флексией во всей парадигме (*бал, ба́ла — балы́, бало́в; гость, го́стя — го́сти, госте́й; конь, коня́ — ко́ни, коне́й; выюк, выю́ка и выюка́*).

3. Существительные мужского рода с неодносложными неоконечноударными основами, имеющими подвижное ударение (*го́лубь, го́лубя — го́луби, голубе́й; го́род, го́рода — города́, городо́в*).

4. Существительные мужского рода с неодносложными конечноударными основами и такими конечными элементами, при которых возможно неподвижное ударение и на основе и на флексии, а также колебание ударения в всей системе форм (слова на *-аж, -ак, -ык, -ук, -ун* и др.).

5. Существительные среднего рода с подвижным ударением разного типа (*письмо́, письма́ — пи́сьма, пи́сьмам; ме́сто, ме́ста — местá, местáм; зе́ркало, зе́ркала — зеркала́, зеркала́м*).

6. Существительные женского рода с основами на мягкие и шипящие согласные и нулевой флексией в исходной форме (традиционное третье склонение), имеющие подвижное ударение (*вещь, ве́щи — ве́щи, веще́й; ска́терть, ска́терти — ска́терти, скатерте́й*).

7. Существительные *pluralia tantum* с подвижным ударением (*дро́жжи, дро́жжей; по́мочи, помоче́й*).

8. Существительные всех морфологических типов, у которых в сочетаниях с предлогами представлены случаи перемещения ударения на предлог (*на́ зиму, за́ руку, на́ сторону; на́ бок, за́ год, по́ полу; по́ сердцу, за́ уши; за́ ночь, до́ смерти*).

Имя прилагательное

Прилагательные, имеющие подвижное ударение; такое ударение представлено только у прилагательных, имеющих краткие формы; в систему подвижного ударения входит также сравнительная степень с суффиксом *-ее* (*бле́дный — бле́ден, бледна́, бле́дно, бле́дны и бледны́, бледне́е*).

Глагол

1. Глаголы IV класса (на *-ить*), имеющие подвижное ударение или испытывающие колебание ударения между основой и флексией (*будить — бужу́, бу́дит, будя́щий; и́скриться, -рюсь, -рится и и́скри́ться, -рюсь, -ри́ться*).

2. Глаголы, имеющие подвижное ударение в подпарадигме прошедшего времени; принадлежат к нескольким непродуктив-

ным группам (*братъ* — *брал*, *бралá*, *брáло*, *брáли*; *пoнѣть* — *пoнѣл*, *пoнѣлá*, *пoнѣло*, *пoнѣли*).

II. Ударение, определяемое исходной формой слова и распространяющееся на всю систему форм.

Наблюдаемое в отдельных словах колебание ударения обычно связано с принадлежностью слова к определенному словообразовательному разряду или к группе с общими формальными свойствами.

Имя существительное

1. Незаимствованные существительные, в составе которых выделяется префикс, способный иметь не себе ударение (*зáговор*, *oтзвук*, *пoдѣть*).

2. Незаимствованные существительные суффиксальных разрядов, в которых ударение может находиться на разных морфологических частях (образования с суффиксами *-ота*, *-ина*, *-ица*; *-анин*, *-ец*, *-ик*, *-щик*, *-ич*; *-ание*, *-ение*, *-ство*, *-це/цо*, *-ище* и др.).

3. Заимствованные существительные, образующие группы с общими вторыми частями (*-вер*, *-мен*, *-ор*, *-ер*, *-мент*, *-лог*, *-метр*, *-граф*, *-ним* и др.).

Имя прилагательное

Прилагательные тех суффиксальных разрядов, в которых ударение может находиться на разных морфологических частях (образования с суффиксами *-ов-*, *-н-*, *-ск-*, *-ян-*, *-ист-*, *-чат-*, *-ив-*, *-им-*).

Глагол

Глаголы различного морфологического устройства, у которых ударение может находиться на разных частях основы (глаголы на *-ать*, *-еть*, *-овать*, *-ировать*, *-нуть*).

Неизменяемые части речи

Наречия и некоторые другие неизменяемые слова — при наличии колебания ударения или предпосылок для возникновения колебания (наречия, включающие основу прилагательного: *до-...-а*, *за-...-о*, *из-...-а*, *на-...-о* и др.).

Во всех рубриках учитывались слова, для которых в словарях не зафиксировано подвижное ударение или колебание ударения, при наличии фактов, свидетельствующих об акцентной «неустойчивости», о возможности воздействия на них слов с подвижным ударением или с колебанием ударения.

Далее прокомментированы принятые в ОЭ конкретные нормативные решения, содержащие элементы новизны по сравнению с другими нормативными источниками.

А.2. КОММЕНТАРИЙ К КОНКРЕТНЫМ РЕКОМЕНДАЦИЯМ

А.2.1. СЛОВАРНАЯ ПОДАЧА ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛОВ С ПОДВИЖНЫМ УДАРЕНИЕМ

Эти формы не приводятся в толковых словарях У, Б, М, Ож, О-Ш, БТС.

Подвижность ударения в подпарадигме настоящего времени, заключающаяся в противопоставлении форме первого лица (акцентно совпадающей с инфинитивом) всех остальных форм, осуществляется как продуктивное и развивающееся явление в глаголах IV класса (на *-ить*). Для причастий на *-щий* эта подвижность оборачивается возможностью «ориентироваться» в акцентном отношении на разные члены подпарадигмы; ср.: *брожусь, бродит — бродящий, лечу, лечит — лечащий*.

Основное «правило» для причастий на *-щий* предписывает ударение на суффиксе в соответствии ударению на флексии в форме первого лица: *бужу — будящий* (хотя *будит*), так же: *вожу — водящий, ловлю — ловящий, ношу —носящий, прошу — просящий, хожу —ходящий* и др.

Однако отступления от этого правила достаточно многочисленны. Ударение на основе (такое же, как во всех формах настоящего времени, кроме первого лица) имеют причастия *губящий, душащий, лёнящий, лупящий, любящий, тлящий, рубящий, служащий, цёнящий* и др.

Представлено и колебание ударения в этих формах; во многих случаях можно признать нормативными оба варианта, например: *белящий и белящий, валящий и валящий, ва́рящий и варящий, га́сящий и гася́щий, хва́лящий и хваля́щий, це́дящий и цедя́щий, шу́тящий и шутя́щий*.

Первая попытка представить в словаре формы причастий на *-щий* от глаголов на *-ить*, имеющих подвижное ударение, осуществлена в АО¹; при подготовке ОЭ явление было изучено с привлечением всех имеющихся материалов. Формы причастий на *-щий* (в соответствии с выработанными нормативными рекомендациями) приведены в словаре для всех глаголов на *-ить*, имеющих подвижное ударение или испытывающих колебание ударения в подпарадигме настоящего времени.

Сказанное о глаголах на *-ить* относится и к немногочисленным глаголам с подвижным ударением VII класса (на *-еть, -ать*); ср.: *вертя́щий, держа́щий, но ды́шащий, те́рящий*.

У немногочисленных глаголов с подвижным ударением другого устройства причастия на *-щий* совпадают по ударению не с первым лицом: *то́ну, то́нет — то́нущий, тя́ну, тя́нет — тя́ну-щий, бо́рюсь, бо́рется — бо́рющийся, колю́, ко́лет — ко́лющий*; однако: *могу́, мо́жет — могу́щий*.

А.2.2. КРАТКИЕ ФОРМЫ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТЕПЕНЬ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Этот участок русской акцентной системы представлен в ОЭ с существенными изменениями по сравнению с толковыми словарями. Рекомендации ОЭ основаны на пока не опубликованном исследовании (Н. А. Еськова. Подвижное ударение в системе имени прилагательного в русском литературном языке XVIII—XX веков), результаты которого были уже учтены в свое время в работах А. А. Зализняка [Зализняк 1967: 168] и Н. А. Федяниной [Федянина 1982: 147].

Характерное для всей русской акцентной системы особое положение слов с односложными основами, больше всего подверженных подвижности ударения, особенно явственно обнаруживается в системе ударения прилагательных.

Среди прилагательных с односложной основой, имеющих краткие формы, слова с подвижным ударением составляют большинство (из почти 400 таких прилагательных подвижное ударение имеют 200 с лишним, более 70 испытывают колебание между подвижностью и неподвижностью, около 100 имеют неподвижное ударение). Надо при этом отметить, что подвижность ударения свойственна прилагательным, отличающимся широкой употребительностью, тогда как среди слов с неподвижным ударением (или колеблющихся между подвижностью и неподвижностью) много таких, краткие формы которых малочастотны (что делает установление в них нормы ударения в известном смысле проблематичным). Прилагательные с неодносложной основой, имеющие подвижное ударение, представлены небольшим закрытым списком (около 20 слов).

Подвижное ударение в парадигмах прилагательных осуществляется внутри подпарадигмы кратких форм; в редких случаях

подвижность обнаруживается из соотношения полных форм с краткими.

Подвижность ударения устанавливается по краткой форме женского рода: ударение на основе — признак неподвижного ударения, ударение на флексии в подавляющем большинстве случаев означает подвижность (неподвижное ударение на флексии во всей парадигме у прилагательных, имеющих краткие формы, представлено всего несколькими словами).

При описании подвижного ударения прилагательных долгое время основной считалась схема, в соответствии с которой краткая форма женского рода с ударением на флексии противопоставлена остальным кратким формам (а у большинства прилагательных — и системе полных форм); ударение формы множественного числа считалось совпадающим с ударением среднего рода. Схема, которую можно представить образцом *громка́* — *гро́мко* — *гро́мки* (форма мужского рода, как имеющая нулевую флексию, опущена), была действительно господствующей в языке XIX века; но уже тогда начался процесс распространения на формы множественного числа ударения на флексии; поскольку оно не вытесняло ударение на основе, в этой категории форм оказалась широко представлена вариативность. Отражение этого явления в нормативных источниках происходило с большим отставанием от реального положения вещей; это отставание не до конца преодолено и до сих пор.

В Грамматике 1952 рекомендовалось ударение: *бле́дны*, *близки́*, *ве́рны*, *грязны́*, *дли́нны*, *кру́глы*, *прóсты*, *чи́сты* и др. Возможность двоякого ударения во множественном числе признавалась в порядке исключения лишь в немногих случаях: *ви́дны* и *видны́*, *го́дны* и *годны́*, *кру́пны* и *крупны́*, *ми́лы* и *милы́*, *но́вы* и *новы́*, *ну́жны* и *нужны́*.

В уже цитировавшейся выше рецензии Л. Копецкого признаются «шагом вперед по пути нормализации русского литературного языка» рекомендуемые в АО *го́дны*, *кру́пны*, *ми́лы*, *но́вы* вместо признававшегося Грамматикой 1952 и др. источниками нормативным колебания ударения (*го́дны* и *годны́* и т. д.) [Копецкий 1957: 116]. В действительности это была «мнимая нормализация», представлявшая собой шаг назад, и в АО¹ число случаев признания нормативным колебания во множественном числе было несколько увеличено.

При подготовке ОЭ акцентные нормативные рекомендации для кратких форм были коренным образом пересмотрены на основе указанного выше неопубликованного исследования. Ре-

результатом этого пересмотра было признание нормативным ударения на флексии в форме множественного числа (наряду с ударением на основе) у значительного числа прилагательных (более 100).

Распространение ударения на флексии в формах множественного числа — живой процесс. При этом играет роль степень употребительности прилагательного: нечастотные слова сохраняют во множественном числе ударение на основе, тогда как у широкоупотребительных прилагательных нормой становится равноправное сосуществование двух вариантов. Кроме того, имеет значение формальная структура основы прилагательного. Больше всего захвачены процессом распространения ударения на флексии формы множественного числа прилагательных на *-ный* (*бедный, бледный, вкусный, влажный, грозный, грязный, грустный* и т. д.; такое ударение можно считать одним из вариантов нормы более чем у 50 слов), меньше всего этот процесс захватил прилагательные на *-кий* (большинство их сохраняет ударение на основе: *бóйки, гáдки, гíбки, глáдки, грóмки, жéрки, жéдки* и т. д.; равноправными вариантами нормы можно признать лишь *близкий, низкий, тонкий* и *узкий*). Соответствуют норме варианты с ударением на флексии у многих бессуфиксальных прилагательных (*бодрый, гордый, густой, желтый, крутой, мертвый, мокрый, пестрый, простой, прямой, пустой, твердый, чистый* и др.).

Интересно рассмотреть случай, когда, несмотря на распространение в разговорной речи, ударение на флексии в краткой форме множественного числа не воспринимается как безусловная норма всеми носителями литературного языка и не дается в словарях (или приводится как «отрицательный» материал). Так произошло с вариантом *правы́*.

Г. О. Винокур, справедливо замечая, что языковая норма вырабатывается «опытом самой говорящей и пишущей среды», считает, что ученые-языковеды «лишены возможности доказать, положим, что ударение «вы *пра́вы*» лучше или хуже, чем «вы *правы́*»; ведь само по себе то или иное ударение не может быть лучше или хуже другого — оно становится более или менее приемлемым исключительно в меру общественно-культурной авторитетности тех, кто это ударение употребляет» [Винокур 1967: 13]. Но не следует исключить возможность в отдельных случаях обосновать лингвистически само это предпочтение авторитетными носителями литературного языка одного варианта другому. Попробуем сделать это в отношении вариантов *пра́вы/правы́*.

Есть три прилагательных, у которых краткие формы множественного числа, несмотря на широкую употребительность, сохраняют ударение на основе; это *жи́вы*, *сы́ты* и *це́лы*. Для первой формы вариант с ударением на флексии не зафиксирован, варианты же *сыты́* и *целы́* встречаются редко и воспринимаются как явно ненормативные.

«Неприятие» языковым сознанием многих носителей языка варианта *правы́*, как кажется, можно объяснить, рассмотрев особенности этих четырех прилагательных. Системы их кратких форм соотносятся с полными формами не так, как у основной массы качественных прилагательных. Они отошли по значению от соотносительных полных форм и представляют собой, в сущности, отдельные словарные единицы. Схематично можно представить их так.

жив, жива́, жи́во, жи́вы □ *Не умер* | Он еще жив

прав, права́, пра́во, пра́вы. □ Не ошибается, высказывает суждение, представляющееся верным | Теперь ясно, что он прав

сыт, сыта́, сы́то, сы́ты □ *Не испытывает голода* | — Поужинаете с нами? — Спасибо, я сыт

цел, целá, це́ло, це́лы □ *Сохранился, не пропал, не исчез* | Чемодан, к счастью, цел

(Здесь не учтены переносные употребления и закрепленные в фразеологизмах соотношения между *живой* — *мёртвый*, *правый* — *виноватый*, *сытый* — *голодный*.)

У форм *живы*, *сыты*, *целы* ударение на флексии не получает распространения. Те, кто не принимает как норму вариант формы *правы́*, очевидно, интуитивно ощущают «родственность» этого прилагательного трем другим, у которых таких вариантов нет.

В результате пересмотра рекомендаций было увеличено число случаев, когда признается нормативным двоякое ударение в краткой форме женского рода, что означает промежуточный случай между подвижностью и неподвижностью. Ранее в словарях такие случаи были единичны; в ОЭ их более 70 (*бро́ска* и *броска́*, *бу́рна* и *бурна́*, *вла́стна* и *властна́*, *гне́вна* и *гневна́* и т. д.).

Немногочисленны прилагательные с ударением на флексии в форме женского рода, имеющие такое же ударение (или двоякое ударение) в формах среднего рода и множественного числа. Таковы слова *белый*, *грешный*, *красный*, *мёртвый* (в переносном значении), *острый*, *пёстрый*, *полный*, *равный*, *свежий*, *светлый*, *тёмный*, *тёплый*, *умный*, *хитрый*, *чёрный* и нек. др. Состав их существенно не изменился на протяжении трех веков.

Процесс распространения ударения на флексии в формах множественного числа почти не сказывается на формах среднего рода. Лишь у немногих прилагательных в разговорной речи получают распространение варианты с ударением на флексии, которые пока можно квалифицировать как неправильные. Чаще других приходится слышать *близко́, важно́, нужно́, сильно́*.

Новым моментом в ОЭ является включение в систему подвижного ударения прилагательного формы сравнительной степени с суффиксом *-ее*. В подавляющем большинстве случаев ударение в этой форме совпадает с ударением краткой формы женского рода (ударению на флексии соответствует ударение на суффиксе: *белá — белее́, бедна́ — беднее́, бледна́ — бледнее́, бодрá — бодрее́, важна́ — важнее́, грозна́ — грознее́* и т. д.; при неодносложности основы: *веселá — веселее́, зеленá — зеленее́, холодна́ — холоднее́*).

В то же время в сравнительной степени на *-ее* наблюдается тенденция иметь ударение на суффиксе и в тех случаях, когда краткая форма женского рода имеет ударение на основе или двоякое ударение, о чем свидетельствуют такие соотношения: *взросла́ — взрослее́, древе́ня — древнее́, сно́сна — сноснее́* и: *а́ла и ала́ — алее́, зре́ла и зрела́ — зрее́е, ла́дна и ладна́ — ладнее́, це́нна и ценна́ — ценнее́* и др. У прилагательных с неодносложной основой представлены соотношения *здоровá — здоровее́, лило́ва — лиловее́, розо́ва — розовее́*. О той же тенденции свидетельствует широко распространенное ненормативное ударение *красивее́* (при *краси́ва*) и грубо просторечные варианты *свободнее́, спокойнее́, удобнее́* (такое ударение замечательно пародировано Михаилом Жванецким в знаменитом «призыве»: «**Тщательнее́** надо, **тщательнее́!**»).

Рассматривая ударение форм на *-ее*, существенно обратить внимание на употребительность прилагательных. Устойчивое соответствие между ударением краткой формы женского рода и формой на *-ее* свойственно прилагательным с односложной основой, имеющим подвижное ударение, среди которых, как уже отмечено, большой процент составляют широкоупотребительные слова. Прилагательные с неподвижным ударением представлены главным образом малочастотными словами. И здесь не сложилось устойчивого соотношения между ударением на основе краткой формы женского рода и таким же ударением сравнительной степени. Такое соотношение можно продемонстрировать немногими относительно употребительными формами: *вня́тна — внятнее́, связа́на — связнее́, рья́на — рьянее́*. Но и противопостав-

лены кратким формам ударением на суффиксе тоже немногие формы (см. выше). В таких малоупотребительных формах, как *брeннее, дымнее, жухлее, затхлее, зычнее, мернее, чваннее, ярее* и т. п. предпочтительным представляется ударение на основе (*брéнное* и т. д.), которое противоречит тенденции форм на *-ее* иметь ударение на суффиксе. Это противоречие делает употребление подобных форм «несвободным» (с такой пометой они и приводятся в словаре).

Подвижность ударения не сохраняется в сложных прилагательных; ср.: *важнá* и *маловáжна, мощнá* и *маломóжна, жаднá* и *кровожáдна, труднá* и *многотруднá*.

Прихотливую картину представляют прилагательные с префиксом *не-*, образованные от прилагательных с подвижным ударением. Основная тенденция — сохранять ударение производящего прилагательного — нарушается в случаях резкого разрыва в значениях у прилагательных с *не-* и без *не-*. Так, *невидный* — ‘невзрачный, незаметный’, *неслышный* — ‘бесшумный’, *нестройный* — ‘лишенный благозвучия, беспорядочный’ лишаются подвижности ударения (краткие формы женского рода — *невидна, неслышна, нестройна*).

Формы сравнительной степени и здесь «ведут себя» особым образом. При сохранении подвижности, признаком чего является ударение на флексии формы женского рода — *невкуснá, неглупá, неполнá, непрочнá, неровнá, нескромнá, несложнá, неточнá, нечестнá, неяснá* и др. — в формах на *-ее* ударение на суффиксе оказывается невозможным (**невкуснée, *непрочнée, *нечестнée, *неяснée*), но и представляющееся более «приемлемым» ударение на основе (*невкúснее, непрóчнее, нечéстнее, нея́снее*) трудно квалифицировать как соответствующее норме. У большинства прилагательных с *не-*, сохраняющих подвижное ударение, приходится констатировать неупотребительность форм на *-ее*.

Не воспринимаются как употребляемые свободно и формы на *-ее* прилагательных с *не-*, утративших подвижность (*невиднее, неслышнее, нестройнее*).

Многие прилагательные с *не-*, образованные от слов с подвижным ударением, представлены в ОЭ как имеющие только полные формы (например, *негладкий, негустой, нежаркий, нежирный, некрупный* и др.).

Б. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Б.1. ФОРМЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Б.1.1. ФОРМЫ ПАРТИТИВА (ВТОРОГО РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА) СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА

Формам «родительного на -у» существительных мужского рода посвящена обширная литература. Богатейший материал употребления этих форм в текстах разных жанров представлен в работе [Обнорский 1927], а также [Чернышев 1915], [Плотникова-Робинсон 1964], [РЯСО 1968].

Среди многообразных подходов к анализу этого явления долгое время не присутствовал один важный аспект — лексикографический. Указания толковых словарей на наличие у существительных мужского рода в родительном падеже наряду с флексией -а (-я) флексии -у (-ю) носят случайный характер. Вопрос о том, какой круг слов нуждается в таких указаниях, мало волновал авторов словарей, но количество слов, у которых при исходной форме даны указания в виде: а (у) или я (ю), в обоих академических словарях (Б и М) по сравнению со словарем Ушакова (У) увеличено.

Квалификация форм родительного падежа ед. ч. с флексией -у в определенных контекстах как одного из вариантов внешнего оформления (наряду со стандартным оформлением с флексией -а) особого падежа — второго родительного (партитива) обоснована А. А. Зализняком [Зализняк 1967: 44-46] и реализована в его словаре [Зализняк 1977]. Эта точка зрения принята в ОЭ; в дальнейшем будут применяться сокращения АЗ (вместо А. А. Зализняк), РИС (вместо [Зализняк 1967]) и ГС (вместо [Зализняк 1977]).

Примечание. Такая квалификация форм родительного падежа с флексией -у остается необщепринятой. В недавней работе М. В. Панова вопрос решается так: «Форма на -у во всех случаях заменяется формой на -а без изменения значения и стилистической окраски. Это два факультативных варианта одного падежа» [Панов 1999: 214].

Но в определении круга слов, имеющих особое внешнее оформление форм партитива, рекомендации ОЭ существенно расходятся с АЗ (который подчеркивает условный характер принятых им конкретных нормативных решений).

Примечание. Знаменательны уже расхождения между **РИС** и **ГС**; так, последний источник не дает указания P_2 при ряде слов, входящих в список существительных с вещественным значением, приведенный в **РИС**, где автор готов был признать наличие P_2 у всех названий веществ на *ин*, но не включил в свое описание такого правила, поскольку оно требовало бы обращения к значению слова [**РИС**; 282, сноска]. **ГС** дает указание P_2 при меньшем круге таких существительных по сравнению с **РИС**. В результате, например, страницы 500–501 словаря выглядят так: указание P_2 есть при словах *жасмин, тмин, маргарин, стеарин, сахарин, глицерин, аспирин, керосин, ватин, желатин, ратин, сатин* и отсутствуют при *танин, *хинин, дионин, *сантонин, *стрихнин, героин, *уротропин, ализарин, аквамарин, *ультрамарин, эфедрин, *ландрин, папаверин, ледерин, холестерин, амидопирин, *декстрин, *люстрин, *фуксин, *дерматин* (отмеченные звездочкой входили в список **РИС**).

Значение книги и словаря **АЗ** — в их теоретическом новаторстве при решении принципиальных вопросов грамматики. Установление же литературной нормы для конкретных слов не входило в задачу автора. В этом вопросе он ориентировался на существующие словари и грамматики (в частности, там, где было возможно, использовал материалы **ОЭ** еще на стадии его подготовки). Не имея «надежного» материала для партитива на *-у*, **АЗ** вынужден был предложить рекомендации, самым им рассматриваемые как достаточно условные.

Но несмотря на оговорку **АЗ** об условности и субъективности принимаемых им конкретных решений, его список существительных с вещественным значением, у которых возможен партитив на *-у*, приведенный на стр. 282 **РИС**, почти дословно воспроизведен в Грамматике 1970 уже в качестве закрытого списка нормативных рекомендаций, утверждаемых авторитетом Академии наук (при этом принятое для **РИС** расположение в обратном алфавите заменено в грамматике привычным прямым алфавитным). Без больших изменений этот список перенесен в Грамматику 1980.

В определении того, каким словам следует приписать наличие партитива на *-у*, **АЗ** ориентировался традиционно на весь круг существительных *singularia tantum*, два основных семантических разряда которых — названия веществ и обозначения абстрактных понятий.

Выделение партитива как особого падежа основывается на противопоставлении конструкций по признаку возможности и невозможности употребления в них форм на *-у*. По **АЗ** 2-й родительный может употребляться:

1) в сочетании с обозначением количества (чаще всего при близительным);

2) в сочетаниях (обычно с глаголами), где форма родительного падежа означает «некоторое количество соответствующего предмета»;

3) в сочетаниях (обычно с глаголом с приставкой *на-*), где форма родительного падежа означает «большое количество соответствующего предмета».

Как иллюстрации к пункту 1 фигурируют в одном ряду *немного кипятку, недостаточно уксусу, побольше сахару, поменьше чаю, две тарелки супу, полфунта табаку и много шуму, мало простору, слишком много крику*.

Пункт 2 проиллюстрирован только сочетаниями с существительными, обозначающими вещества: *налил чаю, насыпал песку, принес шоколаду, сварил супу, пожалел сахару* и ряд других.

В пункте 3 опять фигурируют наравне названия веществ и абстрактные понятия: *наделал шуму, натерпелся страху, наговорил вздору, наелся чеснока, натаскал сору, наварил клейстеру*.

Выделение пункта 3 не выглядит убедительным. Для названий веществ вряд ли существенно разграничение случаев типа *насыпал песку* и *наварил клейстеру*, сочетания же *наделал шуму, натерпелся страху* явно фразеологичны.

Существенно обратить внимание на то, что сочетания с обозначением количества (п. 1) для названий веществ чрезвычайно разнообразны и среди них достаточно широко представлены точные количественные указания в сочетании с названиями единиц измерения (например, со словами *килограмм, метр, литр*) или достаточно конкретные указания в сочетании со словами, называющими различные «вместилища» (*бочка, ведро, тарелка, стакан, бутылка* и т. п.). Да и «приблизительные» указания для вещественных существительных не ограничиваются сочетаниями с *много* или *мало* (*подсыпать немного сахару, подлей самую чуточку кипятку, добавь капельку уксусу*).

Что же касается «количественных» сочетаний с существительными, обозначающими абстрактные понятия, то для них исключаются точные указания, а неточные указания сводятся к ограниченному кругу конструкций. Ряд таких слов представлен в сочетаниях со словом *много* (*много шуму, крику, блеску, лоску, форсу, шарму, шику* и др.); но всегда ли они соотносены с сочетаниями с *мало*, насколько возможны сочетания с *немного, чуточку, капельку* и др.? Иначе говоря, все «количественные» сочетания с обозначениями абстрактных понятий очень близки к фразеологизмам.

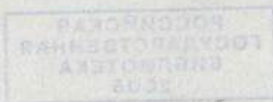
Такие слова употребляются еще в конструкциях типа *то-то было..., вот ...-то (было)..., сколько (тут) было...* и т. п. (*визгу, крику, смеху, шуму* и т. п.: *то-то было крику!; вот смеху-то было!; сколько тут было шуму!*); это своего рода типовые фразеологические контексты, с помощью которых тоже выражается некое «количественное» значение.

Игнорирование существенных различий между названиями веществ и обозначениями абстрактных понятий и признание наличия у тех и других особых форм 2-го родительного слишком огрубляет реальную картину. Меньшим огрублением представляется признание этих особых форм только у названий веществ и отнесение всех сочетаний с существительными, обозначающими абстрактные понятия, к области фразеологии. Такое решение реализовано в ОЭ. Степень «фразеологичности» отнесенных к фразеологии сочетаний с «абстрактными» существительными различна, поэтому приходится говорить об «огрублении». Но без схематизации реального разнообразия фактов вообще не может обойтись лексикографическое описание живого языкового организма.

Не избежать и спорных моментов в признании наличия у определенных категорий слов форм партитива. Как уже сказано, самым существенным признаком, позволяющим провести границу наличия/отсутствия P_2 между названиями веществ и обозначениями абстрактных понятий, является возможность для первых употребляться со словами, имеющими точное количественное значение. Но последнее возможно и для обозначений различных видов платежей и денежных сумм (*аванс, гонорар, долг, налог, штраф* и др. (*столько-то рублей авансу, гонорару, долгу, столько-то процентов налогу, штрафу* и т. п.)). Можно ли на этом основании объединить их с названиями веществ и признать у них наличие формы партитива?

Специфический случай — слово *народ* (в знач. 'люди'), у которого форма партитива *народу* выступает не только в сочетании с *много, мало*, но и с другими «количественными» словами (*толпа, масса, тьма, уйма* и др.).

Другое различие между ОЭ и ГС в подаче форм партитива касается уменьшительных образований с ударным суффиксом *-ок* от названий веществ. У этих слов в контекстах 2-го родительного могут выступать только формы с флексией *-у* (ударной): *чайку, кофейку, кваску, коньячку, сахарку* и т. п. — в отличие от «уменьшительных» обозначений веществ и уменьшительных других типов, где варьируются формы на *-а* и *-у*: *стакан чаю* и *чая,*

насыпать сахару и сахара, поест супчику и супчика, но только: чашечка чайку, насыпать сахарку. В ОЭ это различие отражено в форме подачи. В ГС оно игнорировано: при всех словах дается помета Р₂, означающая возможность в контекстах 2-го родительного свободного варьирования форм на -у и на -а.

Примечание. В некоторых грамматических источниках выражается сомнение, существует ли у слов типа *чайк*, *сахарок* родительный падеж с флексией -а. Это сомнение возникает потому, что «нормальный» контекст для таких слов — это контекст 2-го родительного: *чашечка чайку*, *выпить кофейку*. Употребление их в иных контекстах, в которых выступают формы «обычного» родительного, встречается редко и может даже показаться маловероятным: *вкус чайка* (?), *запах кофейка* (?), *продажа лучка* (?) и т. п. На этом основании М. В. Панов делает категорический вывод: «Слова этого типа (с уменьшительным суффиксом) в родительном падеже имеют только -у. Позиционно обусловленный вариант родительного падежа» [Панов 1999: 214].

Такой подход — отрицание наличия закономерного члена грамматической парадигмы на основании его «узальной маловероятности» — привел к неприведению в толковых словарях (кроме У) форм 1-го и 2-го лица глаголов, обычно в этих формах не выступающих (таких как *телиться*, *разбрестись*, *сгрудиться*). Замечу, что в последнем случае М. В. Панов поддерживает подачу, принятую в У и ОЭ; см.: [Панов 1999: 119, сноска].

Принятое для ОЭ ограничение в признании наличия у существительных форм партитива вносит большую строгость в решение этого вопроса (ср. [Шульга 1988: 79–80, Шульга 2003: 204]). Формы партитива оказываются принадлежностью существительных определенной семантической категории — вещественных существительных. Но так как в языке никогда не бывает отчетливых границ, то и граница «вещества и невещества» тоже не всегда может быть легко проведена. В обширную категорию веществ в широком смысле входят как названия конкретных продуктов питания, лекарств, тканей и т. п., так и названия, абстрагирующиеся от конкретных веществ, а обозначающие их типы, совокупности, такие как *гарнир*, *корм*, *материал*, *мусор*, *товар*, *хлам* и др., которым нет оснований отказывать в наличии форм Р₂. Больше сомнений вызывают такие слова, как *балласт*, *гостинец*, *груз*, *напиток*, *провиант*, *раствор*, *утиль* и т. п.

Среди названий продуктов питания с «бесспорными» формами Р₂ есть много идущих от названий растений (*виноград*, *горох*, *изюм*, *инжир*, *лук*, *мак*, *перец*, *рис*, *укроп*, *хрен*, *чеснок* и мн. др.). У ряда существительных, называющих «несъедобные» растения, тоже можно признать наличие форм Р₂ (*бальзамин*, *бурьян*, *жасмин*, *клевер*, *осот*, *самшит*, *терновник* и др.). Но множество названий растений не «подводятся» под вещества.

Разумеется, граница здесь достаточно условна. Следует ли признать наличие форм 2-го родительного, например, у слов *боярышник, остролист, тысячелистник*?

В грамматическом описании (принимаящем изложенную точку зрения) достаточно сообщить о наличии форм P_2 только у существительных с вещественным значением. При этом нет необходимости давать обширный закрытый список (см. [Грамматика 1970: 378; Грамматика 1980: 486–487]). Словарное же описание обязывает снабжать информацией каждое слово, т. е. проводить ту самую резкую границу, которой реально нет в языке. Чтобы несколько сгладить резкость этой границы, в ОЭ приняты разные способы указания на наличие форм P_2 для разных слов — в зависимости от того, как оценивается его авторами возможность реального появления в речи конкретных форм с флексией -у. Довольно широкий круг слов снабжается лишь отсылкой к параграфу статьи о грамматических формах, содержащему характеристику соответствующего явления. Эта отсылка служит указанием на принадлежность к семантической группе, все слова которой в принципе могут образовать формы P_2 с флексией -у. Для гораздо более узкого круга слов даны дополнительные указания о реальном наличии у них форм на -у. В словарных статьях существительных, формы на -у которых особенно употребительны, могут даваться иллюстрации употребления форм P_2 в противопоставлении их «обычному» родительному падежу (по типу: *чашка чаю и чая, напиться чаю и чая, но: вкус чая, сорт чая, продажа чая*).

Реализация такого способа подачи приводит к необходимости проводить не одну границу, а две. Надо выделить круг слов, снабжаемых указанием на параграф, а внутри этого круга — слова, заслуживающие дополнительных указаний. Тем не менее этот способ помогает лучше отразить сложность языковой реальности, чем единообразная подача.

Всё же нет уверенности, что в круг тех слов, для которых достаточно давать только ссылку на параграф, должны непременно войти все существующие в русском языке названия веществ (например, такие названия химических элементов таблицы Менделеева, как *курчатовий, празеодим, прометий, гадолиний* и т. д.).

Около 150 представленных в ОЭ словарных статей существительных мужского рода включают фразеологические обороты с формами родительного падежа на -у. В большинстве своем это существительные такой семантики, которая исключает возмож-

ность форм P_2 . Фразеологически связанные формы на -у являются наследием старой системы, в которой эти формы имели существенно иную грамматическую природу. Вот небольшой перечень таких фразеологизмов:

братъ с бою
с глазу на глаз; у семи нянек дитя без глазу и без глаза
ни слуху ни духу; не хватило духу; что есть духу; чтобы духу
твоего не было!

моя хата с краю; конца-краю не видать
с миру по нитке — голому рубаха
нашего полку прибыло
без роду, без племени; ни роду ни племени; столько-то лет
от роду
спору нет
нет ходу; не давать ходу; прибавить ходу; с ходу
много шуму из ничего; много шуму, да мало толку; наделать
шуму и шума

Изредка фразеологизмы с формами на -у бывают представлены у существительных, имеющих формы P_2 . В этих оборотах формы на -у употреблены не в контекстах 2-го родительного и не допускают вариантов на -а. Таковы, например, следующие фразеологизмы:

от жиру лопаться; с жиру беситься; не до жиру, быть бы
жиру
здать пару; поддать пару
здать перцу
пороху не нюхал; не хватает пороху
ни за понюх табаку

В свободном употреблении эти существительные имеют вариативные формы P_2 (*жиру* и *жира* и т. д.).

Как было уже сказано выше, в качестве фразеологизмов представлены в ОЭ обороты, не обладающие такой же «фразеологической устойчивостью», как перечисленные, и обычно приравняемые к словам, имеющим свободно употребляемые формы паритива. Сюда относятся, например, следующие случаи.

много вздору; сколько вздору!; наговорить вздору
много крику; сколько крику!; а крику (тут) было!
больше (или меньше) риску и риска; никакого риску и риска
для шику и для шика; задавать шику.

В сниженной разговорной речи встречается ярко стилистически окрашенное употребление форм родительного на -у. Такое употребление часто носит нарочитый характер, рассчитано на юмористический эффект. Оно проникает и в язык современных газет. Вот несколько примеров:

Он вам там на меня **компромату** насыпет («Известия», 1995). — Во как заговорила. А как на митинг — так ты первая? **Коммунизму** хотелось? («Общая газета», 1996). **Консенсусу** мне! («М. С. Горбачев» в программе «Куклы», 1996). — Ой! Эти пони такие шельмы, это что-то! Пообщались с людьми — **интеллекту** набрались (Ю. Соколов, «Известия», 1996). ...а Ширвиндов уже столько **кайфу** словил, что даже прилег и одним глазом смыкает... («Книжное обозрение», 1997). Второй любимый тезис столичных штучек: в нашей отсталой стране для культуры хронически «не хватает **рейтингу**» (В. Кичин, «Известия», 1997).

Такое нарочитое употребление распространяют даже на географические названия:

Рано утром ушел с **Ватикану**... (песня, относящаяся к жанру городского фольклора; на основании текста, вошедшего в сборник «В нашу гавань заходили корабли»). Устрицы свежие, только что из **Парижу** (слова «персонажа» юмористического рисунка, «Известия», 1996).

Подобного рода формы на -у находятся за пределами отражаемого в ОЭ даже в качестве «отрицательного» языкового материала.

Б.1.2. ФОРМЫ ВТОРОГО ПРЕДЛОЖНОГО ПАДЕЖА

Традиционная словарная подача по образцам: *о бóре, в борú; о бóзе, на возú; о шка́фе, в (на) шкафу́* упрощает реальное положение вещей. В ОЭ, вслед за А. А. Зализняком [Зализняк 1967: 43], признается существование в современной русской морфологической системе второго предложного (местного) падежа (П₂),

впервые последовательно отраженного в словаре [Зализняк 1977; далее ГС].

Особое формальное выражение этот падеж получает у части существительных мужского рода (преимущественно — с односложной основой) и у части существительных женского рода с односложной основой на мягкую или шипящую согласную и нулевой флексией в исходной форме (традиционного третьего склонения). У существительных мужского рода Π_2 образуется с ударной флексией -у́, у существительных женского рода эти формы отличаются только ударением (предл. *о грязи*, предл.₂ *в грязи́*).

Формами второго предложного являются формы с предлогами *в* и *на*, имеющие обстоятельственное (а не объектное) значение, которое в самом общем виде может быть определено как «местное». Это общее значение варьируется в конструкциях с каждым из предлогов в зависимости от лексического значения существительного.

С предлогом *в*: 'внутри чего-н.' (*в тазу́*), 'в пространственных пределах чего-н.' (*в лесу́, в степи́*), 'в пределах отрезка времени' (*в году́, в ночи́*), 'внутри массы какого-н. вещества' (*в снегу́, в грязи́, в крови́*), 'во время, в условиях чего-н.' (*в бою́, в плену́, в строю́, в глуши́*).

С предлогом *на*: 'на внешней, верхней части предмета' (*на глазу́, на лбу, на мосту́, на плоту́, на груди́, на печи́*), 'на поверхности массива вещества' (*на снегу́, на льду́*), 'во время, в условиях чего-н.' (*на балу́, на пиру́, на смотре́*).

Π_2 может выражаться вариативно; а) двумя равноправными вариантами: *на дубу́* и *на дубе́*, *на лужку́* и *на лужке́*, *в ме́ду* и *в ме́де*, *в спиртú* и *в спёрте*, *в чаю́* и *в ча́е*, *в горсти́* и *в го́рсти*, *в сети́* и *в се́ти*, *в щели́* и *в щéли*; б) двумя вариантами, из которых один признается предпочтительным: *в дыму́* и допуст. *в ды́ме*, *в хлеву́* и допуст. *в хлё́ве*, *в квáсе* и допуст. *в квасу́*, *в со́ке* и допуст. *в соку́*, *в вы́си* и допуст. *в высí*.

Лексическое значение ряда существительных определяет наличие у них форм Π_2 с обоими предлогами в соответствии со значениями каждого предлога: *в, на глазу́*; *в, на носу́*; *в, на полу́*; *в, на шкафу́*; *в, на груди́*; *в, на печи́*.

Также лексическим значением существительных определяется наличие форм Π_2 лишь с одним из предлогов в соответствии с его значением; ср:

в аду́, в бору́, в лесу́, в порту́, в раю́, во рту́, в тазу́; в крови́, в пыли́;

на берегу, на возу, на лбу, на лугу, на мысу, на плацу, на суку.

Но есть и случаи, когда в сходных значениях ('во время, в условиях чего-н.') одни существительные имеют формы с предлогом *в* (*в бою, в плену, в строю*), а другие — с *на* (*на балу, на пиру, на смотре*). Значение предлога здесь «опустошено», а употребление закреплено фразеологически.

Представляют интерес случаи, когда употребление формы P_2 с одним предлогом отражает обычную ситуацию, а необычная ситуация вызывает необходимость использования другого предлога. Какую форму существительного выбрать? См. следующий пример, показывающий, как замечательно справляется с такой трудностью детская речь.

Затем вышел имажинист Шершеневич. Он читал про голову, на голове стоит ботанический сад, на ботаническом **саду** стоит цирковой купол... (М. Цветаева. Герой труда; включает запись семилетней дочери Али о вечере в Большом зале Консерватории).

Менее экзотические случаи — отражение в языке необычного использования некоторых «вместилищ», названия которых при отражении их обычного использования образуют формы P_2 с предлогом *в*. Как лучше: *на гробу* или *на гробе*? *на тазу* или *на тазе*? См. примеры, показывающие, что можно сказать по-разному.

Фома Пухов не одарен чувствительностью: он на **гробе** жены вареную колбасу резал... (А. Платонов. Сокровенный человек). И большие кумачовые банты, как кремовые розы на торте, красовались на **гробе** (Э. Лимонов. ...У нас была великая эпоха). Схоронив, мы камень обтесали, Утвердили прямо на **гробу**... (Некрасов. Ты не забыта...). Где стол был яств, там гроб стоит, А на **гробу** сидит Державин (из «Гимна формалистов», сочиненного в студенческие годы Л. Я. Гинзбург; Державин — тогдашний ректор Ленинградского университета. Текст приведен в статье В. Баевского «Стоик». «Вопросы литературы», 1993, № 4).

Следующие примеры иллюстрируют использование предлога *в* вместо обычного *на*.

...старая береза, которая, держась частью своих толстых корней в влажном **береге** пруда, макушкой оперлась на высокую, стройную осину... (Л. Толстой. Юность). Вот только первая тре-

щинка **В берегу**... (Н. Матвеева. Солнце вечернее нежаше...).
...глубокая вымоина **в берегу**... (В. Семин. На реке). ...в крутом
волжском **берегу**... (В. Некрасов. Из неопубликованного,
«Дружба народов», 1995).

Для подобных случаев в языке фактически не существует
нормы, и в словаре правомерно рекомендовать в качестве P_2
лишь формы *в гробу, в тазу, на берегу*.

В тех случаях, когда формы предложного падежа с предло-
гами *в* и *на* имеют объектное значение, выступают формы
«обычного» предложного падежа. В этих случаях предлоги явля-
ются частью управляемых конструкций, реализующих «валент-
ность» синтаксически господствующего слова. Вот ряд таких
конструкций.

С предлогом *в*: есть смысл в чем-н., заключаться в чем-н.,
знать толк в чем-н., не чаять души в чем-н., нуждаться в чем-н.,
отказать в чем-н., принять участие в чем-н., проявиться в чем-н.,
разбираться в чем-н., разочароваться в чем-н.; заинтересованный
в чем-н., неуверенный в чем-н.; недостаток в чем-н., потребность
в чем-н.

С предлогом *на*: держаться на чем-н. (в перен. смысле), оста-
новиться на чем-н. ('предпочесть что-н.'), помешаться на чем-н.,
сказаться на чем-н., сойтись на чем-н., сосредоточиться на чем-н.

Ср. следующие параллельные случаи с P_2 и P : *В этом шкафу
обнаружены книги — В этом шкафе обнаружены дефекты;
В этом лесу нет ничего хорошего: ни ягод, ни грибов, ни цве-
тов — В этом лесе нет ничего хорошего: ни красоты, ни пользы;
Он решил остановиться на лугу — Он решил остановиться на
луге.*

В первых двух случаях употребление разных форм предлож-
ного падежа определяется противопоставлением указаний на
конкретные предметы (с P_2) и на абстрактные свойства (с P).
В последней паре примеров имеет разный смысл глагол *остано-
виться*: в первом случае он значит 'перестать двигаться' и не
требует после себя определенной предложно-падежной конст-
рукции (можно остановиться в поле, возле дороги, рядом с домом
и т. п.), во втором примере глагол имеет абстрактное значение
и непременно требует после себя конструкции с *на* (*остановить-
ся на чем-нибудь* значит 'сделать выбор, предпочесть что-ни-
будь').

См. ряд примеров употребления форм предложного падежа
с флексией *-е* с предлогами *в* и *на*.

По временам был смысл в его **брёде** (Тургенев. Яков Пасынков). Третий утверждает, что причина движения заключается в **дыме**, относимом ветром (Л. Толстой. Война и мир). [Елена Андреевна] Не в **лесе** и не в медицине дело... (Чехов. Дядя Ваня). В этот вечер мне чудились в **лесе** Красота похоронных процессий И торжественный шум похорон (Д. Самойлов. Смерть поэта). ...что-то могучее львиное, зловещее было в этих раздувшихся ноздрах, в широком **лбе**... (В. Гроссман. Жизнь и судьба). — Черный нос, значит из злых, из цепных, — важно и твердо заметил Коля, как будто все дело было именно в шенке и в его черном **носе** (Достоевский. Братья Карамазовы). Сын Востока, он в **чае** не чаёт души... (Э. Тополь. Таджикибаев пьет чай). Мастер в **шелке** знает толк (В. Фетисов. Загадка).

...существо, все мысли и чувства которого были сосредоточены на **ветре**, тропинке и ботинках (В. Липатов. Три зимних дня). Ладно, думал не без ухмылки Подрезов, на **лесе** мы с тобой сошлись... (Ф. Абрамов. Пути-перепутья). ...только на экономике и держится: где-то на **лесе**, где-то на угле или нефти... (Н. Рыжков. Перестройка: история предательств).

Любопытны следующие случаи ошибочного употребления форм с флексией -у в контекстах не P_2 , а «обычного» предложного падежа.

В его **брёду** постоянно одно и то же: убийства, преследования, Бог, смерть, деньги... (Бунин. Конец Мопассана). Совершенно ясным стало другое: что изменчивость эта, сказавшаяся в конце концов на домашнем **быту** Толстого, ... не была простым психологическим явлением... (Б. Эйхенбаум. О противоречиях Льва Толстого). Егорушка стал есть, хотя после леденцов и маковников, которые он каждый день ел у себя дома, не находил ничего хорошего в **меду**, наполовину смешанном с воском и с пчелиными крыльями (Чехов. Степь). Его талант, давший ему всемирное имя, особенно проявился в этом **мосту**... (В. Шульгин. Письма к русским эмигрантам). И потому я трижды рад В таком **пиру** принять участие (П. Васильев. Христоробовские ситцы). Была своя прелесть в тополевым **пуху**... (К. Паустовский. Начало неведомого века). В насупленном этом утре, в керосиновом **чаду** казармы ... была такая непроходимая и бессмысленная тоска... (там же). Взгляд Поэта, рассеянно блуждая по комнате, остановился на книжном **шкафу** («Литература и жизнь», 1959).

В ГС выделены для второго предложного падежа еще такие значения, которые имеются только у слов, обозначающих вещества.

С предлогом *в*: 'обильно покрытый, испачканный чем-л.' (*весь в снегу, весь в поту, пришел в крови, пришел в грязи, испачкался в мелу, ходит в шелку*).

С предлогом *на*: 'изготовленный с применением чего-л.' (*шуба на меху, мебель на клею, пряники на меду, настоять на спирту*).

Однако анализ обнаруживает случаи, когда употребление в указанных выше «местных» значениях и в этих двух «особых» получает разное формальное выражение. Ср: *в шёлке обнаружилась примесь* (здесь P_2 выражен «обычной» формой с флексией *-е*) и *она вся в шелку; на шёлке обнаружили пятна и на шелку* (на шелковой подкладке); *муха увязла в клею и в клее* (местн. знач.) и *в клею* (испачканный клеем: *все руки в клею*).

Не следует ли из таких фактов вывод, что есть два разных предложных падежа (помимо «основного»)? Однако выделенные два значения очень фразеологичны (в значительно большей степени, чем «местное» значение, тоже, конечно, не лишенное элемента фразеологичности). В ОЭ принято решение все эти случаи квалифицировать как фразеологизмы (давая их в словарных статьях за соответствующим знаком, а не как часть парадигмы слова). Это решение (не лишенное элемента условности) дает более точную и дифференцированную картину, чем включение этих весьма специфических значений в число разновидностей значения P_2 .

Формы на *-у́* и *-и́* указанных двух морфологических типов существительных с предлогами *в* и *на* выступают в ряде сочетаний, которые могут быть квалифицированы только как фразеологизмы.

С формами на *-у́*:

- иметь в виду, быть на виду*
- на своем горбу* (на спине или переносно: своими силами)
- на подножном корму* (о скоте на пастбище, а также переносно: на даровом питании)
- на миру и смерть красна* (пословица)
- в чужом тире похмелье* (поговорка)
- рыльце в пушку* (замешан в чем-н. неблагоприятном)
- на слуху у кого-н.* (известно, замечено, помнится)
- в самом соку* (в расцвете сил)
- на каждом шагу* (езде, беспрестанно).

С формами на -й:

широк в кості́ (о крупном человеке)

дело на мази́ (об успешном ходе чего-н.)

во плоти́ (в телесном образе)

быть в честі́ (быть в почете).

Б.1.3. ПОДАЧА ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Как уже сказано (см. I.3), ОЭ не дает информацию о наличии/отсутствии множественного числа, определяемом значением существительного. Приведение этих форм в словаре подчинено формальной задаче: даются формы, отклоняющиеся от акцентного или морфологического стандарта. При этом в одних случаях даются сведения об устройстве всей подпарадигмы множественного числа, а в других приводится только форма родительного множественного.

Б.1.3.1. ПОДПАРАДИГМА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Эта подпарадигма бывает представлена в словаре именительным и родительным или именительным, родительным и дательным падежами.

К морфологически нестандартным относятся, например, подпарадигмы с «наращением» основы единственного числа (*стулья*, *-ев*, *поленья*, *-ев*), с флексиями *-и*, *-ов* существительных среднего рода (*плечики*, *-ов*), подпарадигмы на *-ата*, *-ат* существительных на *-онок*, *-ёнок* (*галчата*, *котята*).

Акцентно нестандартными являются подпарадигмы существительных, имеющих подвижное ударение, что соответствует всем схемам ударения, кроме **а** и **б** (см. [Зализняк 1967: 153–154]).

Но граница между подвижным и неподвижным ударением не абсолютна. Существует тенденция к распространению подвижности на новые слова, предпосылкой чего являются определенные формальные свойства слов. Для существительных мужского рода с неподвижным ударением на основе такими свойствами являются односложность основы или ее двусложность при ударении на первом слоге. У слов такой формальной структуры возникают в речи ненормативные варианты подпарадигмы множественного числа с ударением на флексии (например, *банты́*, *лифты́*, *торты́*, *шарфы́* и *автора́*, *бруствера́*, *скульптора́*). В ОЭ

для всех существительных с неподвижным ударением, имеющих формальную структуру, определяющую их «проницаемость» для подвижного ударения, приводятся подпарадигмы множественного числа. Такие формы являются избыточными, но этой избыточностью очерчивается некая зона неустойчивости между разными акцентными типами.

Для подачи таких избыточных форм разработаны правила, которые здесь приводятся.

1. У существительных со схемой ударения **а** подпарадигма множественного числа приводится в следующих случаях.

1) При исходной форме с нулевой флексией

а) у слов с односложной основой

взор, -а, *мн.* -ы, -ов

быль, -и, *мн.* -и, -ей

б) у слов с двусложной начальнoударной основой

рѐбус, -а, *мн.* -ы, -ов

жѣдкость, -и, *мн.* -и, -ей

Примечание. Для слов мужского рода с начальнoударной основой *мн. ч.* приводится не всегда; например, не приводится у слов на *-ик* (*трагик, праздник*), на *-й* (*гений, ратай*) и др., практически «непроницаемых» для воздействия подвижного ударения.

в) у слов с трехсложной начальнoударной основой женского рода

ѣзгородь, -и, *мн.* -и, -ей

г) у слов с трехсложной срединнoударной основой мужского рода на *-ер, -ор* и некоторых других

компьютер, -а, *мн.* -ы, -ов

диктатор, -а, *мн.* -ы, -ов

2) При исходной форме с флексией *-о* у слов с односложной основой

сто́йло, -а, *мн.* сто́йла, сто́йл, сто́йлам

2. У существительных со схемой ударения **в** подпарадигма множественного числа приводится в следующих случаях.

1) При исходной форме с нулевой флексией у слов с односложной основой

царь, царя́, *мн.* -ѣй, -ѣй

2) При исходной форме с флексией *-о*

вещество́, -а́, *мн.* веществá, веществáм

3) При исходной форме с флексией *-а*

бахча́, -ѣй, *мн.* -ѣй, -ѣй

колея́, -ѣй, *мн.* коле́й, коле́й, коле́ям.

Приведение избыточных указаний в случаях 2 и 3 привело к обнаружению явления, остававшегося скрытым при традиционном указании у таких существительных только формы родительного единственного. В то же время в поле зрения лексикографов давно попали отдельные относящиеся к нему факты. Так, в У при слове *мечта* дана помета: «р. мн. не употр.»; неупотребительность или отсутствие этой формы отмечается и другими толковыми словарями. В последних изданиях Ож и (и в О-Ш) отмечена неупотребительность родительного множественного слова *тамада*.

Эти случайные словарные указания относятся к явлению, возникающему в определенных морфонологических условиях. Речь идет об ограничениях в образовании родительного множественного существительных с ненулевой флексией в исходной форме и основами на твердые согласные и йот, имеющих неподвижное ударение на флексии. Поскольку у них морфологически возможна только нулевая флексия родительного множественного, образование этой формы требует акцентного сдвига с флексии на основу, не осуществляемого с полным автоматизмом; в результате этого употребительность ряда форм оказывается сомнительной (см. [Еськова 1989а]).

Последовательное лексикографическое отражение это явление получило только в ГС (помета *Р. мн. затрудн.*) и в ОЭ, где сделана попытка разграничить неупотребительность и «несвободу» употребления таких форм. К неупотребительным отнесены формы следующих существительных на *-а*: *ага, балда, брюзга, дуда, егоза, зуда, кума, мечта, мольба, раба, сума, тамада, фата, фита, хула чета, юла* и нек. др. С пометой «несвободно» приведены, например, формы *зурн, карг, клюк, корм, сайг, тахт, чадр, чалм*.

Существительные среднего рода с неподвижным ударением на флексии, имеющие множественное число, немногочисленны. Ограничение в образовании родительного множественного наблюдается у слов на *-ецо*: *дуплецо, копьецо, пальтецо, письмецо, ружьецо*.

Б.1.3.2. ФОРМЫ РОДИТЕЛЬНОГО МНОЖЕСТВЕННОГО

Эти формы нуждаются в словарном указании в значительном числе случаев. Толковые словари осуществляют это с разной степенью полноты и тщательности. В ОЭ в соответствии с при-

нятым общим решением наряду с приведением нестандартно образуемых форм даются избыточные указания.

Для образования родительного множественного используются флексии *-ов (-ев)*, *-ей* и нулевая флексия. Формы подавляющего большинства существительных отвечают давно замеченной закономерности, которую можно обозначить как тенденцию к «расподоблению» нулевых и ненулевых флексий у форм именительного падежа единственного числа и родительного множественного:

стен-а	—	стен-Ø
стол-Ø	—	стол-ов
кон'-Ø	—	кон'-ей
прав-о	—	прав-Ø
тен'-Ø	—	тен'-ей

Эта закономерность нарушена, например, в следующих случаях:

солдат-Ø	—	солдат-Ø
личик-о	—	личик-ов
каланч-а	—	каланч-ей

Конечно, все такие формы подлежат приведению в словаре.

У существительных мужского рода словарные указания ограничиваются только формами с нулевой флексией — как единственно возможными или являющимися одним из вариантов. Большинство таких существительных принадлежит одной из следующих смысловых групп:

- 1) названия ряда народностей (*башкир, грузин, туркмен и туркменов*);
- 2) наименования некоторых родов войск и близких к ним (*солдат, партизан, гусар и гусаров*);
- 3) названия парных предметов, преимущественно видов обуви (*сапог, валенок, носок и носков*).

Большинству существительных, имеющих формы родительного множественного с нулевой флексией, свойственна обратная маркированность форм единственного и множественного числа, что отражено в словаре приведением в качестве исходной формы именительного множественного.

За пределами этих трех групп отмечается в разговорной речи тенденция употребления форм с нулевой флексией от названий

некоторых овощей и фруктов (*апельсин, мандарин, помидор*), но пока они остаются за пределами нормы (за исключением варианта *баклажан*).

У существительных среднего рода и у существительных с исходными формами на *-а (-я)* (преимущественно женского рода) приведению в словаре подлежат:

1) формы с ненулевой флексией;

2) формы с нулевой флексией и морфонологическим чередованием в основе (так называемой беглостью гласных).

Наиболее сложную картину образования форм родительного множественного дают существительные среднего рода и существительные с флексиями именительного единственного *-а (-я)*, имеющие основы на мягкие и шипящие согласные. Здесь соотношение нулевой флексии и закономерной для данных морфонологических условий ненулевой флексии *-ей* регулируется непротыми правилами.

У существительных, тип ударения которых предусматривает в родительном множественного ударение на флексии, закономерна ударная флексия *-ей*. При ударении на основе в большинстве случаев выступает нулевая флексия; ср.: *полéй, морéй — жилищ; западнéй, долéй, поздрéй, свечéй, пашéй, пращéй — героинь, неделя, потерь, задач, депеш, роц*.

Картина осложняется возможностью для флексии *-ей* выступать в безударном положении; см., например: *офеней, мямлей, распрей, юношей, чукчей*, а также вариативные формы *тётей* и *тётъ*, *тихоней* и *тихонь*, *тетерей* и *тетерь*, *предтечей* и *предтеч*. Появлению неударной флексии *-ей* способствует, кроме фактора морфонологического порядка (наличие группы согласных в конце основы), принадлежность существительного к мужскому или общему роду (см. [Зализняк 1967: 206, 230–231], [Еськова 1971а: 174–175]).

К «избыточным» указаниям в ОЭ относится последовательное приведение форм с нулевой флексией для всех существительных с основами на мягкие и шипящие согласные, имеющих исходные формы на *-а (-я)* и *-е*: *милъ, пустынь, бурь, продаж, груш, туч, чащ; зрелищ*. Этим очерчивается «потенциальная зона» распространения флексии *-ей*.

В ОЭ приводятся все формы родительного множественного, в которых появляется беглая гласная, и, естественно, все вариативные формы.

Вопрос о том, какие указания считать избыточными, зависит от квалификации форм как стандартных или нестандартных, что

в применении к этому случаю может решаться по-разному. Для некоторых видов основ появление беглой гласной — явление регулярное (перед конечными *к* и *й*от основы: *ведёрок*, *окошек*, *юбок*, *банок*, *ложек*; *ущелий*, *статей*, *оладий*), и такие формы можно считать стандартными. Но более обобщенный подход позволяет считать нестандартными все формы с беглой гласной. При этом на долю избыточных указаний приходится приведение форм без беглой гласной.

Основной предпосылкой появления беглой гласной является наличие на конце основы существительного группы согласных. Но не перед всякой согласной, следующей за согласной, возможно появление беглой гласной, и избыточные указания должны считаться с реальными закономерностями.

К избыточным указаниям в ОЭ относятся, например: *горл* (ср. *стёкол*), *колб*, *служб* (ср. *свадеб*), *каторг* (ср. *розог*).

В ОЭ предусмотрены избыточные указания форм без беглых гласных и для таких случаев, когда группы согласных «таят» в себе возможность беглости, которая реализуется в производных словах. Приводятся, например, формы *букв*, *тыкв*, поскольку есть *буковка*, *тыковка*.

Б.1.4. СЧЕТНЫЕ ФОРМЫ

Счетная форма (счетный падеж) существительных при числительных *два*, *три*, *четыре* фигурирует в грамматических трудах: [Виноградов 1947: 302–304, Зализняк 1966: 46–48]. Здесь название «счетная форма» используется по-другому.

Ряд названий единиц измерения — существительных мужского рода с основами на твердые согласные (*ампер*, *ватт*, *вольт*, *гаусс*, *герц*, *ом*, *рентген*, *эрг* и др.) в сочетаниях с именительным-винительным падежом числительных, кроме *один*, *два*, *три*, *четыре*, или с заменяющими их цифровыми обозначениями выступают в формах с нулевой флексией: *сила тока десять ампер*, *мощность сто ватт*, *напряжение 220 вольт* и т. д. Обычно считается, что это один из случаев нестандартного образования формы родительного множественного. Так считает и Л. К. Граудина, исследовавшая процесс утверждения в качестве нормы для единиц измерения нулевой формы ([Граудина 1964б]).

В ОЭ реализована точка зрения, предложенная в работе [Бидер 1978], согласно которой у названий единиц измерения ука-

занного типа имеется дополнительный падеж — счетная форма.

На основании чего выделен этот дополнительный падеж?

Это устанавливается из сопоставления с употреблением названий единиц измерения в других контекстах родительного множественного, например, в таких: «не знаю никаких...», «не использовать...», «введение, отмена...», «состоит из...», «отказаться от...», в которых выступают формы *амперов, ваттов, вольтов, омов, рентгенов, эргов*.

К таким контекстам относятся и случаи употребления названий единиц измерения в сочетаниях, где выступают формы родительного падежа числительных. Очевидно, будет сказано: *недостаёт десяти амперов, ста ваттов, двухсот двадцати вольтов*, а также: *двух, трёх, четырёх (амперов, ваттов, вольтов)*. Обратим внимание на то, что в этих случаях не формы существительных управляют числительными, а числительные согласуются с родительным множественным существительных.

Трудность выявления того, что нулевые формы названий единиц измерения представляют собой не один из случаев нестандартного образования родительного множественного, а особые формы, объясняется следующим обстоятельством. Для обнаружения этого требуется обращение к конструкциям, в которых названия единиц измерения выступают очень редко. И эти редкие употребления несвободны от влияния на них частотных случаев — употребления названий единиц измерения в «нулевых формах», выступающих при именительном-винительном падеже числительных. См. следующие примеры:

Ученые давно хотят изучить влияние зубодробительных **децибелл** на барабанные перепонки... («Известия», 1988); Украина, оставшаяся без необходимых **киловатт** и подключенная к российской энергосистеме, стала усиленно потреблять соседнее электричество («Известия», 1996).

Следовало бы: «зубодробительных **децибеллов**», «без необходимых **киловаттов**».

Употребление в подобных конструкциях форм с флексией *-ов* иллюстрируют следующие примеры.

...меня постепенно захватила своеобразная красота этих крушащих **децибеллов**... (Р. Щедрин. «Правда», 1988); Два потока ... разбегаясь, не терялись один для другого, хотя один бежал

в мире **парсеков**, другой мерился миллимикронами (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

В ОЭ принято (в известной степени «гипотетическое») решение о наличии у названий единиц измерения морфологически противопоставленных форм: родительного множественного со стандартной флексией *-ов* и счетной формы с нулевой флексией. Так представлены слова: *ампер, ангстрем, байт, бел, бит, ватт, вебер, вольт, гаусс, герц, гран, кельвин, люмен, максвелл, непер, ньютон, парсек, рентген, стильб, эрстед* и др., а также производные единицы измерения: *гектоватт, децибел, килогерц, миллиампер* и др. Для некоторых слов нормой признается вариативное образование счетной формы: *грамм* и *граммов, карат* и *каратов, микрон* и *микронов* и др.

Для большинства случаев в ОЭ принят следующий образец:

ампёр, -а, род. мн. -ов, счетн. ф. ампёр.

Досадный казус произошел с грамматическими указаниями для названий единиц измерения в 29-м издании (1990) и в последующих стереотипных переизданиях «Орфографического словаря русского языка». Неумелое использование информации ОЭ привело к такой подаче:

ампёр, -а, р. мн. ампёр и -ов.

По такому «образцу» поданы формы слов: *ангстрем, байт, бел, бит, ватт, вебер, вольт, гаусс, герц* и т. д., т. е. большей части тех слов, для которых в ОЭ даны счетные формы.

В [РОС 1999] грамматические указания для названий единиц измерения приведены в соответствие с ОЭ.

Б.1.5.ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА С СУФФИКСОМ *-ИШК-*

И С УВЕЛИЧИТЕЛЬНЫМИ СУФФИКСАМИ *-ИЩ-, -ИН-*

Эти суффиксы не меняют грамматический род производящих существительных. И если у образований с *-ишк-* и *-ищ-* от слов женского и среднего рода и с суффиксом *-ин-* от слов женского рода при словоизменении не возникает никаких «морфологических осложнений», то у образований с этими тремя суффиксами от существительных мужского рода морфологическое оформление оказывается не соответствующим их согласованию по мужскому роду. Иначе говоря, «согласовательный» род этих существительных находится в противоречии с их морфологическим

родом (см.: [Зализняк 1967: 146–149]). Это по-разному отражается на склонении образований с каждым из названных суффиксов у одушевленных и неодушевленных существительных.

Образования с суффиксами *-ишк-* и *-ин-* от одушевленных существительных, получая оформление по женскому морфологическому роду (*сынишка, братишка, актёришка; мужичина, старицина, бычина*), не создают «морфологического новшества», поскольку есть существительные мужского рода на *-а* (*мужчина, слуга, юнга* и т. д.).

В остальных случаях расхождение между морфологическим и грамматическим родом не вписывается в модели, существующие за пределами этих образований, и возникают известные «трудности».

Самыми парадоксальными оказываются образования с суффиксом *-ин-* от неодушевленных существительных: *домина, головина, паспортина*. Они представляют единственный случай соединения мужского «согласовательного» рода с женским морфологическим среди неодушевленных существительных (соединения, достаточно представленного среди одушевленных). Затруднение возникает при необходимости согласовать с прилагательным винительный падеж таких слов — *домину, голосину, паспортину*. У неодушевленных существительных винительный совпадает с именительным, но сочетания **большой домину, *зычный голосину* воспринимаются как лишённые согласования.

Параллельные случаи с одушевленными существительными — *здоровенного мужичину, огромного бычину* (как и *верного слугу*) так не воспринимаются, хотя форма винительного падежа существительного в этих сочетаниях не зависит от одушевленности (эта форма отличается от именительного в силу особенности склонения слов на *-а*), тогда как форма прилагательного выражает одушевленность. Иллюзия согласования возникает потому, что обе формы отличаются от именительного. Согласование заключается, если можно так выразиться, в «неименительности» винительного падежа.

В случае же **большой домину* форма прилагательного, совпадающая с именительным падежом, соединяется с формой существительного, отличающейся от именительного. Именно это воспринимается как отсутствие согласования (см. [Еськова 1977: 33–34]).

Эта «конфликтная ситуация» может разрешаться двумя способами. Первый можно проиллюстрировать следующими примерами.

— Вон какой домина занесли, — сказал он... (Л. Толстой. Воскресение). Это было причиной, почему я перебрался в добрый домина... (Жизнь Бенвенуто Челлини в пер. М. Лозинского).

Вопреки нормам склонения слов на -а существительное поставлено в форме, совпадающей с именительным падежом.

Другой способ тоже можно проиллюстрировать.

— Когда же это ты себе такую домину отгрохал? — спросил я, заходя во двор (И. Герасимов. Предел возможного. «Новый мир», 1979). ...он, как белка орехи за щеки, впихивает в свою домину все новые и новые, нужные и ненужные вещи («Известия», 1972).

Сюда же относится знаменитый пример из Маяковского («мою краснокожую паспортину»). Это превращение образования на -ина- в существительное женского рода происходит в каверзном винительном падеже, но стало обычным считать, что Маяковским употреблено сочетание *краснокожая паспортина*. См. пример:

Я раскрываю хрустящий розовый 11-страничный блокнотик, вписываю туда свои ФИО и данные уже засаленной в магазинах краснокожей паспортини («Литературная газета», 1990).

Неодушевленные существительные с суффиксом -ишко- получают оформление по среднему морфологическому роду: *городишко, домишко, голосишко, умишко* и т. д. Нормой для них считается склонение, соответствующее этому оформлению: *домишка, домишку, домишко, домишком*.

Но у таких существительных возникают вариативные формы родительного, дательного и творительного падежей по «женскому» склонению: *домишки, домишке, домишкой; городишки, городишке, городишкой*. Они широко представлены только у этих двух употребительных слов, которые признаны в ОЭ допустимыми вариантами нормы. Для прочих слов такая вариативность констатируется лишь как тенденция (в виде отсылки к статье о грамматических формах).

Примечание. Любопытна «гипотеза» А. А. Зализняка, касающаяся неодушевленных существительных на -ина и -ишко. Форму винительного падежа *домина*

(см. приведенные выше примеры) он интерпретирует как *домино* и сопоставляет вариант парадигмы *домишко — домишки — домишке — домишко — домишкой* с парадигмой слова *домина*, включающей «гипотетическую» словоформу именительного-винительного падежа: **домино — домины — домине — *домино — доминой*, видя в этом общую тенденцию для разных образований от неодушевленных существительных [Зализняк 1967: 148–149].

Существительные с суффиксом *-ищ-* получают оформление по среднему морфологическому роду: *волчище, домище*.

Образованиям от неодушевленных существительных, хотя в них и представлено противоречие между морфологическим и «согласовательным» родом, ничто не препятствует склоняться так же, как образованиям на *-ище* от слов среднего рода, тем более что это противоречие обнаруживается только в именительном-винительном падеже (ср.: *огромный домище — длинное весище* и *огромного домища — длинного весища*).

Для образований от одушевленных существительных единственным образцом оказывается уникальное существительное *подмастерье* (ср. в винительном падеже: *нового подмастерья — матерого волчища*). Эти существительные не избежали влияния слов на *-ишка* и *-ина*, тем более что исходная форма, передаваемая на письме как *волчище*, в произношении не противопоставлена явственно образованиям от существительных женского рода (*коровища, лошадища*). Традиционной нормой рекомендуется парадигма *волчище — волчища — волчищу — волчища — волчищем*, но в разговорной речи не исключаются формы *волчищи, волчище, волчищу, волчищей*.

Редко употребляемые немногочисленные увеличительные образования на *-ище* от одушевленных существительных не дают материала для пересмотра традиционной нормы; при сохранении этой нормы в ОЭ дается отсылка к соответствующему параграфу статьи о грамматических формах, где говорится об указанной тенденции разговорной речи.

Примечание. Иное решение принято в [РОС 1999]; здесь дается указание на два варианта парадигмы: *волчийше, -а* и *-и*. Поскольку орфографический словарь утверждает нормы не языка, а лишь его письменного отражения, это указание надо понимать как «разрешение» отражать на письме формы типа *волчищи, волчище, волчищу, волчищей*, существующие в живой речи.

Интересный случай впервые нашел отражение в 5-м издании ОЭ. Какое морфологическое оформление должно получить образование с суффиксом *-ищ-* от слова *дядя* («взрослый мужчина», «рослый человек»)? Как *дядища* (по его женскому морфологиче-

скому роду) или как *дядище* (по его мужскому «согласовательному» роду)? Очевидно, правомерны оба варианта, что и отражено в ОЭ (см.: [Еськова 1989г: 671]). См. редкий пример с образованием от слова *мужчина*, где выбран первый вариант морфологического оформления:

А полисмен ходит — здоровый дядя, плотный, прямо тучный **мужчинища** (Б. Житков. Урок географии).

Б.2. ФОРМЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Б.2.1. ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ/ОТСУТСТВИИ КРАТКИХ ФОРМ И СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ

Краткие формы и степени сравнения, составляющие отдельные подпарадигмы в общей системе форм прилагательного, имеются далеко не у каждого слова этой части речи. Наличие/отсутствие этих дополнительных подпарадигм определяется семантикой прилагательного.

Традиционное деление прилагательных на качественные и относительные основывается на возможности/невозможности представить признак как проявляющийся в большей или меньшей степени. У всех прилагательных, обладающих этим свойством, как правило, имеются краткие формы — подпарадигма из трех родовых форм и единой формы множественного числа, употребляемых предикативно (или полупредикативно).

Примечание. Морфологическое противопоставление полных и кратких форм осуществляется в пределах прилагательных основного (не местоименного) склонения; такое противопоставление в принципе невозможно у прилагательных типа *отцов, мамин, лисий*.

По формальной причине полностью лишены возможности иметь краткие формы прилагательные с суффиксом *-ск-* (и производными). Так как по той же причине у этих прилагательных нет и форм сравнительной степени, принадлежность части прилагательных этого разряда к качественным не получает морфологического выражения.

Эта «морфологическая ущербность» получает своеобразную «компенсацию» у прилагательных на *-ический*. Ко многим таким прилагательным существуют парные образования на *-ичный*, полностью или частично совпадающие с ними по значению. В этих случаях краткие формы на *-ичен, -ична* и сравнительная степень на *-ичнее* обслуживают сразу два прилагательных. Интересны случаи употребления в одном тексте полных форм на *-ический* с краткими формами прилагательного на *-ичный*. См. примеры:

Тут я, однако, прерву плавный рассказ одним **лирическим** отступлением. Насколько оно **лирично**, читатель рассудит сам (А. Ваксберг, «Литературная газета», 1987). Но уже «Буранный полустанок» был сплавом художественного и **публицистиче-**

ского начал. Вся космическая линия в романе насквозь публицистична (В. Чубинский, «Нева», 1987).

В словарных статьях ОЭ такая связь между парными прилагательными на *-ический* и *-ичный* находит отражение в виде отсылок к статье о грамматических формах.

Другие формальные ограничения для образования кратких форм незначительны (они касаются главным образом формы мужского рода и определяются морфонологическими закономерностями).

Образование форм сравнительной степени связано с большими ограничениями (об этом см. дальше — 2.3).

При отсутствии формальных ограничений реальное наличие кратких форм и форм сравнительной степени определяется семантикой прилагательного. Принятое в ОЭ решение последовательно указывать наличие сравнительной степени выявило значительное число слов, семантика которых определяет возможность употребления кратких форм, но не допускает наличия степеней сравнения, так как выражаемый этими прилагательными признак неспособен иметь разную степень проявления.

В ОЭ оказались, таким образом, представлены три разряда прилагательных, имеющих разный состав парадигмы.

1. Прилагательные, имеющие только подпарадигму полных форм.

2. Прилагательные, имеющие все три возможные подпарадигмы: полные формы, краткие формы, сравнительную степень (подпарадигму, представленную одной словоформой).

3. Прилагательные, имеющие две подпарадигмы: полные и краткие формы.

Первые два разряда — это традиционные относительные и качественные прилагательные.

Первый разряд наиболее многочислен (достаточно сказать, что почти от любого существительного может быть образовано прилагательное, обозначающее в чистом виде отношение к предмету — чаще всего с суффиксами *-ов-* и *-ск-*).

К качественным относится большинство непроизводных прилагательных, они «поставляются» рядом суффиксов и активным развитием качественных значений у относительных прилагательных, а также процессом адъективации причастий.

Для третьего разряда не существует обозначения, да и о самом его наличии грамматическая литература хранит молчание. Как определить семантику прилагательных, позволяющую образова-

ние кратких форм, но не включающую самый главный смысловой компонент качественности — способность признака иметь разную степень проявления? Это требует специального исследования.

В ОЭ представлено несколько сотен прилагательных, у которых приведены краткие формы, но не дается указание на наличие сравнительной степени.

Примечание. Отсутствием указания сообщается, что этой формы (как и вообще степеней сравнения) нет по значению. Если сравнительная степень отсутствует по формальной причине, дается указание на ее неупотребительность.

Часть прилагательных, не имеющих сравнительной степени при наличии кратких форм, поддается объединению на основании общих семантических признаков.

Отчетливо выделяется группа прилагательных, в значении которых уже содержится компонент сравнения: *аналогичный, идентичный, конгенциальный, конгруэнтный, одинаковый, однотипный, подобный, равный, различный, тавтологичный, тождественный, эквивалентный* и др. (Быть «равнее других» можно только в иронической формуле Джорджа Оруэлла.)

Плохо согласуется со значением сравнительной степени значение слабой степени проявления признака, вносимое суффиксом *-оват-* (*бедноватый, грубоватый, жутковатый, мелковатый, страшиноватый* и т. д.).

Не способен проявляться в разной степени признак наличия определенных качеств или особенностей. Таким значением обладает ряд прилагательных с суффиксом *-ат-* (например, *горбатый, крылатый, полосатый, рогатый, хвостатый; горбат, крылат, рогат* и т. д.; в обычном употреблении нет *горбатее, полосатее*). Таково значение чрезвычайно многочисленного и постоянно пополняющегося разряда сложных прилагательных, второй частью которых являются бессуффиксальные компоненты — основы существительных, обозначающих части тела человека или животных (*седобородый, черноволосый, большеголовый, длинноногий, короткорукий* и т. п.).

Не имеют сравнительной степени многие прилагательные, требующие после себя зависимых слов: *вхожий* (куда), *готовый* (на что или с инфинитивом), *охочий* (до чего), *подвластный* (чему), *похожий* (на кого-что), *пригодный* (для чего), *присущий* (чему), *причастный* (к чему), *схожий* (с чем), *свойственный* (кому-чему), *угодный* (кому), *чреватый* (чем); у большинства

таких прилагательных краткие формы отличаются даже большей употребительностью, чем полные.

Вот еще ряд прилагательных, которые несомненно имеют краткие формы, хотя выражают признак, неспособный проявляться в разной степени: *абсолютный, анонимный, альтернативный, вакантный, вертикальный, взаимный, вторичный, горизонтальный, двоякий, единичный, излишний, инородный, конечный, косвенный, максимальный, минимальный, моментальный, напрасный, окончательный, оптимальный, подсознательный, мощный, потенциальный, приблизительный, рефлекторный, синхронный, смежный, смертный, суверенный, трансцендентный, тройкий, тщетный, умышленный, факультативный, фиктивный, чрезмерный, экстремальный.*

Подавляющее большинство прилагательных легко распределяется на три разряда. Но границы в языке не бывают абсолютны, и есть некоторое количество прилагательных, отнесение которых к одному из разрядов оказывается неочевидным. Трудность лексикографического описания — в необходимости проводить четкие границы. Толковые словари по-разному определяют наличие/отсутствие кратких форм у ряда прилагательных. Решение, принятое для **ОЭ**, заставляет проводить еще одну границу, определяя наличие/отсутствие сравнительной степени у прилагательных, имеющих краткие формы. Поскольку такая подача форм прилагательных не имеет прецедента, при установлении этой «второй» границы нет возможности опираться на данные словарей.

Приведем небольшой перечень прилагательных, несомненно имеющих краткие формы. В **ОЭ** дается и форма сравнительной степени.

асимметричный, безводный, безграничный, бездонный, безмолвный, бескомпромиссный, бескровный, бессловесный, второстепенный, истинный, маловодный, молниеносный, отрицательный, подлинный, случайный, старинный, убийственный, элементарный, эпизодичный.

Для всех ли слов это решение одинаково убедительно? Среди этих прилагательных есть обозначающие отсутствие чего-н. ('лишенный симметрии'; 'лишенный воды'; 'не имеющий границ'; 'не имеющий дна' и др.), т. е. качества, казалось бы, не способные проявляться сильнее или слабее. Другие слова выражают некие абсолютные свойства, не поддающиеся «градуированию» (таковы *второстепенный, истинный, отрицательный, случайный*). Но легко возникающий сдвиг значения позволяет мыслить эти

признаки как имеющие разную степень проявления, и не всегда легко определить, следует ли квалифицировать это как окказиональное речевое явление или отнести к норме. Первый опыт сообщения в словаре такой достаточно тонкой информации не может не содержать ряда спорных решений.

Как известно, многие прилагательные совмещают качественные и некачественные значения (ср.: *моральный поступок* и *моральные принципы*, *толковый специалист* и *толковый словарь*, *музыкальный ребенок* и *музыкальный инструмент*, *театральный жест* и *театральный сезон*, и т. п.). В толковом словаре есть возможность указать, в каких значениях употребляются только полные формы. В ОЭ такая дифференцированная подача потребовала бы включения слишком большого количества элементов толкового словаря; от этого пришлось отказаться и пойти на «огрубление»: приведение кратких форм и сравнительной степени следует понимать лишь как указание на наличие у прилагательного по крайней мере одного качественного значения.

Но в ОЭ находит отражение другое парадигматическое различие между разными значениями прилагательного: раздельной подаче в качестве двух слов с индексами подлежат разные значения прилагательного, если в одном значении оно качественное, имеющее краткие формы и сравнительную степень, а в другом имеет только краткие формы. В этих двух значениях прилагательные обладают и разными синтаксическими свойствами: в том значении, которое не допускает сравнительной степени, прилагательное употребляется с управляемыми конструкциями. См. пример:

известный¹, кратк. ф. -тен, -тна □ *Такой, о котором у кого-то имеются сведения (употр. с дат. п.)* | Ему известно местонахождение рукописи

известный², кратк. ф. -тен, -тна, сравн. ст. -ее □ *Пользующийся известностью, знаменитый* | Он известен и почитаем. За границей он гораздо известнее, чем у себя на родине

Естественно, что в толковых словарях, не дающих указаний о наличии/отсутствии сравнительной степени, эти парадигматические различия, находящиеся в тесной связи с синтаксическими свойствами, не могут найти отражения.

В соответствии с приведенным образцом в ОЭ даны отдельными статьями с индексом ¹ прилагательные: *благодарный* (кому-чему за что), *верный* (кому-чему), *виноватый* (в чем), *гордый* (чем), *довольный* (кем-чем), *достойный* (кого-чего), *знакомый* (с кем-чем), *ответственный* (за что), *полный* (чего), *серди-*

тый (на кого), согласный (с кем-чем, на что), способный (на что) и др.

Б.2.2. КРАТКИЕ ФОРМЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА -ННЫЙ

Среди многочисленных прилагательных, образовавшихся из страдательных причастий прошедшего времени на -нный, много качественных, имеющих краткие формы и степени сравнения.

Краткие формы таких прилагательных имеют формальные отличия от форм соотносительных причастий. Различия касаются форм женского и среднего рода и множественного числа. У прилагательных и причастий с ударением на слоге, предшествующем *нн*, эти краткие формы противопоставлены двояко: местом ударения и долготой/недолготой *н*:

отвлечённый — *отвлечена́, отвлечено́, отвлечены́* (причастие)

отвлечённый — *отвлечённа, отвлечённо, отвлечённы* (прилагательное).

В этой позиции долгота/недолгота *н* отчетлива в произношении. «Морфонологическая реальность» долгого (двойного) *н* в формах прилагательных подтверждается единственным случаем различия форм мужского рода: *определён* — форма причастия, *определёнен* — форма прилагательного.

В положении не после ударного слога различие долготы/недолготы *н* в произношении неочевидно, но наличие сильной позиции снимает сомнение в том, что противопоставление «территория **ограничеНа** горами» — «она очень **ограничеННа**» не является только орфографическим (в отличие от противопоставлений типа «**гружёНные** дровами повозки» — «**гружёНные** повозки» с обратным соотношением *нн*—*н*).

В слабой позиции различие на письме кратких форм причастий и соотносительных прилагательных требует смыслового анализа, в ряде случаев достаточно тонкого. Ему может помочь словарная подача с пояснениями и иллюстрациями.

Многие образования на -нный, развившие качественные значения, далеко отошли от соответствующих причастий; таковы, например, *изысканный, наигранный, отвлечённый, подобранный, размеренный, раскованный, растушенный, собранный* (ср. глаголы *изыскать, наиграть, отвлечь* и т. д.).

Но есть случаи, когда противопоставление соотносительных прилагательных и причастий выявляется синтаксическим анализом. Ср., например: «Она **воспитанна**» — «Она хорошо **воспитана**» (форма прилагательного *воспитанна* сама по себе означает 'хорошо воспитана', точнее: 'обнаруживает результаты хорошего воспитания', а *она хорошо воспитана* трансформируется в *ее хорошо воспитали*, здесь употреблена форма причастия). Смысловая близость таких случаев порождает ошибки. См. примеры:

Но, как во всех хороших домах, гостям там рады — если те хорошо **воспитанны**... («Литературная газета», 1993). Она была очень мила, хорошо **воспитанна**... («Вопросы литературы», 1993).

Противопоставление по значению и употреблению причастных по происхождению прилагательных с качественным значением соотносительным причастиям, сопровождаемое формальными различиями и находящее отраженное в орфографии — самый простой и ясный случай.

Но существует немало слов с такими же краткими формами, как у причастий, которые не могут быть признаны «нормальными» членами парадигм соответствующих глаголов. В ОЭ, ввиду ограниченных возможностей словарной подачи, такие слова выделяются в отдельные словарные статьи, т. е. представлены как прилагательные. Многие из них составляют пары с прилагательными, имеющими качественное значение и соответствующие парадигмы.

Одна такая пара — два прилагательных-омонима *преданный*.

преданный¹, предана, предано, преданы (*всецело приверженный кому-чему-н.; употребляется с дательным падежом*). С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно; несмотря на то, они были ему **преданы**... (Пушкин. Дубровский). ...наших здесь небольшая семейка; есть между нами люди мало образованные; но все крепко **преданы** общему делу (Тургенев. Накануне).

преданный², преданна, преданно, преданны, преданнее (*исполненный привязанности; выражающий постоянство, верность*). Преданная любовь. Преданный взгляд. Эти старые няньки иногда бывают глупы, но они **преданны**, а остальное мне неважно (Воспоминания о Рахманинове, 1957). Удавы умны и **преданны** («Юный натуралист», 1970).

Существенно, что между этими двумя словами есть грамматические различия. Первое непременно требует зависимого дательного падежа и не имеет сравнительной степени, а второе употребляется без зависимых слов и обозначает признак, способный проявляться в разной степени (см. [Еськова 1961]). Ср. рассмотренные выше аналогичные соотношения между разными значениями прилагательных не причастного происхождения (2.1).

Отсутствие в словарях (толковых и орфографических) ясных указаний на эти различия приводит к ошибкам — написанию с *ни* кратких форм от *преданный*¹. См. два примера (из числа многих):

Как они **преданны** своему делу («Юность», 1978). Еще раз я убедился, насколько **преданны** они его памяти... («Новый мир», 1987).

Хочется надеяться, что указания [РОС 1999] будут способствовать изживанию таких ошибок.

Среди прилагательных, образовавшихся из причастий на *-нный*, большую группу составляют слова, выражающие разного рода эмоциональные состояния (как с «отрицательной», так и с «положительной» окраской). Вот некоторая часть этой «шкалы состояний» (приводятся приблизительные условные определения групп).

«гнев»: *разгневанный, рассерженный, взбешённый, разъярённый* и др.

«обида»: *обиженный, оскорблённый*

«огорчение»: *огорчённый, опечаленный, разочарованный, удручённый* и др.

«утомление»: *утомлённый, изнеможённый, обессиленный* и мн. др.

«тревога»: *встревоженный, испуганный, обеспокоенный* и др.

«растерянность»: *растерянный, обескураженный, озадаченный* и др.

«удивление»: *удивлённый, изумлённый, поражённый* и др.

«волнение»: *взволнованный, взбудораженный, взвинченный* и др.

«очарованность»: *очарованный, замороженный, околдованный* и др.

«интерес»: *заинтересованный, увлечённый, поглощённый* и др.

«радость»: *обрадованный, восхищённый, удовлетворённый*

«уверенность»: *уверенный, убеждённый*

Среди этих слов многие образуют пары с примерно таким же соотношением грамматических свойств, как у двух *преданный*, а соотношение их значений можно условно определить как 'испытывающий *х*' и 'выражающий *х*' (*х* — соответствующее «состояние»). См. примеры:

разочарованный¹, -ан, -ана (*испытывающий разочарование, разочаровавшийся; часто употребляется с предл. п. с предлогом в*). Она разочарована в своей работе.

разочарованный², -ан, -анна, разочарованнее (*выражающий разочарование*). С разочарованным видом. Выражения лиц разочарованны.

уверенный¹, -ен, -ена (*испытывающий, чувствующий уверенность; употребляется с предл. п. с предлогом в или с придаточным предложением*). Они уверены в успехе. Она уверена, что он непременно вернется.

уверенный², -ен, -енна, увереннее (*решительный, твердый, выражающий уверенность*). Действия уверенны. Его движения становились все увереннее.

обиженный¹, -ен, -ена (*испытывающий обиду, обидевшийся; употребляется как правило с вин. п. с предлогом на*). Она обижена на судьбу.

обиженный², -ен, -енна, обиженнее (*выражающий обиду*). Обиженные восклицания. Лица и даже позы людей обиженны.

У вторых членов подобных пар краткие формы обычно малоупотребительны; они отличаются ограниченной сочетаемостью (часто со словом *лицо*).

Убедительным показателем того, что первый член такой пары — не причастие, входящее в парадигму соответствующего глагола, является способность управлять конструкцией, характеризующей управление не глагола, от которого «формально» образовано слово на *-нный*, а соответствующего возвратного глагола (*разочарованный в... — разочароваться в...; обиженный на... — обидеться на...; ср. также: рассерженный, разгневанный, обозлённый на... — рассердиться, разгневаться, обозлиться на...*).

В некоторых случаях управление, совпадающее с управлением возвратного глагола, еще не стало нормой, хотя встречается в текстах даже хороших авторов. Такова конструкция *удивлённый чему-н.* (ср. *удивиться чему-н.*). См. примеры:

Не иссякает и поток литературы из-за рубежа от писателей-эмигрантов всех поколений. Я этому несколько удивлен... (С. Залыгин, «Литературная газета», 1989). Я вижу вдруг, что

и ко мне обращены его взгляд и улыбка, **чему** удивлена безмерно... (Н. Ильина. Мои встречи с Вертинским).

Соотнесенность по значению с возвратными глаголами обнаруживается у многих слов на **-нный**: *возмущённый* — *возмутившийся*, *разъярённый* — *разъярившийся*, *оскорблённый* — *оскорбившийся*, *переутомлённый* — *переутомившийся*, *растерянный* — *растерявшийся* и мн. др.

Другим показателем отрыва рассматриваемых слов на **-нный** от причастий является невозможность трансформации в конструкцию с глаголом совершенного вида, формой которого они как будто бы являются. «Она **раздражена** его поведением» соотносится не с «Ее **раздражило** его поведение», а с «Ее **раздражает** его поведение». Соотнесенность с глаголами несовершенного вида обнаруживается во многих случаях.

Она **огорчена** постоянными проявлениями невнимания со стороны окружающих — Ее **огорчают**... (не **огорчили**...);

Она **удручена** собственной беспомощностью — Ее **удручает**... (не **удручила**...);

Она **обеспокоена** долгим отсутствием писем — Ее **беспокоит**... (не **обеспокоило**...).

Количество таких примеров можно увеличить.

В ОЭ представлены и другие парные образования на **-нный** с краткими формами «причастного» и «прилагательного» типа. К ним относятся: *вынужденный* (что-н. сделать и 'принудительный'); *намеренный* (что-н. сделать и 'сделанный с намерением'); *ограниченный* (чем-н. и 'с узким кругозором'); *оправданный* (чем-н. и 'имеющий основание'); *принуждённый* (что-н. сделать и 'нарочитый'); *распространённый* (где-н. и 'часто встречающийся'); *связанный* (с чем-н. и 'затрудненный'); *сосредоточенный* (на чем-н. и 'самоуглубленный').

В ОЭ поданы как особые слова еще некоторые не входящие в пары образования на **-нный** с краткими формами «причастного» типа, употребляемые с зависимыми конструкциями. К ним относятся: *замешанный* (в чем), *искушённый* (в чем), *исполненный* (чего), *наслышанный* (о ком-чем), *настроенный* (с зависимыми словами: наречиями, инфинитивом и др.), *нацеленный* (на что), *обрамлённый* (чем), *обречённый* (на что или с инфинитивом), *обязанный* (кому-чему кем-чем), *окаймлённый* (чем), *представленный* (где-н.), *привязанный* ('испытывающий привязанность' к кому-чему), *призванный* (с инфинитивом), *сопряжённый* (с чем), *суждённый* (кому).

Подача причастий и прилагательных на *-инный* в ОЭ и в орфографическом словаре И. К. Сазоновой [Сазонова 1998] в значительном числе случаев оказывается в существенных моментах совпадающей; но надо принимать во внимание специфику каждого словаря и учитывать регулярные соответствия между принятыми в них способами подачи.

Б.2.3. ФОРМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ

Как уже говорилось, в русских словарях сложилась традиция приводить сравнительную степень лишь для тех прилагательных, которые образуют ее нерегулярно. Таковыми считаются формы с суффиксами *-е* или *-ше*. Указания словарей для этих форм неполны и непоследовательны, а существующие грамматики не содержат достаточно строгого и точного описания образования форм сравнительной степени. подача этих форм в ОЭ опирается на описание, отраженное в [Еськова 1963].

Между основными суффиксами сравнительной степени — *-ее* (*-ей*) и *-е* — существует морфонологическое распределение: суффикс *-ее* присоединяется к основам не на задненебные согласные, суффикс *-е* закономерно присоединяется к основам на задненебные и в порядке исключения образует формы от небольшого числа прилагательных с иными основами.

Из этого распределения следует, что подавляющее большинство прилагательных образуют сравнительную степень с суффиксом *-ее* (вариант без конечной гласной *-ей* отличается незначительной стилистической сниженностью).

Суффикс *-ее*, требующий чередования конечной твердой согласной основы с соответствующей мягкой, ограниченно присоединяется к основам, кончающимся непарными по твердости/мягкости согласными — к основам на шипящие. Этим объясняется не вполне свободное употребление форм от прилагательных с суффиксом *-уч-* (*живучее, липучее, тянучее* и т. д.) и почти полная неупотребительность форм от прилагательных причастного происхождения на *-щий* (*блестящее, знающее, стоящее, цветущее*).

Иных ограничений морфонологического порядка (определяемых качеством конечной согласной основы) не наблюдается, но можно отметить морфологические ограничения.

Почти не образуют форм на *-ее* отглагольные прилагательные с суффиксом *-л-*. В ОЭ приведены лишь немногие такие формы

с пометой «несвободно» (например, *загорелее, запоздалее, заскоружлее, захудалее, обрюзглее*).

С такой же пометой приведены тоже немногочисленные формы прилагательных причастного происхождения на *-тый* (например, *замкнутое, подтянутое, приподнятое*).

От прилагательных остальных формальных разрядов сравнительная степень на *-ее* образуется свободно:

отраднее, торжественнее, реакционнее, трогательнее, ласковее, милостивее, величавее, непримиримее, пушистее, коренастее, знаменитее, замысловатее (прилагательные с разными суффиксами);

взволнованнее, оживлённее, незыблемее, осязаемее (прилагательные причастного происхождения).

О формальных ограничениях в образовании форм на *-ее*, связанных с ударением, см. выше (А.2.2).

Суффикс *-е* требует «архаических» чередований согласных.

Формы с этим суффиксом от основ не на задненебные представляют закрытый список:

дешевле (с чередованием *в//вл*), *моложе, твёрже* (*д//ж*), *богаче, круче* (*т//ч*), *гуще, проще, толще, чаще, чище* (*ст//ш*); образованы от прилагательных *дешёвый, молодой, твёрдый, богатый, крутой, густой, простой, толстый, частый, чистый*; исторически так образована форма *хуже* (от *худой*), являющаяся сейчас супплетивной формой к *плохой*;

гаже, глаже, жиже, реже (*д//ж*), *короче* (*т//ч*), *ближе, ниже, уже* (*з//ж*), *выше* (*с//ш*), *шире* (*р//р'* — с согласными, не «выявляющими» двух типов морфонологических чередований) — формы от основ, возникших в результате усечения конечных элементов *к, ок* — от *гадкий, гладкий, жидкий, редкий, короткий, близкий, низкий, узкий, высокий, широкий*.

Формы с суффиксом *-е* нерегулярного образования: *глубже, позже, слаще* (от *глубокий, поздний и поздно, сладкий*).

В пределах морфонологической позиции, где суффикс *-е* выступает закономерно, формы сравнительной степени образуются со значительными ограничениями.

Совершенно исключается присоединение этого суффикса к основам прилагательных с суффиксом *-ск-*.

Среди форм на *-е* немногочисленных бессуффиксальных прилагательных с основами на задненебные выделяется небольшая группа широко употребительных: *дороже, строже, туже* (*г//ж*), *глуше, суше, тише* (*х//ш*); менее употребительны *отложе, положе, упруже* и (с чередованием *ск//ш*) *плоче*. Форма *плоче* от

плохой является сейчас просторечным вариантом к супплетивной форме *хуже*.

Образования от прочих бесуффиксальных прилагательных не воспринимаются как употребляемые свободно или представляются неупотребительными. Формы *диче* (с вариантом *дичее*), *жесточе* и *лише* приводятся в ОЭ с пометой «несвободно». (Интересно, что форма *жесточе* встречается в художественных текстах не так уж редко, но не воспринимается как соответствующая общей норме.) Для прилагательных *великий*, *благодный*, *нагой*, *негий*, *убогий*, *ветхий* констатируется неупотребительность формы сравнительной степени (хотя в индивидуальном употреблении зафиксированы формы *одиначе*, *убоже*).

Остальные прилагательные (их более 80) имеют основы на «согласный + к»; в большинстве их выделяется суффикс -к-. Закономерный для этого разряда способ образования сравнительной степени с помощью суффикса -е дает лишь небольшую группу бесспорно употребительных форм (немногим более 10); к их числу относятся: *гибче*, *громче*, *жарче*, *жестче*, *звонче*, *крепче*, *легче*, *мельче*, *мягче*, *резче*, *хлестче*, *четче*, *ярче* и *бойче*, *ловче*, имеющие более употребительные варианты на -ее (*бойчее* и *ловчее*). Прочие такие формы не воспринимаются всеми носителями языка как употребляемые с полной свободой (хотя, например, *ёмче*, *кротче*, *метче*, *робче*, *стойче*, *цепче*, *чутче* и др. зафиксированы в текстах). В ОЭ признается возможность образования сравнительной степени от любого прилагательного на «согласный + кий», но большинство форм дается с пометой «несвободно».

Суффикс -ше выделяется в формах *горше*, *дальше*, *дольше*, *раньше*, *старше*, *тоньше*. Особые случаи — формы *больше* и *меньше*; в первой из соотношения с *большой* выделяется (в чисто синхронном плане) суффикс -е, вторая является супплетивным образованием к *маленький*.

Образования с приставкой *не-* и сложные образования от прилагательных, имеющих формы на -е, нормально лишены форм сравнительной степени; нет форм у прилагательных *негорький*, *негромкий*, *нелёгкий*, *нечёткий* и у *дальнозоркий*, *трудоёмкий*, *жизнестойкий*. Однако в индивидуальном употреблении зафиксированы: *неловче* (у нескольких авторов), *непроще* (у Бунина), *нечище* (у Пушкина), *дальнозорче* (у Лескова).

Б.3. ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Б.3.1. СОСТАВ ГЛАГОЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ. КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ

Глагол имеет сложную систему форм, состоящую из ряда подпарадигм (к которым условно отнесены и представленные единственными словоформами инфинитив и деепричастие). Максимальный набор складывается из следующих подпарадигм:

- 1) инфинитив (одна словоформа)
- 2) настоящее-будущее время
- 3) повелительное наклонение
- 4) прошедшее время
- 5) действительное причастие настоящего времени
- 6) действительное причастие прошедшего времени
- 7) страдательное причастие настоящего времени
- 8) страдательное причастие прошедшего времени
- 9) деепричастие (одна словоформа).

Все девять частей могут иметь только «первичные» (бесприставочные) переходные глаголы несовершенного вида (таков, например, глагол *делать*); от вторично имперфективированных (как правило, приставочных) переходных глаголов несовершенного вида страдательные причастия прошедшего времени регулярно не образуются (не существует форм типа **перетисыванный*). Естественно, отсутствуют страдательные причастия у непереходных глаголов и не имеют действительных причастий настоящего времени глаголы совершенного вида.

При исходной форме (инфинитиве невозвратного или возвратного глагола несовершенного или совершенного вида) прочие формы приводятся в соответствии с выработанными для ОЭ принципами с тем, чтобы формальная сторона словоизменения была представлена исчерпывающе — без умолчаний. Реальное приведение/неприведение конкретных словоформ опирается на понятие стандартности/нестандартности их образования. Приведению подлежат нестандартно образуемые (и, естественно, вариативные) словоформы, при этом предусмотрено известное количество избыточных указаний.

Характеристика глагольного словоизменения невозможна без опоры на морфологическую классификацию глаголов. Система с основополагающим делением глагольных классов на продуктивные и непродуктивные впервые предложена С. О. Карцевским [Карцевский 1928: 77–78]; к ней близка классификация А. В. Иса-

ченко [Исаченко 1960: 42–45]. Здесь принята близкая к ним классификация (см.: [Еськова 1985, Еськова 1989в]).

I класс: *a* — *aj* (дела-ть — дела*j*-у)

II класс: *e* — *ej* (беле-ть — беле*j*-у)

III класс: *ова* — *uj*∅ (рисова-ть — рису*j*-у)

IV класс: *и* — ∅ (сторожи-ть — сторож-у)

V класс: (н)*у* — (н)∅ (крикну-ть — крикн-у)

VI класс: *a* — ∅ (писа-ть — пиш-у)

VII класс: *e//a* — ∅ (сиде-ть — сиж-у, крича-ть — крич-у)

VIII класс: ну, ∅ — н (мёрзну-ть, мёрз, мёрзн-у)

IX класс: ∅ — ∅ (нес-ти — нес-у)

I — V классы продуктивные, VI — IX классы непродуктивные.

За пределами этих классов остаются следующие группы глаголов и отдельные глаголы.

1. Глаголы с подпарадигмой настоящего-будущего времени как у глаголов VI класса:

с темой *о* в инфинитиве: *колоть, молоть, полоть; (-)бороть(ся), пороть;*

с темой *и* в инфинитиве: *зыбиться.*

2. Глаголы с темой *a* (VI класса) в инфинитиве и подпарадигмой настоящего-будущего времени как у IV класса: *знать, спать.*

3. Глаголы с подпарадигмой настоящего-будущего времени, как у глаголов IX класса.

1) Глаголы с темой *a* (VI класса) в инфинитиве: *брать, врать, драсть, жаждать, ждать, жрать, звать, лгать, орать* ('кричать'), *(по)прать, рвать, сосать, стонать, ткать* и (условно) *ржать, смеяться.*

2) Глаголы с темой *и* (IV класса) в инфинитиве: *зизидиться, -шибить.*

3) Атематические глаголы:

жить, плыть, слыть;

стать, деть, (за)стрять, клясть (с вторичным *с* в инфинитиве);

мереть, переть, (про)стереть, тереть;

с супплетивизмом: *взять, жать (жму), жать (жну), мять, -нять, (рас)нять, -чать, -ять;*

не образующие групп: *быть, ехать, идти, реветь.*

4. Глаголы с основой на *j* в подпарадигме настоящего-будущего времени.

1) С темой *a* (VI класса), с супплетивизмом: *давать, знаять, ставать.*

2) Атематические:

бить, вить, лить, пить, шить;

выть, крыть, мыть, ныть, рыть;

дуть, (об, раз)уть; гнить, почитать;

не образующие групп: *брить, петь.*

5. Глаголы с неправильно устроенной подпарадигмой настоящего-будущего времени:

с соединением признаков разных классов: *бежать, хотеть, читать;*

с аномальными флексиями в единственном числе настоящего-будущего времени: *дать, есть* ('кушать').

Б.3.2. ПОДПАРАДИГМА НАСТОЯЩЕГО-БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Это единственная часть глагольной парадигмы, информация о которой всегда содержится в словарях.

Для представления об устройстве этой подпарадигмы необходимо привести форму 1-го л. ед. ч. и любую из остальных пяти форм. В толковых словарях начиная с У выбрана форма 2-го л. Замена второго лица третьим предложена А. А. Зализняком (см.: [Зализняк 1969]); за ним последовали орфографический словарь (с изд. 13-го, 1974) и ОЭ.

Примечание. Это, казалось бы, чисто «техническое» решение не лишено содержательного смысла. Третье лицо бесспорно употребительно у любого глагола, тогда как вопрос об употребительности второго лица (как и первого) порождает «лексикографическую проблему» (о которой говорится ниже). Поэтому без условно целесообразно остановить выбор на форме третьего лица.

Любопытно отметить, что в АН — в первых двух томах (1891—1895 и 1897—1907) и в первых выпусках третьего (1922) и четвертого (1906—1907) томов после первого лица приводится третье множественного. В дальнейших выпусках словаря стали приводить наряду с третьим множественного и второе единственного, а потом — только второе единственного.

Семантика ряда глаголов делает по меньшей мере проблематичным употребление их в формах первого и второго лица. Должна ли словарная подача это учитывать? На этот вопрос словарная практика отвечает по-разному. В ОЭ было решено следовать за У, где дается следующее разъяснение: «Окончания 1-го и 2-го лица приводятся и в тех случаях, когда по смыслу глагола употребление от него этих лиц чрезвычайно редко, напр.: *грéзиться, грéжусь, грéзишься*» [Ушаков 1935: LVII].

В последующих словарях — толковых, орфографических и др. — при подаче подпарадигмы настоящего-будущего времени стали придерживаться другого принципа, и у глаголов, семантика которых не согласуется (или плохо согласуется) с приписыванием действия говорящему или собеседнику, стали приводить, как правило, только форму третьего лица.

С грамматической точки зрения такое решение несостоятельно. Форма первого лица показательна для устройства этой подпарадигмы. У глаголов IV и VII классов она противопоставлена по ступени чередования остальным пяти формам (*хожу* — *ходит*, *сижу* — *сидит*); у глаголов V и IX классов по этому признаку 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. вместе противопоставлены остальным четырем формам (*прыгну*, *прыгнут* — *прыгнет*; *пеку*, *пекут* — *печёт*). В то же время перечисленные классы противопоставлены всем остальным глагольным классам, у которых 1 л. ед. ч. совпадает по ступени чередования с прочими словоформами подпарадигмы. «Правы умные составители словарей, всегда учитывающие форму первого лица, хотя бы она была “неупотребительна”» [Панов 1999: 119, сноска].

Если считать, что сведения о неупотребительности форм 1-го и 2-го лица важны для полноты характеристики глагола в толковом словаре, их следует сообщать дополнительно к указаниям, раскрывающим формальное устройство подпарадигмы настоящего-будущего времени.

Можно с удовлетворением отметить, что в О-Ш стали приводиться формы 1-го и 2-го лица и при этих формах даются указания об их неупотребительности. Эти указания могут касаться не всех значений глагола. Интересно, что учтены случаи неупотребительности 1-го и 2-го лица только в единственном числе. Так, у глаголов *сбежаться*, *толпиться* даются формы *сбежусь*, *сбежишься*, *толплюсь*, *толпишься*, дополненные указанием: «1 и 2 л. ед. не употр.».

Что касается словарей нетолковых — орфоэпических, орфографических, то в них целесообразно ограничиться только раскрытием формального устройства подпарадигмы настоящего-будущего времени с неизменным приведением формы 1-го лица. Информация о неупотребительности 1-го и 2-го лица в нетолковом словаре не может быть дана полноценно, как и другие сведения, требующие дифференцированной подачи разных значений слова.

Совсем иной случай — неупотребительность формы 1-го лица ед. числа глаголов IV и VII классов, объясняемая формальными причинами — недостаточным автоматизмом в реализации зако-

номерного для этой грамматической формы морфонологического чередования. Это явление последовательно отражено в У. В ГС используется указание «1 ед. затрудн.», а в ОЭ на этот случай распространены пометы «неупотребительно» и «несвободно». Последней пометой снабжены, например, словоформы *гнезжусь*, *куролешу*, *лебезжу*; как неупотребительные квалифицированы формы 1-го л. ед. ч. глаголов *бдеть*, *бузить*, *галдеть*, *дерзить*, *слезиться*, *шелестеть* и др.

Если в словаре формы 1-го и 2-го лица просто отсутствуют (без пояснений) и при этом нет указаний на неупотребительность 1-го л. ед. ч. по формальной причине, могут оказаться неразличимыми в словарной подаче принципиально разные явления.

Например, в М-2 дается: *гноиться*, *гноится*; *слезиться*, *-зится*. От первого глагола можно свободно образовать словоформу *гноюсь*, которая отсутствует по той же причине, что и 2-е лицо *гноишься*; во втором случае форма 1-го лица отсутствует по формальной причине; это различие остается невыявленным.

Ср. как поданы эти глаголы в О-Ш: *гноиться* (*гноюсь*, *гноишься*, 1 и 2 л. не употр.), *гноится*; *слезиться*, 1 л. ед. не образ. (*-ишься*, 2 л. не употр.), *-ится*.

Б.3.3. ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Основой для подачи в ОЭ формы второго лица единственного числа императива является исследование, отраженное в [Еськова 1985]; правила излагаются также в [Еськова 1983] и [Еськова 1994].

В соответствии с общей установкой подачи грамматических форм, принятой для ОЭ, в словаре приводятся нерегулярно образующиеся и вариативные формы, а также некоторое количество «избыточных» указаний, которые очерчивают «зону вариативности». Здесь предлагается изложение закономерностей образования 2-го л. ед. ч. императива.

Образование этих форм регулируется довольно сложным и тонким механизмом, который включает учет акцентных условий и морфонологического вида основы. Совокупностью этих условий определяется выбор между ударной флексией *-и́*, нулевой флексией и неударной флексией *-и*.

В акцентном отношении 2-е л. ед. ч. императива следует соотносить с первым лицом единственного числа настоящего-будущего времени. Для морфонологического вида основы настоящего времени первостепенное значение имеет, оканчивается ли она на йот или на другую согласную. Для основ не на йот следует ориентироваться на тот вид основы, который выступает не в форме

1-го лица настоящего-будущего времени (например, у глагола *похитить* императив *похить* имеет такую же основу, как формы *похитишь*, *похитит* и т. д., а не как форма *похищу* — с конечной фонемой <щ>).

Правила для основ на йот и не на йот целесообразно сформулировать отдельно, начав с последних.

1. Правила для глаголов с основой настоящего времени, оканчивающейся не на йот.

Такие основы имеют все глаголы V, VIII, IX классов и часть глаголов IV, VI, VII классов и непродуктивных групп.

Формулировка системы правил.

1. Если 1-е лицо настоящего-будущего времени имеет ударение на флексии, 2-е лицо императива образуется с ударной флексией *-и́*: *говорю* — *говори*, *тяну* — *тяни*, *пишу* — *пиши*, а также: *сиди*, *лежи*, *вези*, *бери*, *коли*, *живи*, *беги*, *ушиби*.

2. Если 1-е лицо настоящего-будущего времени имеет ударение не на флексии, 2-е лицо императива может быть образовано с нулевой флексией или с неударной флексией *-и*. Выбор флексии определяется дополнительными условиями. При одних условиях выбор флексии строго обязателен, другие условия создают возможность вариативного образования формы императива.

2.1. Нулевая флексия строго обязательна при одновременном соблюдении следующих двух условий:

а) основа настоящего времени имеет ударение на последнем слоге;

б) основа настоящего времени не оканчивается группой согласных или фонемой <щ>.

Примеры: *покрась*, *ограбь*, *похить*, *завинь*, *намажь*, *услышь*, *остынь*, *пролезь*, *сядь*, *перестань*, *надень*, *застрянь*, *забудь* (ср.: *покрасит*, *ограбит*, *похитит* и т. д.).

2.2. Неударная флексия *-и* строго обязательна при одном из следующих условий.

1) Основа настоящего времени оканчивается группой согласных, в которых последняя (чаще всего — вторая) сонорная. Примеры: *замедли*, *проветри*, *оформи*, *наполни*, *крикни*, *поколебли*, *замолкни*.

2) Глагол содержит ударную приставку *вы́-*, а соотносительный бесприставочный и другие приставочные образуют форму императива с ударной флексией *-и́*. Примеры: *выкури*, *вытяни*, *вытщи*, *вылежи*, *вылети*, *вынеси*, *выведи*, *выгребь*, *выволоки*,

выколи, выживи, выплыви, вышиби (ср.: *кури, закури; тяни, натяни; пиши, запиши* и т. д.).

Возможно сочетание обоих условий: *вызубри, вышмыгни*.

Формы, образованные с нулевой флексией вопреки этим условиям, не соответствуют литературной норме. Таковы индивидуальные образования Маяковского: *молкнь, тихнь, дрызнь, развихрь, стиснь, рыхль; вымань* (у него же), *вытянь* (в переводе А. Адалис).

2.3. Условия нестрогого выбора флексии, создающие возможность вариативного образования формы 2-го лица императива, представлены следующими тремя случаями.

1) Основа настоящего времени оканчивается согласной <ш> или группой согласных, в которых последняя не сонорная. Примеры вариативных словоформ: *сплющи//сплющъ, таращи//таращъ, горби//горбъ, корчи//корчъ, морищи//морищъ, порти//портъ, чисти//чистъ*.

2) Основа настоящего времени имеет ударение на предпоследнем слоге. Примеры вариативных словоформ: *уведоми//уведомъ, разжалоби//разжалобъ, откупори//откупоръ, полакомись//полакомься, замусори//замусоръ, посахари//посахаръ*.

3) Глагол содержит ударную приставку *вы-*, а соотносительный бесприставочный и другие приставочные образуют форму императива с нулевой флексией. Примеры вариативных словоформ: *выброси//выбросъ, выгляди//выглядъ, выкраси//выкрасъ, вымери//вымеръ, выправи//выправъ, выстави//выставъ, выдвини//выдвинъ, выплюни//выплюнь, высуну//высунъ, вымажи//вымажь, вырежи//вырежь, высыти//высынь* (ср.: *бросъ, забросъ; гладъ, погладъ; красъ, покрасъ* и т. д.).

Обращает на себя внимание сходство акцентных условий в случаях 2 и 3: словоформы типа *мусори, сахари* и *выброси, выстави* имеют «дактилическое» ударение, которое, очевидно, и способствует появлению флексии *-и* вместо закономерной для неударной позиции нулевой.

Условия нестрогого выбора флексии создают только возможность вариативного образования. Во многих случаях эта возможность не реализуется, и при этом предпочтение отдается флексии *-и*: *угоразди, продолжи, ездй, кончи, улучши, нянчи* (условие 1); *кашляни, упорядочи, застопори* (условие 2); *вызволи, выпучи, вынати, выхоли, вышколи* (условие 3).

Формы 2-го лица множественного числа императива образуются добавлением к форме единственного числа аффикса *-те*. В некоторых нормативных источниках представлены в отдель-

ных случаях разные рекомендации для форм единственного и множественного числа; например: *чисти/чисть*, но *чистите* [Грамматика 1970], *откупори/откупорь*, но *откупорьте*; *выстави/выставь*, но *выставьте* (ГС). Из-за недостатка материала, который давал бы основания для утверждения в качестве нормы такого рода различий, в ОЭ не дается указаний для форм множественного числа.

Приведем ряд примеров употребления вариативных словоформ.

— Ну, хорошо, хорошо, не **клянчи**! (Тургенев. Несчастная). Не **клянчи** счастья, не шакаль, Найди его, добейся... (В. Шефнер. Утешительный марш). Геноссе публикум, покупай, не **клянчь**! (В. Аксенов. Поиски жанра).

Ты — мудрец, не **корчи** мину, — но открой хоть половину: Как пройти в твою пучину? (А. Есенин-Вольпин. Ворон). Копаю яму нужную, компостную, Не **корчь**, мой друг, при этом рожу постную (Ю. Шанин. «Литературная газета», 1992).

Морщи лоб и шевели губами... (В. Богомолов. В августе сорок четвертого). Не плачь, не **морщь** опухших губ, Не собирай их в складки (Б. Пастернак. Объяснение).

Ну, довольно, не **морщитесь**, Лебедев, и не прикладывайте руки к сердцу (Достоевский, Идиот). ...да-да, не **морщитесь**, я все предвижу возраженья на предложение мое... (В. Набоков. Дар). У футболистов (не **морщьтесь**!) есть выражение: «обыграть на носовом платке»... (К. Ваншенкин, «Литературная газета», 1993).

— Жозефиночка, не **порти** нервов... (В. Астафьев. Жизнь прожить). Ну, нас, эзков, понятно, сразу по баракам — не **портъ** картину (Ф. Абрамов. Пути-перепутья).

...и вы, пожалуйста, не **портите** мне его (Г. Семенов. Звезда английской школы). — Знаете, — попросил я, — не **портьте** мне настроение... (Л. Лиходеев. Сундуки со взломом).

Корми, пой, **чисти**, корма готовь, и снова корми, пой, **чисти**, навоз выноси, и снова сначала... (Ч. Айтматов. Ранние журавли). — **Чисть** еще! — процедил он сквозь зубы (А. Грин. Слон и Моська).

...порвал рубашку — **почисти** всей семье ботинки (С. Долецкий. Записки акселерата). — Варька, **почисть** хозяину калоши! (Чехов. Спать хочется).

Если у Вас не остыло желание быть моим попутчиком, то, милости прошу, **уведомите**... (А. Твардовский. Письмо И. С. Соко-

лову-Микитову). [Гетман] Как? **Уведомьте**, генерал, почему? (М. Булгаков. Дни Турбиных).

...она ему сказала — **выброси** эту тряпку... (Д. Бакин. Страна происхождения). — **Выбрось**, Галюша, непременно **выбрось**, — попросила бабушка (И. Меттер. Подробности жизни).

...поэтому **выбросите** грубые, глупые слова.. (Абрам Аграновский. Философия Шаи Дынькина). **Выбросьте** эту главу, иначе я вашу диссертацию не допущу к защите (П. Григоренко. Воспоминания).

II. Правила для глаголов с основой настоящего времени, оканчивающейся на йот.

Такие основы имеют все глаголы I, II, III классов, часть глаголов IV, VI, VII классов и непродуктивных групп.

1. Все глаголы с основами настоящего времени, оканчивающимися на йот, кроме глаголов IV класса, независимо от акцентных условий, образуют форму 2-го лица императива с нулевой флексией.

В подавляющем большинстве случаев нулевая флексия императива после йот соответствует неударной флексии первого лица настоящего-будущего времени: *читай, болей, рисуй, посеи, помой, побрей, задуй, обуй* и т. п. (ср. *читаю, болею, рисую* и т. д.).

Формы императива с нулевой флексией, соответствующей ударной флексии первого лица немногочисленны; см. примеры:

(за)кую — (за)куй, (за)смеюсь — (за)смейся, (по)стою — (по)стой, (по)боюсь — (по)бойся, (за)пою — (за)пой.

Образование таких форм происходит с акцентным сдвигом влево с флексии на последний слог основы. Механизм такого сдвига не всегда работает безотказно (см. [Еськова 1989а: 100–101]). Ряд форм императива попадает в ту категорию, которая в ОЭ снабжается пометами «несвободно» или «неупотребительно».

Неупотребительны формы от *гнить* с его производными (**гний, *загний, *прогний*).

Своеобразный случай — императив глагола *смеяться* с производными и приставочных образований на *-смеять*: возвратные глаголы образуют эти формы свободно (*смейся, засмейся, посмейся* и др.), формы приставочных невозвратных глаголов (*засмей, осмей, просмей*) воспринимаются как несвободные.

Капризно ведут себя производные глаголы от *стоять*. Свободно образуются формы приставочных глаголов, связанных с основным, конкретным значением глагола *стоять*: *постой* (в очереди), *простой* (несколько часов), *отстой* (вахту) и т. п.

А у тех приставочных образований, которые имеют более абстрактное значение, формы несвободны или неупотребительны: *настоять* (добиться), *отстоять* (кого-н., что-н.), *постоять* (за идею).

2. Для глаголов IV класса с основами на йот действительны те акцентные условия, которые для глаголов с основами не на йот определяют выбор ударной флексии *-и́* или «безвариативных» нулевой флексии и неударной флексии *-и*; ср.: *(но)дою́* — *(но)дой*, *(но)строю́* — *(но)стро́й*, *вы́дoит* — *вы́дои*.

Когда у глаголов с ударной приставкой *вы-*, имеющих основы не на йот, возникают условия вариативного образования форм, глаголы с «йотовой» основой образуют формы с нулевой флексией: *вы́строит* — *вы́строй* (**вы́строи* вряд ли возможна). В этом сказывается влияние всех остальных глаголов с основами на йот, которые образуют формы императива только с нулевой флексией. Влиянием этой основной закономерности «йотовых» глаголов объясняется и возникновение неправильных вариантов форм типа *напой*, *подой* (от *напоить*, *подoить*).

Б.3.4. СТРАДАТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Образование этих причастий связано со значительными формальными ограничениями. Свободно образуемыми можно признать лишь формы глаголов I, III и IV продуктивных классов (*читаемый*, *рисуемый*, *говоримый*), что дает право не приводить их в словаре.

Примечание. А. В. Исаченко отмечает, что в пределах I продуктивного класса страдательные причастия настоящего времени образуются преимущественно от вторично имперфективированных глаголов (*возглавляемый*, *называемый*, *предлагаемый*), тогда как от простых (бесприставочных) глаголов они редки; он считает также, что рассматриваемые причастия не образуются от глаголов этого класса, «относящихся к бытовой лексике и обозначающих конкретные действия» (среди его примеров — «*теряемый*», «*кушаемый*», «*подметаемый*», «*стираемый*») [Исаченко 1960: 548]. Но эти ограничения относятся не к образованию, а к употреблению форм, и сообщать такого рода информацию не входит в задачи ОЭ.

Не могут быть сведены к формальным условиям и ограничения, касающиеся страдательных причастий настоящего времени от глаголов IV класса. Здесь тоже идет речь о степени употребительности. К самым употребительным относятся формы приставочных глаголов на *-водимый* (*отводимый*, *приводимый*), *-возимый* (*ввозимый*, *перевозимый*), *-носимый* (*наносимый*, *приносимый*). Может вызывать сомнение употребительность многих форм бесприставочных глаголов (употреб-

тельны ли, например, формы глаголов «бытовой лексики» вроде *белый, гладкий, рубимый?*).

Образование рассматриваемых причастий от глаголов всех остальных классов и групп представляет пеструю картину.

Сразу исключаются из рассмотрения II и VIII классы, состоящие из непереходных глаголов. V класс включает всего два переходных глагола несовершенного вида (*гнуть* и *тянуть*), не образующих рассматриваемых причастий по формальным причинам.

В VII классе переходные глаголы составляют меньшинство; страдательные причастия настоящего времени имеются у глаголов *видеть, ненавидеть, зреть, лицезреть, терпеть, слышать*, не образуют этих форм, например, *вертеть, смотреть, держать*.

Среди переходных глаголов VI класса рассматриваемые формы причастий свободно образуются от «йотовых» основ (*веемый, лелеемый, сеемый, хаемый, чаемый, чуемый*), формы от глаголов с другими основами единичны (*колеблемый, колышимый*); не образуют таких форм *вязать, искать, лизать, мазать, резать, чесать* и др. Не образуют этих причастий глаголы *колоть, молоть, полоть, пороть*).

Почти не образуют страдательных причастий настоящего времени глаголы IX класса (свободно употребляемыми можно признать лишь *ведомый, влекомый*; встречаются формы *везомый* и *несомый*); не образуют этих форм глаголы, имеющие такое же настоящее время, как у IX класса, при ином оформлении инфинитива (типа *брать, рвать*; типа *мереть*; типа *жать*).

Единичны формы страдательных причастий настоящего времени среди глаголов других непродуктивных групп и отдельных глаголов вне групп (*кроемый, моемый, роемый; даваемый; гонимый; бреемый*).

У всех этих глаголов в ОЭ приводятся формы причастий или указания на их неупотребительность.

Б.3.5. СТРАДАТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Эти формы образуются с большой степенью регулярности и подлежат приведению в толковых словарях у переходных глаголов, если они образуются с чередованием согласных (*покра-*

сить — покрашенный) или со сдвигом ударения влево с ударной темы (*написа́ть* — *напи́санный*, *распахну́ть* — *распахну́тый*).

Приведем перечень переходных глаголов, у которых страдательные причастия не приведены ни в одном из основных современных толковых словарей (У, Б, М, Ож, О-Ш, БТС): *доконать*, *забодать*, *накропать*, *облобызывать*, *перещеголять*, *пристращать*, *пробормотать*, *проленетать*, *проморгать*, *скоротать* (с инфинитивом на ударное *-ать*) и *вдохнуть*, *взболтнуть*, *взметнуть*, *заглотнуть*, *изрыгнуть*, *отглотнуть*, *откачнуть*, *отшатнуть*, *перешагнуть*, *подстрекнуть*, *покачнуть*, *попрекнуть*, *пошатнуть*, *пошевелинуть*, *прометнуть*, *сглотнуть*, *сморгнуть*, *ужаснуть*, *умыкнуть*, *упрекнуть* (на ударное *-нуть*).

Сдвиг ударения влево с ударной темы не всегда осуществляется с достаточной степенью автоматизма (см.: [Еськова 1989а: 101–102]), поэтому у части глаголов на ударные *-ать* и *-нуть* формы причастий оказываются несвободными в употреблении. Именно таковы формы глаголов приведенного перечня: *доконáнный*, *облобызáнный*, *проморгáнный* и *вдохну́тый*, *отглотну́тый*, *пошатну́тый* и т. д.

Затруднение в образовании форм причастий, остающееся невыявленным в толковых словарях, получает отражение в ОЭ благодаря использованию помет «несвободно» и «неупотребительно».

То, что в одинаковых акцентных условиях образование форм от одних глаголов осуществляется свободно, а от других — с затруднением, относится к области «прихотей» языка. Конечно, важную роль играет степень употребительности слова, но этот признак не является абсолютным показателем.

Можно наметить некоторые общие черты отдельных формальных групп глаголов. Так, неупотребительны причастия от всех переходных глаголов с суффиксом *-ану-* (*мазануть*, *резануть*, *рубануть*, *сказануть*, *толкануть*, *хватануть* и др.). Затруднения в образовании причастий от глаголов с суффиксом *-ну-* обнаруживают многие бесприставочные глаголы (*боднуть*, *глотнуть*, *кольнуть*, *куснуть*, *мазнуть*, *ругнуть*, *толкнуть* и др.). Среди приставочных таких случаев меньше. Неупотребительны, например, причастия: от *лизнуть*, *пугнуть* (**ли́знутый*, **пу́гнутый*), а *обли́знутый*, *сли́знутый* и *вспу́гнутый*, *отпу́гнутый*, *припу́гнутый* образуются свободно. Среди глаголов на *-ать* затруднения в образовании причастий обнаруживаются у меньшего числа слов по сравнению с глаголами на *-нуть*. Но можно отметить почти полную невозможность образовать страдательные причас-

тия от глаголов с формальными признаками вторичной имперфективации (например, от *просклонять*, *проспрягать*, *перерешать*, *насочинять*).

Причиной затрудненного образования форм страдательных причастий может быть недостаточный автоматизм в реализации чередований согласных. По этой причине неупотребительны причастия, например, от *занозить*, *приютить*, *осиротить*, *оттузить*.

Неупотребительны причастия приставочных образований от непереходных глаголов, у которых переходность возникает под влиянием приставки, например от *прокричать*, *обежать*, *отстучать*.

Б.3.6. ДЕЕПРИЧАСТИЯ

В современном русском языке деепричастие не имеет категории времени. Форме инфинитива определенного вида соответствует одна форма деепричастия: *делать* — *делая*, *сделать* — *сделав*. Но при формальной невыраженности видовой принадлежности (такие глаголы называются двувидовыми) с одним инфинитивом соотносятся две формы деепричастия: *реализовать* (сов. и несов.) — *реализуя* (несов.) — *реализовав* (сов.). Таким образом, в формах деепричастий двувидовых глаголов вид формально выражен.

Б.3.6.1. ДЕЕПРИЧАСТИЯ ГЛАГОЛОВ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА

Существует только один способ образования этих деепричастий — с помощью суффикса *-а (-я)*; наличие/отсутствие чередования согласных глагольной основы определяется классом глагола. Таким образом, в морфологической системе отсутствуют предпосылки для их вариативного образования (если не считать случаев типа *маша//махая*, когда вариативна вся подпарадигма настоящего времени).

Формальные ограничения в образовании деепричастий от глаголов несовершенного вида довольно значительны.

Свободно образуются деепричастия от глаголов продуктивных классов I—IV: *читая*, *владея*, *рисую*, *говоря*. V класс состоит из глаголов совершенного вида, кроме указанных ниже четырех исключений.

Глаголы VII непродуктивного класса образуют формы деепричастий без морфологических ограничений, но у четырех глаголов формы аномальны в акцентном отношении: *глядя, лёжа, сидя, стоя*; ср. формы с закономерным ударением (совпадающим с ударением инфинитива и 1 л. настоящего времени): *вертя, смотря и видя, завися*.

Глаголы несовершенного вида остальных классов и групп образуют деепричастия с ограничениями.

Не образуют деепричастий глаголы VIII класса: *гаснуть, виснуть, киснуть, мокнуть* и т. д.; их судьбу разделяют четыре глагола несовершенного вида V продуктивного класса: *гнуть, льнуть, тонуть, тянуть*.

Ограничения в образовании деепричастий от глаголов VI класса, определяемые чередованиями конечной согласной основы, носят прихотливый характер.

Свободно образуются деепричастия от глаголов с основами на йот, «неспособными» к чередованиям (*лаять, лелеять, надеяться, реять, сеять, чують* и др.: *лая, лелея, рея* и т. д.).

Свободно осуществляются чередования *n//nl'* (*сыпля, трепля, щипля*), *б//бл'* (*колебля*), *м//мл'* (*дремля*), *тл//ч* (*бормоча, пряча, топча* и мн. др.), *тл//ц* (*клевеца, ротица, скрежеца, трепеца*), *стл//ц* (*блеца, свица, хлеца*), *скл//ц* (*ица, плеца, полоца, рыца*).

Свободно образуются формы с чередованием *к//ч* (*клича, мурлыча, плача, скача, тыча, хныча*), формы же, в которых реализуется чередование *х//ш* (*бреша, паша*), даются в ОЭ с пометой «несвободно».

Не образуются свободно формы деепричастий, в которых должны осуществляться чередования *з//ж* и *с//ш* (от *писать, плясать, тесать, чесать* и *вязать, лизать, мазать, низать, резать*).

У глаголов IX класса затруднено образование деепричастий от основ на заднеязычные (*влечь, печь, сечь, течь, толочь; беречь, жечь, стеречь, стричь*). За формами деепричастий не закрепилось чередование заднеязычных с шипящими, и в то же время морфонологически невозможно образование форм без чередований (т. е. не получили «права гражданства» ни **бережа, *стережа*, ни **берегя, *стерегя*). В остальных случаях ограничений нет: *меля, плеля, растя, цвеля; бредя, ведя, кладя, крадя, прядя; неся, пася, тряся; везя, грызя, ползя; гребя, скребя*.

У глаголов непродуктивных групп ограничения в образовании деепричастий связаны со структурой основы настоящего времени: формальным препятствием оказывается отсутствие гласной

в этой основе: *врать (врёт), ждать, жрать, рвать; бить (бьёт), вить, лить, пить, шить; жать (жмёт), жать (жнёт), мять (мнёт); мереть (мрёт), переть, тереть; спать (спит).*

Сразу по двум формальным причинам затруднено образование деепричастий от *лгать* и *ткать*.

Свободно образуются деепричастия, если основа настоящего времени содержит гласный: *беря, деря, зоя, сося; воя, кроя, ноя, роя; живя, плывя, слыя; борясь, коля, меля; брея; гоня; дуя; ревя.*

Исключения составляют глаголы *гнуть* и *петь*; «сомнительность» формы **гния*, возможно, определяется семантикой, а формы **ноя* — омонимическим совпадением с деепричастием от *поить*.

В словаре не указываются формы деепричастий только у глаголов I–IV продуктивных классов. Для остальных глаголов либо приводится форма (часто с пометой «несвободно»), либо дается указание на ее неупотребительность.

Как было оговорено, «несвобода» и неупотребительность форм устанавливаются с точки зрения нормы и не означают полную невозможность употребления соответствующих форм. Они изредка встречаются. Ниже приведен ряд примеров употребления форм деепричастий от глаголов несовершенного вида из числа таких, какие в ОЭ снабжаются пометой «несвободно» или характеризуются как неупотребительные.

Формы глаголов V класса.

Пока тост говорил и переводился, гений произвольно отодвигался от Федоренко из середины зала, **лняя** к стене (С. Кондрашов. «Известия», 1997). Сребреет у моря веранда, Не в море **тона**, а — в луне... (И. Северянин. Балтийское море). Опускаясь к низкому жанру, мастер поднимает его до себя. **Тяняясь** за высоким, теряет нажитое (А. Генис, «Общая газета», 1999).

Формы глаголов VI класса.

Наступила очередь третьего человека как бы видеть сон ... что он, **лижа** сухим горячим языком чернильный карандаш, выписывает чек... (А. Грин. Личный прием). Сторожиha опять зевнула, ... сняла фонарь и пошла на берег, броса перед собой пятно света, **мажа** себя желтым светом по сапогам... (Ю. Казаков. Адам и Ева). Мужик суровый, словно туча, держал кувшинчик молока. Сказал: «Природа меня мучит, Превращая в старика. Когда, **паша** семейную десятину, Иду, подобен исполину, — Гляжу-гляжу, а

предо мной Всё что-то движется толпой» (Н. Заболоцкий. Торжество земледелия). **Пиша**, как не солгать? Обнаружив ложь, как не отшвырнуть перо? (А. Битов. Уроки Армении). Мать: «Ни стыда, ни совести! И в гроб пойдет **пляша**!» (М. Цветаева. Бабушка). В него штыка революции клин вогнали, **пляша** под распевку... (В. Маяковский. Версаль). Шестой роты человек двадцать, шедшие в деревню, присоединились к тащившим; и плетень ... на-давя и **режа** плечи пыхтевших солдат, двинулся вперед по улице деревни (Л. Толстой. Война и мир). — Хорош денек, а? И гоньба и скачка, а? — сказал Николай, **чеша** за ушами Милку (Л. Толстой. Война и мир). Васька, босой, **чеша** лохматую голову, пошел отворять ему (А. Куприн. Изумруд).

Одна из этих форм — *пиша* — отмечена у многих авторов, но и она не воспринимается как употребляемая свободно; характерны оговорки при употреблении ее в устной речи («можно так сказать?» или «прошу извинить за грамматический окказионализм»).

Формы глаголов IX класса и глагола *бежать*.

Ростовы ... **бережа** прически и платья, в одиннадцать часов разместились по каретам и поехали (Л. Толстой. Война и мир). **Влеча** Манфреда к смерти, Байрон символически убивал в себе, в своем духе, препятствующие новой жизни влечения и старые преступления (Игорь Глебов. Манфред Байрона—Шумана). ...ибо путь комет — Поэтов путь: **жжя**, а не согревая, Рвя, а не взращивая — взрыв и взлом... (М. Цветаева. Поэт). Я как-то спросил А. Т., могу ли я, **печась** о журнале, рекомендовать ему вещи, которые мне особенно нравятся (А. Солженицын. Бодался теленок с дубом). С Фетюкова станет, что он, миску **стереза**, из нее картошку выловил (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича). От севера идет адмирал Колчак, сибирский хлеб сапогом **толча** (В. Маяковский. Хорошо!). Индо взмокла, **толчась**, заботимшись (М. Цветаева. Егорушка). «Завопил кто-то один и вдруг перестал», — показывала, **бежа**, Марья Кондратьевна (Достоевский. Братья Карамазовы).

Формы глаголов непродуктивных групп.

Мрачный вал Плескал на пристань, ропща пени И **бьясь** о гладкие ступени... (Пушкин. Медный всадник). Мы задыхались ветрами и пылями, **вьясь** степями по рельсам голодненькими (В. Маяковский. 150 000 000). И сидела в длинном строе Грустно-бледная семья: Жены, девы падшей Трои, Голоса и слезы

лья... (Тютчев. Поминки). Мы сидели, вечер **пья** (В. Хлебников. Вечер. Тени...).

Люди бросали жалобы в ящик, **жда** от жалоб чудес настоящих (В. Маяковский. Легкая кавалерия). Приоткроется челюсть, **жря** или зыкая... (В. Маяковский. Пилсудский). ...и она тяжело зарыдала, **рвя** на себе волосы... (Ч. Айтматов. Тавро Кассандры). ...Онегин пробежал мимо, выпятив свой верблюжий кадык и громко **ржа** (А. Куприн. Изумруд). Я всегда, даже **спя**, нахожусь при деле... (Л. Леонов. Русский лес). И поплыл я, вдыхая сигару, **Ткя** седой и качеляющий тюль... (И. Северянин. Экссес-сорка).

— Это, слышь ты, не пожар, Это свет от птицы-жар, — молвил ловчий, **мря** со смеху (Ершов. Конек-Горбунок).

Мордами пушек в колонии тычась, сковывая, **жмя** и газами пованивая, идет капиталистическое соревнование (В. Маяковский. Два соревнования).

«Зарезали! Убили!» Мечусь, **оря** (В. Маяковский. Прозаседавшиеся).

Где б ни умер, умру **поя** (В. Маяковский. Про это).

Не случайно среди авторов оказался много раз представлен Маяковский и не по одному разу — Северянин, Цветаева, Солженицын (однако в их компанию попал и Лев Толстой...).

Б.3.6.2. ДЕЕПРИЧАСТИЯ ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА

В этих деепричастиях при отсутствии формальных ограничений широко представлена вариативность. При этом наряду с вариантами, возникающими в результате выбора между двумя морфологическими возможностями, существуют стилистические варианты, свойственные преимущественно художественной речи. В грамматических источниках эти варианты не всегда достаточно ограничиваются от основной системы.

Существует параллелизм в образовании деепричастий совершенного вида и действительных причастий прошедшего времени, нарушаемый лишь в немногих случаях.

Соотносительны суффиксы **-вш-** и **-ш-** причастий и **-в** (**-вши-** перед аффиксом возвратности) и **-ши** деепричастий.

Продуктивные суффиксы *-ви-* и *-в* (*-виш-*) образуют формы от тех глаголов, у которых перед показателем инфинитива *-ть* выступают гласные: *сделавший* — *сделав, сделавшись*.

Формы с суффиксом *-в* невозвратных глаголов: *испугав, заболев, избаловав, поверив, согнув, написав, посидев, промокнув* (формы глаголов I–VIII классов), *расколов, прогнав, проснав, собрав, прожив, достав, заперев, взяв, забыв, приехав, проревев, прибив, открыв, раздув, побрив, пропев, прибежав, захотев, почтив, отдав, съев* (формы глаголов непродуктивных групп и единичных, приведенные в том же порядке, в котором выше перечислены глаголы).

Формы возвратных глаголов, регулярно соотносящиеся с формами невозвратных: *испугавшись, разболевшись, избаловавшись, разуверившись, согнувшись, растисавшись, засидевшись, расколовшись, разогнавшись* и т. д. О случаях нерегулярного соотношения форм невозвратных и возвратных глаголов см. дальше.

Непродуктивные суффиксы *-ш-* действительных причастий и *-ши* деепричастий выступают после глагольных основ, кончающихся согласными. Это главным образом глаголы IX класса, инфинитив которых может кончаться на *-ть*, *-ти* с предшествующими согласными или на *-чь* (*грызть, грести, печь*). Параллелизм между формами причастий и деепричастий демонстрируют соотношения *разгрызший* — *разгрызши, разгрёбший* — *разгрёбши, остригший* — *остригши*.

Но в деепричастиях части глаголов этого класса с основами на зубные согласные (*з, с, д, т*) суффикс *-ши* оказался вытесненным суффиксом *-я* (*-а* с предшествующей мягкой согласной), совпадающим с суффиксом деепричастий несовершенного вида. В ОЭ формы с этим суффиксом рекомендуются в качестве современной литературной нормы для деепричастий приставочных глаголов от *везти, нести, брести, вести, мести, плести, (при)обрести, -честь (привезя, отнеся, забредя, приведя, подметя, заплетя, (при)обредя, зачтя*.

От этих глаголов не исключается употребление форм с суффиксом *-ши* (*привёзши, принёсши* и пр.), которые были достаточно употребительны у авторов XIX в., но современной норме не соответствуют.

Надо остановиться на тех случаях, когда у глагола различаются основа инфинитива и основа прошедшего времени. Таковы глаголы VIII класса и группа глаголов с инфинитивом на *-ереть* (ср.: *замёрзну-ть* — *замёрз-, замере-ть* — *замер-*). Выбор вари-

анта основы предопределяет выбор суффикса причастия и деепричастия.

У основной массы непродуктивных глаголов на *-нуть* в ОЭ признаются соответствующими современной литературной норме формы *замёрзший* (основа прошедшего времени, определяющая выбор суффикса *-и-*) — *замёрзнув* (основа инфинитива и суффикс *-в*) — *смёрзшись* (основа прошедшего времени и суффикс *-иш*). В этом соотношении нарушен параллелизм между причастиями и деепричастиями невозвратных глаголов и между деепричастиями невозвратных и возвратных глаголов. Морфологическая возможность образования форм типа *замёрзнувший*, *замёрзши* существует, но такие формы не признаются нормативными. (Подробнее об этом классе глаголов см. дальше: 7.1.)

У глаголов на *-ереть* (*мереть*, *переть*, *тереть* *простереть*) строгой норме тоже соответствует соотношение *натёрший* — *натерев* — *натёршись*, но формы типа *натёриш* можно считать допустимыми вариантами нормы. В последнее время получают распространение формы типа *умеревший*, *заперевший*, *натеревший* и типа *подперевшись*, *уперевшись*, которые пока нельзя признать нормативными.

Однако в переносных значениях глаголов *запереться* ('не признаваться в чем-н.'), *опереться* ('найти поддержку в ком-чем-н.'), *отпереться* ('не сознаться в чем-н., отказаться от чего-н.'; с простореч. оттенком) соответствуют норме как раз деепричастия *заперевшись*, *оперевшись*, *отперевшись*. См. примеры:

Приходилось только отрицать, упорно **заперевшись** в том, что было гаже всего (Б. Пастернак. Детство Люверс. М.—Л., 1925, с. 12; к сожалению, в следующих изданиях форма «исправлена» на **запершись**). В поэме были места, подсказывавшие возможность такого прочтения ее, но Орлов, **оперевшись** на них, сделал это гораздо шире, чем в самой поэме (К. Симонов. Русский талант. В кн.: «Дмитрий Николаевич Орлов». М., 1962). Он [Б. Сметана] сумел подытожить в своем творчестве искания предшественников и, **оперевшись** на них, пойти значительно дальше (Я. Лушина. Антонин Дворжак, М., 1983). Однако он наплевал на формальности и, **оперевшись** на послушное парламентское большинство, как сказал бы поэт, «взорлил» на крыльях своей спикерской должности аж под небеса... («Литературная газета», 1993).

Все рассмотренное относится к основной системе образования деепричастий, в которой возникновение вариативности связано с выбором между продуктивным и непродуктивным суффиксами (в некоторых случаях связанным с выбором основы).

Наряду с этим существует два вида вариативных образований, находящихся в пределах нормы, но не являющихся стилистически нейтральными и распространенных преимущественно в художественных текстах.

К любой форме деепричастия, образованной с суффиксом *-в*, может быть присоединен компонент *-ши*: *испугавши, заболевши, избаловавши, поверивши, согнувши, написавши* и т. д. Такие формы гораздо шире употреблялись авторами XIX в. (обращает на себя внимание обилие их у Гоголя). Они стилистически снижены, и этим определяется уместность их употребления. В задачу нормативного словаря не входит характеристика таких форм.

Сложнее обстоит дело со стилистическими вариантами другого типа. В художественной литературе употребляются формы глаголов IV класса (на *-ить*) и VII класса (на *-еть, -ать*) с суффиксом *-а (-я)*: *встретя, заметя, истребя, оцеля, преувелича, прищуря, разлюбя, растревожа, сокруша, ударя, украся; увидя, услыша*. Заметно чаще встречаются такие формы возвратных глаголов: *возвратясь, встретясь, измучась, наклонясь, нахотясь, облокотясь, освободясь, склонясь, сосредоточась, удостоверясь, уставясь, утвердясь* и т. д. Такие формы тоже были гораздо больше распространены у авторов XIX века.

Нет уверенности в полной свободе употребления таких форм от любого глагола на *-ить*. Даже небольшой материал показывает предпочтение отдельных глаголов. Возможно, если бы было обследовано значительное количество художественных текстов, появилась бы возможность дать в словаре с особой пометой (например, «в художественной речи») наиболее часто встречающиеся формы такого типа. Не располагая таким материалом, приходится ограничиться лишь общим указанием на возможность употребления форм этого образования в языке художественной литературы.

Во многих грамматических описаниях такие формы на *-а, -я* неправомерно фигурируют в одном ряду с формами типа *приведя, принеся*, которые, как было показано, входят в основную систему образования форм деепричастий, занимая у ряда глаголов место непродуктивных форм с суффиксом *-ши*.

Б.3.7. ОТДЕЛЬНЫЕ КЛАССЫ И ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ

Б.3.7.1. ПАРАДИГМЫ ГЛАГОЛОВ VIII КЛАССА

Подача глаголов этого класса в ОЭ основана на исследовании, отраженном в [Еськова 1996б].

Этот класс состоит из образований от 60 корней, часть которых представлена в связанном виде (*-бегнуть*, *-вергнуть*, *-верзнуть*, *-выкнуть*, *-двинуть*, *(вос)креснуть*, *-стигнуть*, *(ис)чезнуть*). Для некоторых корней бесприставочные глаголы проблематичны (например, *грузнуть*, *грязнуть*, *сякнуть*). Часть корней представлена многочисленными приставочными образованиями (*-киснуть*, *-липнуть*, *-мёрзнуть*, *-мокнуть*, *-сохнуть* и др.), часть — немногочисленными или единичными.

Тематический элемент *-ну-*, выступающий в основе инфинитива, в части форм, образующихся от этой основы, отсутствует или является факультативным, в результате чего возникают вариативные формы. Вариант основы без элемента *-ну-* оканчивается на согласную, и в формах, образуемых от этого варианта, используются непродуктивные суффиксы действительных причастий прошедшего времени и деепричастий совершенного вида (см. выше: 6.2), а в форме прошедшего времени мужского рода не используется показатель *-л-*.

Литературной норме соответствуют формы прошедшего времени женского и среднего рода и множественного числа без *-ну-*: *отвергла*, *мокла*, *засохла*, *достигло*, *пахло*, *прокисло*, *исчезли*, *сохли*, *прилипли* и т. п. Встречающиеся в текстах формы типа *прилипла*, *исчезнула*, *избежали* норме не соответствуют.

Сложнее обстоит дело с формой прошедшего времени мужского рода и с действительными причастиями прошедшего времени, а также с деепричастиями.

В отношении форм мужского рода и причастий обнаруживаются существенные различия между бесприставочными и приставочными глаголами, а среди приставочных выделяются группы, имеющие свои особенности.

Для бесприставочных глаголов должны быть признаны единственно нормативными формы действительных причастий прошедшего времени с *-ну-*: *гаснувший*, *гибнувший*, *глохнувший*, *зябнувший*, *крепнувший*, *липнувший*, *мёрзнувший*, *меркнувший*, *мокнувший*, *пахнувший*, *пыхнувший*, *слепнувший*, *сохнувший*, *чахнувший* и др. (а не *гасий*, *глохий* и т. д.; изредка встречающиеся такие образования не соответствуют норме).

Формы мужского рода бесприставочных глаголов с *-ну-* распространены значительно меньше; преобладают формы *гас, глож, зяб, креп, мёрз, мок, сох* и др., но все же варианты *глохнул, зябнул, крепнул* и т. д. не находятся за пределами нормы.

Для основной массы приставочных глаголов нормативными являются только формы без *-ну-*: *повис, повисший, озяб, озябший, прокис, прокисший, подмок, подмокий, распух, распухший, засох, засохший* и т. д.

Для приставочных глаголов от небольшой группы корней, лексическое значение которых способствует их употреблению в художественных (в особенности в стихотворных) текстах, можно признать особой «поэтической» нормой употребление форм мужского рода и причастий с *-ну-*: *поблёкнул, поблёкнувший, погаснул, погаснувший, смолкнул, смолкнувший, затихнул, затихнувший, потухнул, потухнувший* и т. п.

Наконец, существует группа приставочных глаголов, для которых нормой является вариативное образование форм мужского рода и действительных причастий прошедшего времени. Таковы почти все глаголы со связанными корнями. Нормой является вариативность форм на *-бегнул* и *-бег, -бегнувший* и *-бегший, -вергнул(ся)* и *-верг(ся), -вергнувший(ся)* и *-вергший(ся), -двигнул* и *-двиг, -двигнувший* и *-двигший, -стигнул* и *-стиг, -стигнувший* и *-стигший, -торгнул(ся)* и *-торг(ся), -торгнувший(ся)* и *-торгший(ся)*.

Для деепричастий совершенного вида невозвратных глаголов нормой являются формы с *-ну-* с суффиксом *-в:* *поблёкнув, повиснув, погаснув, пропахнув, достигнув, подвергнув, расторгнув*. Встречающиеся в текстах формы типа *повисши, погасши, подвергши, расторгши* не соответствуют норме.

Формы возвратных глаголов образуются без *-ну-* с суффиксом *-ши-*: *слипшись, смёрзшись, рассохились*. У глаголов с вариативными формами мужского рода и причастий такая же вариативность наблюдается в деепричастиях: *подвергнувшись* и *подвергшись, вторгнувшись* и *вторгшись*.

Б.3.7.2. ВАРИАТИВНЫЕ ПОДПАРАДИГМЫ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛОВ VI КЛАССА С ОСНОВАМИ НА ГУБНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Известно, что воздействие на глаголы VI класса глаголов I класса дает вариативность в подпарадигме настоящего-будущего времени типа *машет//махаёт, тычет//тыкает*. Но некото-

рые глаголы VI класса с основами на губные согласные испытывают трансформацию иного рода, также приводящую к вариативности. В ОЭ предложено необщепринятое объяснение хорошо известных фактов.

Шире всего распространены варианты форм глагола *сыпать*: наряду со строго нормативными *сыплет*, *сыплют* в устной речи нередки формы, передаваемые на письме (когда в этом возникает необходимость) как *сыпет*, *сыпят*. Оставив пока в стороне вопрос об орфографической передаче этих форм, остановимся на морфологической сущности происходящего.

С морфологической точки зрения существенно констатировать возникновение вариативной подпарадигмы настоящего-будущего времени с новым соотношением чередующихся согласных конца основы: вместо закономерной для глаголов VI класса ступени чередования (реализующейся для губных сочетанием *сл*'), которая выступает во всех формах рассматриваемой подпарадигмы, возникает соотношение *nl/nl'* внутри этой подпарадигмы: *сыплю* — *сыпет* — *сыпят*. Такое соотношение чередующихся единиц закономерно для глаголов II спряжения IV и VII классов: *куплю* — *купит*, *терплю* — *терпит*.

В этом и заключается происходящая морфологическая трансформация: глагол приобретает систему чередований и систему флексий II спряжения [Еськова 1989в: 53–54]. Стихийно сложившиеся написания адекватно передают только форму третьего множественного (*сыпят*), оставляя в прочих формах флексию I спряжения (*сыпешь*, *сыпет*, *сынем*, *сынете*). Это имеет свое объяснение: для написания *сыплют* не существует аналогий (нет форм 3 лица мн. числа с сочетаниями *ню*, *бю*, *вю*, *мю*) и потому оно «отвергнуто» интуицией «рядового пишущего»; но этой интуиции не хватило для распространения флексии II спряжения на остальные формы, так как флексии I спряжения представлены после губных (*гребёт*, *ревёт*, *снимет*). Иное дело интуиция лингвиста: «Вместо *сыплю* — *сыплешь* весьма обычно *сыплю* — *сытпшь*» [Шахматов 1952: 231].

Вариативные подпарадигмы глагола *сыпать*, а также *трепать* и *щипать* (со всеми производными) только в последних изданиях орфографического словаря получили отражение; в качестве орфографической нормы закреплено морфологически неоправданное соединение в одной подпарадигме форм с флексиями I и II спряжений (*сыпет*, но *сыпят*).

В ОЭ даны написания, адекватно отражающие результат произошедшей морфологической трансформации: *сыпит*, *третит*,

щипит (соответственно — у всех производных глаголов). Разумеется, эти написания не претендуют на роль орфографических рекомендаций.

Вот несколько все-таки «пробившихся» в печать написаний с флексиями II спряжения не в третьем лице мн. числа.

...Выше пояса Рожь зернистая **Дремит** колосом Почти до
земи (Кольцов. Урожай). Вот лежу я, и так, знаете, **дремится**
мне... (Тургенев. Три встречи). Росую черных катастроф На во-
лоса со сводов **капит** (Б. Пастернак. Рудник). ...Хрустят шаги,
С деревьев **капит**... (Б. Пастернак. Все сбылось). Ее мы года
через два Землей могильною **засыним** (А. Безыменский. Петер-
бургский кузнец). — Нафталин, нафталин, Хоть мешок **насыним**,
Подходи, гражданин, Мы тебя **пересыним!** (С. Островой. Кол-
хозный базар). В стихотворении «Муза» она очень отчетливо
произносит «**оттрепит**», рифмуя с «лепет» (Л. Чуковская. За-
писки об Анне Ахматовой).

Б.3.7.3. ВАРИАТИВНЫЕ ПОДПАРАДИГМЫ ГЛАГОЛОВ МЕРИТЬ И МУЧИТЬ

Наряду с закономерными для глаголов IV класса формами *мерю, мерит, мерят, мерь, мерящий, меримый, меря* — существуют вариативные формы *меряю, меряет, меряют, меряй, меряющий, меряемый, меряя* (так же от *мучить*: *мучу//мучаю* и т. д.).

Отнесение этой вариативности за счет влияния I продуктивного класса (такая точка зрения существует) морфологически неубедительно, так как оставляет необъясненной причину воздействия одного продуктивного класса на другой. Орфографическое следствие этого морфологического объяснения — признание законности вариантов *мерять, мерял, мерявший, измерянный, измеряв* (так же *мучать*). Эти варианты (встречающиеся в практике) не узаконены орфографическим словарем, что представляется целесообразным, так как им не соответствует никаких языковых различий (написаниям *мерил* и *мерял* в литературном произношении соответствует одно и то же звучание). Но как «оправдать» морфологически соотношение *мерить* — *меряю*?

Существуют три глагола на *-ить* — *ездить, елозить* и *лазить*, имеющие параллельные ненормативные системы форм, которые в случае необходимости передаются на письме так: *ездию, ез-*

едит, ездий, ездоющий, ездия (так же от елозить и лазить). Эти не соответствующие орфографической норме написания «подсказывают» объяснение морфологической сути явления. Можно видеть ее в тенденции к возникновению у глаголов на -ить такого соотношения между инфинитивом и настоящим-будущим временем, какое представлено для глаголов на -ать и -еть в I и II продуктивных классах; ср.: *читать* — *читаю*, *белеть* — *белею*, *ездить* — *ездию*.

Инфинитивы на -ать и -еть представлены в продуктивных и в непродуктивных классах (I и VI: *читать* и *писать*, II и VII: *сесть* и *сидеть*). У глаголов обоих этих продуктивных классов тематическая гласная сохраняется (*читаю*, *седею*), у параллельных же глаголов непродуктивных классов она усекается и происходят чередования согласных (*пишу*, *сижу*).

Используя предложенное А. А. Зализняком понятие усекаемости/неусекаемости глагольной основы (см. [Зализняк 1964: 134–135]), можно констатировать, что глаголы на -ить — единственный продуктивный класс с усекаемой основой. Закономерное для таких основ чередование согласных создает морфонологические затруднения (см. выше: 3.2). В формах типа *ездию* можно видеть тенденцию к «созданию» класса на -ить с основой неусекаемого типа, исключающей чередования (см. [Еськова 1989в: 54–56]).

Предложенное объяснение позволяет признать морфологически оправданным соотношение параллельных систем форм (*мерю//меряю*, *мучу//мучаю*) с одной формой инфинитива (*мерить*, *мучить*).

Б.3.7.4. ГРУППА ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ НА -ШИБИТЬ

Глаголы со связанной основой -шиби- представлены приставочными образованиями *вшибить*, *вышибить*, *дошибить*, *зашибить(ся)*, *обшибить*, *отшибить*, *ошибиться*, *перешибить*, *подшибить*, *пришибить*, *прошибить*, *расшибить(ся)*, *сшибить(ся)*, *ушибить(ся)*.

Глаголы этой группы имеют контаминированные парадигмы, соединяющие формы, образованные по IV и IX классам. По IX классу оформлены подпарадигмы будущего и прошедшего времени (-шибу, -шибут; -шиб, -шибла), по IV классу — инфинитив и страдательное причастие (-шибить, -шибленный). Эти формы в современном литературном языке не имеют вариантов, и образование их не связано с затруднениями.

Сложнее обстоит дело с действительными причастиями и деепричастиями. Расхождение между основами инфинитива (*-шиби-*) и прошедшего времени (*-шиб-*) создает для этих форм возможность двоякого образования (*-шибивший, -шибив* — по IV классу и *-шибший, -шибши* — по IX классу). Эти формы относятся к числу относительно редко употребляющихся, а указания в словарях и грамматических источниках очень скудны.

Толковые словари (кроме словаря Ушакова) этих форм не приводят. В У преобладают указания на их отсутствие («прич. действ. и дееприч. нет») или неупотребительность; при глаголах *отшибить* и *расшибить(ся)* дается указание «мало употр.» (но не указано, как они образуются); для нескольких глаголов рекомендуются формы деепричастий на *-шибя(сь)*: *обишибя, ошибясь, перешибя, подшибя*.

В. И. Чернышев замечает: «Причастий *зашибший, отшибший, расшибший, сшибший, ушибший, ошибшийся* мы более или менее избегаем» [Чернышев 1915: 339]. А. А. Шахматов указывает: «Основа инфинитива *ошиби-*, от нее образован инфинитив *ошибиться, сшибить*, а также деепричастие *ошибившись*; причастие прош.: *ошибившиеся*...» [Шахматов 1952: 240]. У А. В. Исаченко находим: «Деепричастие и действительное причастие прошедшего времени образованы от мужской формы: *ошибшись, ошибшийся*» [Исаченко 1960: 120].

Картотека, использованная при подготовке ОЭ, содержит только два примера употребления авторами XIX в. действительных причастий глаголов на *-шибить*: *ушибший* (Шаховской. Расхищенные шубы, 1815), *ошибшегося* (А. К. Толстой. Упырь, 1841).

См. также следующие примеры, принадлежащие авторитетным авторам XX в. (но родившимся в конце XIX):

...она зарыдала сразу, как *ушибшийся* ребенок (Н. Гумилев. Путешествие в страну эфира, 1914). С Э<ренбург>гом мы разошлись из-за безмерности чувств: его принципиальной, *сшибшейся* с моей, стихийной (М. Цветаева. Письмо к А. В. Бахраху от 20.7.23). ...уродливая графиня и *ошибшийся* польский муж... (А. Ахматова. План статьи о поздней пушкинской прозе).

Материал современных текстов позволяет обнаружить преобладание форм на *-шибивший(ся), -шибивши(сь)*. Отмечены случаи употребления причастий *зашибивший, ошибившийся* (несколько раз), *сшибивший, ушибившийся*, деепричастий *вышибив, расшибив*,

шибив, ушибив; более 10 раз зафиксирована форма *ошибившись*, в том числе у В. Астафьева, И. Грековой, Н. Ильиной. У многих «на слуху» строки Булата Окуджавы:

Давайте понимать
Друг друга с полуслова,
Чтоб, **ошибившись** раз,
Не ошибиться снова.

В ОЭ сделан выбор в пользу форм на *-шибивший(ся)*, *-шибив(шись)*, снабжаемых пометой «несвободно».

Примечание. У авторов XIX в. представлены страдательные причастия, образованные по IX классу — на *-шибенный* (*перешибенный*, *расшибенный*, *ушибенный* и др.).

Б.4. СОЕДИНЕНИЯ С ПОЛ, ПОЛУ-

Традиционная словарная подача исходит из понимания соединений с *пол* ('половина') как сложных слов. Иная точка зрения обоснована в работах А. А. Зализняка [Зализняк 1977: 73–74] и И. А. Мельчука [Мельчук 1985: 283–285]. Она и положена в основу подачи этих соединений в ОЭ.

Компонент *пол* может быть соединен с любым существительным, обозначающим предмет, поддающийся счету. Ничем не ограниченная свобода таких соединений позволяет считать их свободными словосочетаниями — вопреки сложившемуся в русском письме слитному и дефисному написанию.

Соединения с *пол* обнаруживают синтаксические свойства, сближающие их с соединениями числительных с существительными; ср.: *прошло два года — прошло полгода; прошли первые два года — прошли первые полгода.*

Таким образом, есть серьезные основания считать *пол* особой словарной единицей, обладающей существенными грамматическими свойствами числительного.

Сочетания с *пол* представляют аналогию тем сочетаниям числительных *два, три, четыре* с существительными, в которых числительные стоят в формах именительного или винительного падежа, управляя родительным единственного существительного: *прошло четыре месяца — прошло полмесяца, через каждые два месяца — через каждые полмесяца.*

В конструкциях с косвенными падежами существительных, в которых числительные оказываются согласуемыми словами, *пол* выступать не может. В этих синтаксических условиях свободные сочетания с *пол* заменяются сложными словами с первым компонентом *полу-*. Ср.: *каждых двух месяцев — каждого полмесяца, каждым трем месяцам — каждому полмесяцу, четырьмя месяцами — каждым полмесяцем.* И хотя *пол* в этом случае обнаруживает уникальные свойства, само различие «формального поведения» в именительном-винительном и прочих падежах говорит о его «родстве» с числительными.

Сложные слова с *полу-*, вступающие в парадигматические отношения со свободными сочетаниями *пол* с существительными, оказываются словами с дефектной парадигмой — без именительного-винительного падежа. Такие сложные слова не образуются с полной свободой. Можно привести множество соединений с *пол*, которые не могут быть «дополнены» в косвенных падежах конструкциями со сложными словами с *полу-*. Например: *покра-*

сил ползабора, вскопал пол-огорода, переписал начисто полреферата, выкосил уже пол-луга, вещи заполнили полконтейнера — этим и неограниченному множеству других сочетаний с *пол* не соответствуют сложные слова с *полу-* (нет форм *полузабора, *полуогороду, *полурефератом и т. д.).

Подача в ОЭ соединений с *пол* вынужденно прибегает к ссылкам на параграфы грамматической статьи, объясняющей эту подачу. В словарь включено некоторое количество употребительных сочетаний с *пол*, части которых соответствуют сложные слова с *полу-* с дефектной парадигмой (даны, например, слова: *полугода, полукилометра, полуметра, полутонны*).

Б.5. ПРЕДЛОГИ

В 5-е издание ОЭ добавлена информация, относящаяся к формальным свойствам предлогов. В толковых словарях и в грамматических описаниях эти сведения представлены очень скудно или совсем отсутствуют.

Б.5.1. О ВАРИАНТАХ ПРЕДЛогоВ С ТАК НАЗЫВАЕМЫМ БЕГЛЫМ О

Этому вопросу посвящена статья [Еськова 2000].

Первообразные предлоги, кончающиеся согласными, имеют варианты с конечным *о* (которое часто условно называют «беглым»): *без//безо, в//во, из//изо, из-под//из-подо, к//ко, над//надо, от//ото, перед//передо, под//подо, с//со, через//черезо* (последний вариант встречается редко). Особое место занимает «триада» *о//об//обо*, рассмотренная отдельно.

Прихотливый характер употребления этих вариантов диктует разные способы подачи сведений о них в словаре. Часть таких сведений дается при предлогах, часть — при определенном круге существительных и прилагательных — как индивидуальные свойства этих слов. Наконец, ряд случаев целиком относится к фразеологии.

Самой общей предпосылкой появления «вокализованного» варианта предлога является (за редкими исключениями, целиком относящимися к фразеологии) наличие в начале словоформы сочетания согласных. Но лишь немногие начальные консонантные сочетания могут выступать в роли таких предпосылок; при этом только незначительная часть случаев употребления предлогов с *о* получает фонетическое обоснование.

Строго фонетически обусловленный выбор варианта предлога с конечной гласной существует только для *во* и *со*.

Вариант *во* выступает перед словоформами с начальными сочетаниями [*в, ф* + согласный]. Примеры: *во введение, во введении, во вдохновении, во взаимодействии, во вкладе, во власть, во власти, во вместилище, во внешности, во впечатлении, во вред, во вреде, во встрече, во втулке, во входе, во вишивке, во въезде, во вьюге; во флигель, во флигеле, во фразу, во фразе, во фторе, во фьорд, во фьорде*.

Вариант *со* выступает перед словоформами с начальными сочетаниями [*з, с, ж, ш* + согласный], с начальным согласным [*ц*].

Примеры: *со звездой, со зданием, со злостью, со змеей, со знаком, со зрением, со сборником, со свадьбой, со сговором, со сделкой, со сжатием, со скатерти, со славой, со смехом, со снегом, со спесью, со срамом, со ссылкой, со стеклом, со сферой, со схемой, со сцены, со счётом, со сиивкой, со съездом, со жбаном, со жвачкой, со жгутом, со жжёнкой, со жмыхом, со жнейкой, со жребием, со шведами, со шкафа, со шлаком, со шмелём, со шнуром, со шпагой, со штабом, со ихуны, со жукой.*

Менее регулярно вариант *со* выступает перед сочетаниями [*в + з, с, ж, ш*]. Примеры: *со взором, со вселенной, со вжатием, со шивкой.* В этих случаях возможно и употребление варианта *с*.

Информация о фонетически обусловленном употреблении вариантов *во* и *со* дается в словаре при этих вариантах.

Не может быть квалифицирован как строго фонетически обусловленный выбор варианта предлога *с о* в положении перед сочетаниями [*л, ль, м, р + согласный*]. Здесь выделяется группа существительных с беглым гласным в односложной основе: *лев, лёд, лён, лоб, ложь, мох, ров, рожь, рот*. Указанные начальные сочетания появляются в словоформах косвенных падежей: *льва, льда* и т. д. С большей или меньшей степенью регулярности перед этими словоформами появляются «вокализованные» варианты предлогов:

ко льву, со львом
во льду, изо льда, из-подо льда, ко льду, надо льдом, ото льда, подо льдом, со льдом
во льну, подо льном, со льном
во лбу, ко лбу, надо лбом, ото лба, подо лбом, со лбом
во лжи, ко лжи, со лжи
во мху, ко мху, подо мхом, со мхом
во рву, ко рву, изо рва, со рвом
во ржи, ко ржи
во рту, изо рта, ко рту, надо ртом, ото рта, подо ртом, со ртом

Примечание. Перед теми же сочетаниями, когда они начинают словоформы других слов, варианты *с о* менее вероятны. Например, обычные (если не единственно возможны): *к львице, к льнозаводу, от льстеца; над лугом, от лжеца; из мглы, к мстителю; к рвани, в ржании*. В то же время тенденция употреблять варианты *с о* за пределами отмеченного круга односложных существительных существует, отмечены, например: *со львёнком, со льготами, со льдины, со лженаукой, во рвачи, со рвением, со ржавыми.*

Таким образом, нельзя совсем отрицать связь выбора вариантов *с о* с наличием в начале словоформ указанного круга слов

определенных звуковых сочетаний. В соответствующих словарных статьях даются указания об употреблении форм этих слов с «вокализованными» вариантами предлогов. При вариантах предлогов с *о* тоже сообщается об употреблении их перед словоформами указанного круга односложных существительных с беглыми гласными.

Все остальные случаи употребления вариантов с *о* следует расценивать как индивидуальное свойство определенных лексем, о котором сообщается в соответствующих словарных статьях. При этом речь идет преимущественно о вариантах *во*, *ко*, *со*.

Максимально возможный набор вариантов с *о* представлен перед словоформами нескольких местоименных слов.

Варианты с *о* предлогов выступают перед словоформами с начальным сочетанием *мн* местоименного слова *я*: *во мне*, *ко мне*, *надо мной*, *передо мной*, *подо мной*, *со мной* (без, из, из-подо, от не представлены, поскольку родительный *меня* не имеет начального *мн*).

Варианты *во* и *подо* выступают перед словоформой винительного падежа местоименного слова *что*: *во что*, *подо что* (и в сочетаниях с *-либо*, *-нибудь*, *то*: *во что-либо* и т. д.). Изредка встречается и предложное сочетание *через что*.

Перед словоформами с начальным сочетанием *вс* местоименного слова *весь* выступают (кроме фонетически закономерных *во* и *со*) варианты *ко* и (факультативно) *безо*, *изо*, *надо*, *ото*, *передо*, *подо*: *ко всему*; *безо всего* (и *без всего*), *ото всего* (и *от всего*) и т. д. (Вариант *безо* возможен также перед родительным падежом слова *всякий*: *безо всякого*.)

Остальные случаи относятся к вариантам *во*, *ко*, *со*.

Вариант *ко* выступает перед формами дательного падежа слов *всякий* и *всяческий*: *ко всякому*, *ко всяческому* (*во* и *со* выступают перед соответствующими падежными формами этих слов фонетически закономерно);

ко, *со* выступают перед соответствующими падежными формами слов *второй*, *вторник*: *ко второму*, *ко вторнику*; *со второго*, *со вторника*, *со вторым*, *со вторником* (*во* выступает перед соответствующими словоформами этих слов фонетически закономерно);

во, *ко*, *со* выступают перед соответствующими падежными формами слов *многое*, *многие*: *во многом*, *во многих*; *ко многому*, *ко многим*; *со многих*, *со многим*, *со многими*.

Употребление вариантов с *о* не распространяется на положение перед словоформами сложных слов с начальными *второ-*

и много-: к второкласснику, с второклассником; в многословии, к многогранности, с многообразием и т. п.

В гораздо большем числе случаев употребление этих трех вариантов с *о* не является синтаксически свободным. Многие варианты закрепились за определенными фразеологизмами; в ряде случаев вариант с *о* выступает в предложной конструкции, когда она имеет обстоятельственное значение, тогда как в объектном значении конструкция включает вариант без гласной.

Те и другие случаи даются в словаре за определенным условным знаком. Вот некоторый их перечень (без разграничения указанных двух случаев).

ВО

во благо (делать что-н.); ср.: *верить в благо*

во весь дух; *во весь опор*; *во весь + сущ.* (выражает полную меру проявления, использования чего-н.): *встать во весь рост*, *кричать во весь голос*, *лист бумаги во весь стол*; ср.: *он не верит в весь этот бред*

поставить во главу угла

во двор (войти и т. д.); *во дворе*, *во дворах* (находиться и т. д.); ср.: *превратить участок возле дома в двор*; *нуждаться в дворе*

во дворец (войти и т. д.); *во дворце* (находиться и т. д.); ср.: *влюбиться в дворец*; *разочароваться в дворце*

мещанин во дворянстве; ср.: *сомневаться в дворянстве*

употребить во зло; ср.: *не верить в зло*

во мглу (погрузиться и т. д.); *во мгле* (пребывать, скрыться и т. д.); ср.: *вглядеться в мглу*; *не нуждаться в мгле*

во мнениях (разойтись, сойтись); ср.: *не разбираться в мнениях окружающих*

во мрак (погрузиться и т. д.); *во мраке* (пребывать, исчезнуть и т. д.); ср.: *вглядеться в мрак*; *не видеть ничего страшного в мраке*

во славу кого-чего-н.; ср.: *не верить в славу*

во сне (во время сна); ср.: *видеть в сне путь к выздоровлению*

ложь во спасение; ср.: *не верить в спасение экспедиции*

во тьму (погрузиться и т. д.); *во тьме* (пребывать, исчезнуть и т. д.); *вглядеться в тьму*; *не нуждаться в тьме*

во цвете лет; ср.: *разочароваться в цвете нации*

во человецех благоволение

еще во чреве матери

КО

прийтись не ко двору

ко дню + род. п. (в знач. приуроченности к какому-н. событию): *подарок ко дню рождения*; ср.: *относиться равнодушно к дню рождения*

пойти ко дну (утонуть); ср.: *прикоснуться рукой к дну*

отойти ко сну; *клонит ко сну*; ср.: *привыкнуть к сну на воздухе*

СО

со вкусом (о наличии хорошего вкуса); при возможности: *с вкусом других людей следует считаться*

со вниманием (внимательно); ср.: *с вниманием дело обстоит плохо*

со временем (в будущем); при возможности: *быть не в ладу с временем*

со двора (уйти и т. д.); ср.: *начать осмотр с двора*

со дня на день; *со дня* + род. п. (в знач. начальной точки отсчета времени): *неделя со дня приезда*; ср.: *требовать с дня, как с месяца*

со дна (достать и т. д.); ср.: *счистить грязь с дна ящика*

См. следующие примеры употребления вариантов без *о* в конструкциях с объектным значением.

Превращая гостиницу в **дворец**, они украшали все номера и холлы («Литературная газета», 1993). Встреча происходила в огромном его блиндаже, превращенном моими саперами в **дворец** (В. Некрасов. Из неопубликованного, «Дружба народов», 1995). Все это сверху, с бутары похоже на гигантскую сороконожку, расплюснутую, высохшую и пригвожденную навек **к дну** золотого разреза (В. Шаламов. Любовь капитана Толли). Добиться правильной техники дыхания — это все равно что наполнить графин водой, надо начинать **с дна** (Н. Гелда. Дар не дается бесплатно, перевел А. В. Парин).

Б.5.2. О ВАРИАНТАХ О//ОБ//ОБО

Эта «триада» употребляется с двумя падежами — с винительным и предложным.

Употребление варианта *обо* и с винительным, и с предложным падежом закреплено за определенными (очень немногочисленными) словоформами: *обо всё* (*всю, все, всех*), *обо что* (вин. пад.), *обо всём* (*всей, всех*), *обо мне* (предл. пад.).

Употребление *обо* перед формами предложного падежа местоименных слов *весь*, *всё* предписывается строгой литературной нормой, но эта норма достаточно часто нарушается. См. хотя бы у Блока:

Девушка пела в церковном хоре

О всех усталых в чужом краю,

О всех кораблях, ушедших в море,

О всех, забывших радость свою.

При словоформам предложного падежа строго нормативным для современного литературного языка является очень простое правило распределения *о* и *об*. Первый вариант выступает перед словоформами, начинающимися согласными: *о будущем*, *о воде*, *о городе*, *о доме*, *о жизни*, *о здоровье*, *о книге*, *о лете*, *о матери*, *о ночи*, *о правде*, *о родине*, *о стихах*, *о театре*, *о фонаре*, *о хлебе*, *о цене*, *о чести*, *о школе*, *о щедрости*; *о ереси*, *о ёлке*, *о юге*, *о яблоке* (*о јереси*, *о јолке*, *о југе*, *о јаблоке*). Вариант *об* предшествует словоформам с начальными гласными: *об армии*, *об имени*, *об опере*, *об улице*, *об этике*. Отступления от этого правила воспринимаются как отклонения от современной литературной нормы.

В винительном падеже соотношение вариантов *о* и *об* оказывается иным. Словоформам, начинающимся гласными, как и в первом случае, предшествует вариант *об*: *расшибся об асфальт*, *уколотся об иглу*, *порезался об осколок стекла*, *ударился об угол стола*, *споткнулся об этот камень*.

Однако перед словоформами с начальными согласными могут выступать оба варианта: *ударился о камень* и *об камень*, *о лёд* и *об лёд*, *о стол* и *об стол*. Ср. устойчивые сочетания: *бок о бок* и *рука об руку*. Вот несколько примеров из современных текстов.

С вариантом *о*.

Но нелишне напомнить, что **о сильное** государство не раз расшибали себе лбы еще «общинники» («Известия», 1990). Такой подход устранял главное препятствие, **о которое** разбивались все предыдущие попытки... («Известия», 1993). Многие считали ниже своего достоинства мараить руки **о парламентские** безумства и выходки непримиримых... («Известия», 1993). Все произошло мгновенно: на Садово-Каретной бежевая «Таврия» перелетела через бордюр, снесла дерево и со всего маху ударилась **о столб** («Известия», 1995).

С вариантом *об*.

...стуком ложечки **об** стакан... (Б. Ямпольский, «Знамя», 1988). ...бьют об столик или **об** подметку... (В. Гроссман, «Октябрь», 1988). ...эту дежурную фразу, **об** которую в былые времена было обточено столько перьев, писать уже не хочется («Известия», 1989). Заканчивая выступление, он подчеркнул, что ... его «совесть — чиста», и «пусть краснеют те, кто вытирает **об** закон ноги для того, чтобы повыше подняться» («Известия», 1994).

Тот и другой вариант сочетается с припредложными формами местоименных слов *него, неё, них*.

...он был больше озабочен тем, чтобы держаться на дистанции от злосчастного камня и самому не расшибиться **о** него («Известия», 1992). Мы живем, **о** них спотыкаясь («Литературная газета», 1993).

Кажется, **об** нее должны разбиться и смех, и веселье... («Литературная газета», 1989). Для таких и понаставлены везде рогатки и плотины, и бьется **об** них вся наша братия... («Литературная газета», 1989).

Можно ли считать, что с винительным и предложным падежами выступает один и тот же предлог *о/об/обо*? Приведенные факты показывают наличие формальных различий между *о* (*об*), употребляемым с винительным падежом, и *о* (*об*), выступающим перед словоформами предложного падежа. Не является ли это основанием считать, что есть два предлога, которые должны даваться в словарях как разные единицы?

О, ОБ, предлог с вин. пад. Условия употребления: перед словоформами, начинающимися гласными, выступает вариант *об*; перед словоформами, начинающимися согласными, варианты *о* и *об* свободно варьируются.

О, ОБ, предлог с предл. пад. Условия употребления: перед словоформами, начинающимися гласными, выступает вариант *об*; перед словоформами, начинающихся согласными — вариант *о*.

В той и другой статье должно быть отражено фразеологически закреплённое употребление варианта *обо*.

Рассмотрению этих вариантов посвящена статья [Еськова 2004₂]. Раздельная подача *о* и *об* с винительным и предложным падежами реализована в словарях [Еськова 1994, Еськова 2005] и в новом издании ОЭ.

Б.5.3. УПОТРЕБЛЕНИЕ ПОСЛЕ ПРЕДЛОГОВ ВАРИАНТОВ ФОРМ МЕСТОИМЕННЫХ СЛОВ *ОН, ОНА, ОНО, ОНИ* С НАЧАЛЬНЫМ МЯГКИМ *Н*

Хотя формы косвенных падежей местоименных слов *он, она, оно, они* с начальным *н'* — *него, нему, ним, нём, неё, ней, нею, них, ним, ними* получили название припредложных форм, они выступают не после всех предлогов.

Обязательно употребление этих форм после всех первообразных предлогов: *без него, в ней, для них, за ней, к ним, над ними* и т. д.

Непервообразные предлоги неоднородны. Припредложные формы последовательно не выступают после предлогов, употребляющихся с дательным падежом: *благодаря ему, подобно ей, согласно им* и др. Из предлогов, употребляющихся с винительным падежом, припредложные формы выступают только после *сквозь*: *сквозь него, сквозь неё, сквозь них*.

Наиболее многочисленны непервообразные предлоги, употребляющиеся с родительным падежом. После большинства этих предлогов выступают припредложные формы: *возле него, впереди неё, напротив них, подле неё, среди них* и т. д. Лишь немногие соединяются с формами местоименных слов без *н'*: *вне его, касательно её, наподобие их*. Немногочисленны случаи вариативности: *внутри него и внутри его, относительно них и относительно их*.

Представляют интерес предлоги с родительным падежом, формирующиеся из предложно-падежных конструкций, для которых соединение с припредложными формами оказывается важным признаком их «превращения» в предлоги. Давно сформировавшимся предлогом является, например, *в течение (него, неё, них)*. Употребляются с припредложными формами *во время, во главе, в пользу, в результате, в силу, в честь, за счёт, по поводу* и др. (см. [Еськова 1989б, 1996а]).

В ОЭ эти сведения оформляются как свойство определенного предлога «требовать» употребления припредложных форм, о ко-

тором сообщается в словарной статье. Отсутствие указания означает, что после соответствующего предлога употребляются обычные формы местоименных слов.

Примечание. Для первообразных предлогов заменой такого указания могло бы служить введение признака «первообразный», но это усложнило бы пользование словарем лингвистами.

III. О НОРМАХ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVIII–XIX ВЕКОВ

Вот сделать бы такой словарь —
в пределах читаемого...

С. И. Ожегов (в частной беседе)

Работа, которая «возникла» из предполагавшегося приложения к орфоэпическому словарю, представляет собой словарь (примерно на 2000 слов), материал которого дается не в общем алфавите, а состоит из многих разделов, объединяющих слова по отражаемым в них явлениям. Прилагается общий алфавитный индекс с отсылкой при каждом слове к соответствующему разделу (таких отсылок при слове может быть больше одной).

Основными источниками словаря норм XVIII–XIX вв. являются литературные тексты этого времени (преимущественно художественные). Этот материал дополняется данными словарей и грамматик.

За пределами ОЭ закономерно остаются такие варианты, как *музы́ка, скала́ми, на хо́лмах, тащи́т, по́звал, зе́ркальный, та́инственный, дальный, постеля, нумер, снурок, успокоивать, затрогивать* и т. п., представленные в текстах писателей XVIII–XIX вв. Однако эти тексты не отделены непроходимой гранью от языковой практики современного культурного носителя литературного языка. Произведения русских классиков с ранних лет входят в духовный мир культурного человека, изучаются в школе, перечитываются всю жизнь. Это означает постоянное соприкосновение с устарелыми языковыми фактами, для адекватного восприятия которых требуется известная филологическая культура.

Между тем в языковом сознании «среднего» носителя литературного языка с такого рода фактами связаны определенные заблуждения. Даже Пушкина «подозревают» в том, что *музы́ка, скалы́, зе́ркальный* и т. п. употреблены «для рифмы» или «для размера» стиха.

Еще хуже то, что даже рифма и ритм не спасают иной раз от неправильного прочтения стихов, содержащих такие устарелые варианты, причем этим грешат и известные артисты. Так произошло, например, с «Домиком в Коломне»; в существующих записях один известный современный исполнитель читает *перевáрит* (вместо *переварíт*), другой — *прыгнула* (вместо *прыгну́ла*). В записи И. В. Ильинского (как это ни удивительно) зафиксировано «*нужда́*, голод настает» (вместо *нужда́*). Как-то с экрана телевизора прозвучало: «Лепажá *стволы́* роковые...», а пушкинист В. С. Непомнящий поделился со слушателями в одной из радиопередач услышанным «На *холма́х* Грузии...». Некоторые с опозданием (уже не в детстве!) догадываются, что «В суму его пустую *сую́т* грамоту другую» (а не *сую́т*) или (уже не в школе) вдруг понимают, что «погасло *дне́вное* светило» (а не *дневно́е*). Количество подобных примеров можно увеличить.

Недостаточная осведомленность о нормах литературного языка XVIII–XIX вв. может привести исследователя к неверным выводам. Пример тому следующий комментарий к одной строфе «Домика в Коломне».

«Останавливает внимание странное акцентуирование глагола в пятой строке — *Завидную ж вы избрали дорогу!* Ее легко было бы исправить, поменяв местами две смежные словоформы — *Завидную ж избра́ли вы дорогу*, однако автор этого не сделал, предпочтя косноязычный вариант. Думается, это акцентное косноязычие вкладывается в уста критику сознательно — для снижения эффекта речевого воздействия последнего» (Н. В. Перцов. О языковом иконизме Пушкина (из комментариев к поэме «Домик в Коломне») // Московский пушкинист, II, М., 1996, с. 197).

Комментатор пушкинского текста исходит из собственного восприятия этого акцентного варианта, не учитывая того, что в литературном языке времени написания пушкинской поэмы варианты форм прошедшего времени определенных типов глаголов с ударением на приставке — *избра́л, со́брал, на́звал, по́рвал, прё́рвал* и т. д. — мирно сосуществовали с современными нормативными *избра́л, собра́л, назва́л, порва́л, прерва́л*. У современников Пушкина не было оснований видеть в варианте *избрали* «акцентное косноязычие», и они не могли воспринять его так, как хотелось бы автору этого изощренного комментария.

К печальным результатам может привести отсутствие необходимых знаний об устарелых языковых фактах у редакторов текстов старых авторов.

В 1950-е годы вышло 14-томное собрание сочинений Л. Толстого, в котором глагольные формы типа *затрогивать*, *оспоривать*, *удостоивать*, *успокоивать* и т. п. (широко представленные у авторов XIX века) последовательно заменены современными *затрагивать*, *оспаривать*, *удостаивать*, *успокаивать*; очевидно, эти морфологические варианты были поняты редакторами издания как... орфографические!

В 1960-е годы вышло считающееся авторитетным двадцатитомное собрание сочинений Толстого (в котором, в частности, был освобожден от многих ошибок прежних изданий текст «Войны и мира»; см. письмо Твардовского к Э. Е. Зайденшнур от 1.4.63). В этом издании варианты типа *успокоивать* сохраняются, но сделано это недостаточно тщательно; так, они почти не воспроизведены в тексте автобиографической трилогии (приятно было обнаружить, что эти огрехи устранены в вышедшем в 2000 г. первом томе Полного собрания сочинений в ста томах).

Особо следует сказать о постановке знака ударения в стихотворных текстах XIII—XIX вв. В большинстве случаев этот знак ставится редактором текста с целью облегчить читателю правильное прочтение ныне не существующего варианта. Знак ударения часто ставится и тогда, когда ударение однозначно определяется размером или рифмой.

Но есть более трудные случаи — когда размер стиха допускает двоякое ударение (обычно это возможность ударения «через слог» в двусложном размере), и ни один из вариантов не соответствует современной норме. В таких случаях знак ударения необходим как единственный источник акцентной информации. Но постановка его требует от редактора текста определенных познаний. При отсутствии таковых есть риск поставить знак ударения «не на тот слог», создав вариант, никогда не существовавший в русском языке. К сожалению, так не один раз сделано редакторами сборников «Библиотеки поэта». Разоблачению ошибок, допущенных в этой авторитетной серии, можно посвятить отдельную статью. Здесь придется ограничиться двумя примерами.

...И в этот вечер как была,

В наряде *вишнево́го* цвета

Она прекрасна и бела!

(К. Павлова. Полное собр. стих. М.—Л., 1964, с. 308)

Следует: *вишневого*.

И бедный дьявол в ад побрел

От горести стеная

Как будто *несоло́но* ел,

Полицию ругая.

(Русская стихотворная пародия. Л., 1960, с. 278)

Следует: *нэсолоно*.

Вряд ли нужно более пространно доказывать пользу словаря, расширяющего филологический кругозор широкого круга пользователей.

Словарь норм XVIII–XIX вв. основан на большом круге источников. В основу материала по ударению положена картотека ИРЯ РАН, включающая извлечения из текстов широкого круга авторов XVIII–XIX вв. (см. [Еськова 1967]). Этот материал был уточнен и существенно пополнен в процессе работы над словарем.

При иллюстрировании употребления устарелых вариантов всегда, когда это возможно, отдается предпочтение наиболее известным текстам. Но в основу словаря положены тексты широкого круга авторов, поэтому в словарных статьях представлены и такие поэты, которые редко попадают в круг чтения тех, кому главным образом адресован словарь. Ограничение иллюстративного материала только известными авторами обеднило бы картину.

Для языковых явлений, отражаемых не только в стихотворных текстах, была возможность использовать богатый материал, содержащийся в известных исследованиях (труды В. И. Чернышева, С. П. Обнорского, «Очерков» 1964 г.); этот материал существенно дополнен (тексты крупнейших русских прозаиков учтены почти полностью).

Очень важно подчеркнуть, что словарь не ставит своей задачей отражение норм прошлых веков во всей их полноте. Он включает только те варианты, которыми старая норма отличается от современной. Дается, например, статья *музыка* с рядом иллюстраций, и хотя в начале XIX века уже употреблялся вариант *музыка* (например, у Крылова), этот материал в статье не приводится. Поэтому информацию о старых вариантах, даваемую в статьях словаря, следует понимать в большинстве случаев как сведения о возможных (но не единственно возможных) в соответствующее время вариантах. Отразить нормы прошлых веков во всей их полноте и многообразии под силу лексикографическому труду, основанному на гораздо более полном материале, в идеале — на материале, полученном путем сплошной выборки подлежащих исследованию словоформ из всех стихотворных текстов XVIII–XIX вв. (задача, в принципе выполняемая, но вряд ли реально осуществимая в ближайшем будущем).

Имея практическую направленность, служа своего рода комментарием к определенной совокупности устарелых языковых

например, *бату, батюку, змею, змю, ордю, сестрю*), как формы на -у фактов, с которыми может встретиться современный культурный читатель, словарь вместе с тем представляет собой научное описание, учитывающее системные отношения соответствующего периода развития литературного языка. Используются все имеющиеся данные: старые словари и грамматики, исследования по истории русской акцентологии и морфологии. Соединение этих двух задач делает обсуждаемый словарь в известном смысле «уязвимым» для критики. Материал его может представляться в каких-то случаях излишним пользователю-неспециалисту и недостаточным лингвисту.

Определенные трудности возникают при иллюстрировании материала. Они могут быть связаны как с малым количеством примеров употребления определенных словоформ, так и с изобилием их. В первом случае материал не позволяет наглядно представить системы форм или показать распространенность явления (особенно если его приходится иллюстрировать примерами, принадлежащими только одному автору, даже самому авторитетному и хорошо знакомому читателям). Во втором случае — когда материал изобилует и явление может быть подтверждено примерами из многих авторов — встает вопрос о форме подачи. Читателя не следует «отпугивать» слишком большим количеством примеров. Поэтому приходится в ряде случаев давать прямые указания о широком распространении у авторов XVIII–XIX вв. определенных акцентных или морфологических вариантов, дополняя их перечислением авторов (не претендующим на исчерпывающий характер).

Следующий далее перечень имеет целью дать лишь общее представление о том, какой круг явлений охватывается словарем литературных норм XVIII–XIX вв.

1. Ударение.

1. Ударение на флексии во множественном числе слов с исходными формами на -а, теперь имеющих в этой подпарадигме ударение на основе (т. е. перешедших от неподвижного ударения на флексии к подвижному ударению). Примеры: *беда́* — *беда́й, беда́м, беда́ми, о беда́х* (теперь: *бе́ды, бе́дам, бе́дами, о бе́дах*); так же: *вины́, войны́, жены́, змеи́, орды́, сестры́, скалы́, страны́, струи́, судьбы́, судьи́, толпы́, тюрьмы́* и др.

2. Разного рода отличия от современного ударения существительных мужского рода с односложной основой: *ба́лы, ба́лов, -ам, -ами, -ах* (вместо: *балы́, бало́в...*), *бесо́в, -а́м, -а́ми, -а́х* (вместо: *бе́сов, -ам...*), *хо́лма, хо́лму..., хо́лмы, -ов...* (вместо: *холма́..., холмы́...*).

3. Множественное число существительных мужского рода с неодносложной основой с ударением на основе и флексией *-и, -ы* именительного падежа вместо ударения на флексии с *-а́, -я́* в именительном: *ма́стеры, -ов* (вместо: *масте́ра, -о́в*); так же: *па́русы, па́спорты, профе́ссы, учи́тели* и др.

4. Более широкое по сравнению с современным языком распространение явления перехода ударения на предлог: *на́ вечер, со́ льдом, у́ лесу, за́ лесом, у́ рта, ко́ дну, из́ моря, из-за́ моря, на́ брови, на́ лошадь, на́ цепь, по́ цепи, друг на́ друга, друг за́ другом* и др.

5. Отличное от современного ударение существительных, содержащих приставку: *засу́ха, возглас́, призра́к* и др.; существительных суффиксальных: *граждáне, россия́не, ма́слина, седи́на, воли́ебство, кладби́ще* и др.

6. Отличное от современного ударение существительных иноязычного происхождения: *геогра́ф, этигра́ф, деспо́т, симво́л, филосо́ф, библио́тека, музыка́, стату́я, трапе́за* и др.

7. Неподвижное ударение в системе настоящего-будущего времени глаголов с инфинитивом на *-ить*, теперь имеющих подвижное ударение: *вари́ть — вари́шь, вари́т, вари́м, вари́те, вари́т* (вместо: *ва́ришь, ва́рит...*); так же: *дели́т, кати́т, крути́т, тащи́тся, труди́тся, цени́т, яви́тся* и др. Ударение на суффиксе в страдательных причастиях прошедшего времени вместо современного ударения на глагольном корне: *завале́нный, погаше́нный, погубле́нный, задуше́нный, осуше́нный, науче́нный*, и др. (вместо современных *завале́нный, погаше́нный, задуше́нный* и т. д.).

8. Невозможное теперь ударение на приставке у части глаголов, имеющих в прошедшем времени подвижное ударение: *со́брал, у́брал, на́звал, по́звал, со́звал, со́рвал* и др. (теперь только: *собра́л, позва́л* и т. д.).

9. Разные случаи невозможного в современном языке ударения глагольных форм: *кля́ет, плю́ет, су́ет; вздрогну́л, прыгну́л; у́зрит, и́дет, на́йдет; бле́ща, клоко́ча, ро́пица, скреже́ща, тре́пища* и др.

10. Отличное от современного ударение полных прилагательных: *а́нглийский, вои́нский, дне́вный, зе́ркальный, ледя́нный, почтово́й, та́инственный* и др.; кратких форм: *лего́к, пра́ва, до́лжны; сравнительной степени: ста́рее, здоро́вее*.

II. Формы слов.

1. Формы родительного единственного существительных мужского рода на *-у (-ю)*, не являющиеся формами Р₂. Это или формы таких существительных, которые теперь имеют только формы на *-а (-я)*

(например, *балу, балкону, зною, лаю, сенокосу*), или формы на -у (-ю), употребленные в контекстах, где теперь возможны только формы на -а (-я) (*покуика табаку, слаще меду, употребление чаю*).

2. Формы второго предложного падежа с флексией -е в соответствии современной нормативной -у (*на бале, на берегу*) и обратные случаи (*в сору, на острове*).

3. Формы именительного-винительного множественного существительных среднего рода на -ы (вместо -а): *бревны, веслы, кольца, копыты, лица, пятны, ядры* и т. п.; аналогичные формы существительных *pluralia tantum*: *белилы, ворота, перилы, румяны* и др.

4. Формы родительного множественного существительных: а) мужского рода с нулевой флексией вместо современной -ов (*зуб, нерв, пуд*) или с флексией -ов вместо современной нулевой (*партизанов, сапогов, солдат, чулков*); б) среднего рода и женского рода на -а (-я) с флексией -ей вместо современной нулевой: *сокровищей, чудовищей и бурей, вельможей, недель, пашней, пустыней, сплетней, тысячей* и др.

5. Формы существительных на -мя без наращенной основы: *времем, вымем, знаем, пламем, стремю, темю*.

6. Формы несовершенного вида глаголов типа *дотрогиваться, опровергать, перерабатывать, расстраивать, удоставать, усваивать, успокаивать* и т. п.

7. Формы сравнительной степени, образованные не с теми суффиксами, что современные нормативные: *богачее, простее, громче; дале, доле, ране, старе, тяжеле* и др.

III. Варианты слов.

1. Морфологические варианты.

1) Разные случаи иного (по сравнению с современной нормой) морфологического оформления исходной формы и всей парадигмы существительного: *истуга* (вместо *истуг*), *оттенка* (вместо *оттенков*), *апофеоза* (вместо *апофеоз*), *гравюр* (вместо *гравюра*), *карьер* (вместо *карьера*), *папах* (вместо *папахы*), *постеля* (вместо *постель*), *роля* (вместо *роль*) и др.

2) Иные (по сравнению с современным языком) род и склонение существительных с конечными мягкими согласными основы и нулевой флексией в исходной форме: *вуаль* — *вуаля, вуалем* с согласованием по мужскому роду (вместо *вуали, вуалью* — по женскому роду); так же: *дуэль* (муж. род), *кадриль* (муж. род), *карусель* (муж. род); обратные случаи: *отель* — *отели, отелью* (жен. род), *портфель* (жен. род), *рояль* (жен. род) и др.

2. Варианты звукового оформления слов.

1) Иное (по сравнению с современной литературной нормой) звуковое оформление русских слов (перечисляются случаи разного типа): *скрыпеть*, *дальный*, *зверок*, *осьмой*, *осьмнадцать*, *сбираться* и др.

2) Не соответствующее современной норме оформление заимствований: *волкан* (вместо *вулкан*), *клуб*, *номер*, *сурьезный*, *сертук*; *пашквиль*, *пашпорт* (*ш* вместо *с*) и, с другой стороны: *снурок*, *статский*, *стора* (*с* вместо *ш*); ср. также: *галстух* (вместо *галстук*) и *шкуна* (вместо *ихуна*), *ценсура* (вместо *цензура*) и *филозоф* (вместо *философ*).

Когда эта работа мыслилась как приложение к орфоэпическому словарю, предполагалось давать отсылку (в виде условного значка) к каждой статье этого приложения в соответствующей статье ОЭ. Теперь, когда словарь, отражающий старые нормы, представляет собой отдельный труд, отсылка к его статьям не может даваться в задуманном ранее виде. В то же время отказ от таких отсылок обеднил бы подготовленное новое издание орфоэпического словаря. Поэтому предполагается сохранить связь между двумя словарями, давая в ОЭ не просто условный значок, а приводя устаревшие варианты, которым посвящен словарь норм XVIII–XIX вв. Несколько примеров:

бал, -а, *предл.* на балу́, *мн.* балы́, -о́в

■ **бал**, *предл.* на ба́ле, *мн.* ба́лы, -о́в

беда́, *вин.* беду́, *мн.* бе́ды, бед, бе́дам

■ *мн.* бе́ды, беда́м, беда́ми, беда́х

кати́ться, качу́сь, ка́тится

■ ка́тится, ка́тятся

вальси́ровать, -рую, -рует

■ вальсирова́ть, вальсиру́ю, вальсиру́ет

парчо́вый, -ая, -ое

■ парчево́й, -а́я, -о́е

ро́ща, -и, *род. мн.* ро́щ

■ *род. мн.* ро́шей

вулка́н, -а

■ волка́н, -а

ЛИТЕРАТУРА

В список включены все работы авторов ОЭ, связанные с проблематикой этого словаря. Кроме основных толковых словарей, в общем алфавите даются некоторые словари, посвященные частным явлениям, находящим отражение в ОЭ.

Аванесов 1956 — Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Аванесов 1958 — Р. И. Аванесов. Ударение в современном русском литературном языке. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1958.

Аванесов 1974 — Р. И. Аванесов. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Аванесов 1979 — Р. И. Аванесов. Орфоэпия // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 185.

Аванесов 1984 — Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. Изд. 6-е, переработанное и дополненное. М., 1984.

Агеенко 2001 — Ф. Л. Агеенко. Собственные имена в русском языке. Словарь ударений. М., 2001.

АН — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Том I, 1891–1895. Том II, 1897–1907 (законченные тома). В дальнейшем обозначения на титуле менялись.

АО — Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника. Под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1955.

АО¹ — Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник. Под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.

Б — Словарь современного русского литературного языка, т. 1–17. М.—Л., 1950–1965.

Бидер 1978 — И. Г. Бидер, И. А. Большаков, Н. А. Еськова. Формальная модель русской морфологии. Ч. I. 48 с. Ч. II. 60 с. (Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экс-

периментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 111–112). М., 1978.

Борунова 1966 — С. Н. Борунова. Сочетания [ш'ч] и [ш'] на границах морфем // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966. С. 55–71.

Борунова 1973 — С. Н. Борунова. Статистическое исследование регрессивного ассимилятивного смягчения согласных (на материале сценической речи) // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. М., 1973. С. 118–119.

Борунова 1975 — С. Н. Борунова. К вопросу об эволюции регрессивного ассимилятивного смягчения согласных (на материале сценической речи) // Теоретическая фонетика и обучение произношению. М., 1975. С. 67–74.

Борунова 1976 — С. Н. Борунова. Развѣтый — развѣтый — развѣтой // Русская речь, 1976, № 4. С. 146–148.

Борунова 1977а — С. Н. Борунова. Об акцентологических вариантах развѣтый — развѣтый — развѣтой // Грамматика и норма. М., 1977. С. 206–216.

Борунова 1977б — С. Н. Борунова. О развитии норм произношения (ассимилятивная мягкость согласных в сценической речи) // Языковая норма и статистика. М., 1977. С. 244–265.

Борунова 1980 — С. Н. Борунова. О влиянии внутриязыковых факторов на распределение произносительных вариантов в современном русском литературном языке (ассимилятивная мягкость согласных) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1980, № 4. С. 35–41.

Борунова 1988а — С. Н. Борунова. Проблемы отражения современных произносительных норм в «Орфоэпическом словаре русского языка» // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988. С. 36–39.

Борунова 1988б — С. Н. Борунова. Побочное ударение и деривация (на материале сложных существительных в русском языке) // Словообразование в современном русском языке. Областная научная конференция «Проблемы деривации и номинации в русском языке». Тезисы докладов. Омск, 1988. С. 55–57.

Борунова 1988в — С. Н. Борунова. По страницам «Орфоэпического словаря» // Русская речь, 1988, № 4. С. 60–65.

Борунова 1990 — С. Н. Борунова. К вопросу о выборе орфоэпического варианта // Культура русской речи. Тезисы I Всесоюзной научной конференции (Звенигород, 19–21 марта 1990 г.). М., 1990. С. 11.

Борунова 1991 — С. Н. Борунова. Реализация побочного ударения в разных типах речи // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. М., 1991. С. 72–92.

Борунова 1994а — С. Н. Борунова. Где ставить ударение? // Русская речь, 1994, № 2. С. 123–124.

Борунова 1994б — С. Н. Борунова. Покаяние и покаяние // Русская речь, 1994, № 5. С. 125.

Борунова 1994в — С. Н. Борунова. К вопросу о регламентации побочного ударения в словаре и тексте // Язык и культура. Третья международная конференция. Тезисы докладов. Кн. 3, Киев, 1994. С. 95.

Борунова 1995 — С. Н. Борунова. Фонетические признаки побочного ударения в связи с общими проблемами ударения // Русистика сегодня, 1995, № 4. С. 80–98.

Борунова 1996а — С. Н. Борунова. Сегментация речевого потока в разных типах речи // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. М., 1996. С. 53–72.

Борунова 1996б — С. Н. Борунова. Побочное (дополнительное) ударение в русском языке и проблемы его интерпретации // Тезисы II Международного симпозиума МАПРЯЛ «Фонетика в системе языка», Москва, 19–22 ноября 1996 г. М., 1996. С. 25.

Борунова 2001 — С. Н. Борунова. Взгляд на проблему побочного ударения в современном русском языке (лексикографический аспект) // Жизнь языка. Сборник статей к 80-летию Михаила Викторовича Панова. М., 2001. С. 145–148.

Борунова 2002 — С. Н. Борунова. К вопросу об интерпретации побочного ударения в современном русском языке // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 2002. С. 258–272.

Борунова 2003 — С. Н. Борунова. Побочное ударение в современном русском языке: теория и лексикографическая практика // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М., 2003. С. 235–237.

Борунова 2004 — С. Н. Борунова. Акцентологические варианты в произведениях А. С. Пушкина // Культура русской звучащей речи: традиции и современность. Тезисы докладов международной научной конференции 26–28 апреля 2004 г. М., 2004. С. 29–32.

БТС — Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.

Булаховский 1953 — Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Том II (Исторический комментарий). Четвертое, исправленное и дополненное, издание. Киев, 1953.

Булаховский 1954 — Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М., 1954.

Виноградов 1947 — В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947.

Винокур 1959 — Г. О. Винокур. Пушкин и русский язык [1937] // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 189–206.

Винокур 1967 — Г. О. Винокур. Из бесед о культуре речи [1945] // Русская речь, 1967, № 3. С. 10–14.

Винокур 1991 — Г. О. Винокур. Критика поэтического текста [1927] // О языке художественной литературы. М., 1991. С. 65–150.

Воронцова 1959a — В. Л. Воронцова. О нормах ударения в глаголах на *-ить* в современном русском литературном языке // Вопросы культуры речи. Вып. 2. М., 1959. С. 117–156.

Воронцова 1959b — В. Л. Воронцова. *Вáхтер* или *вахтёр*? // Вопросы культуры речи. Вып. 2. М., 1959. С. 222–224.

Воронцова 1965 — В. Л. Воронцова. Русское литературное ударение // Наша речь. Как мы говорим и пишем. М., 1965. С. 21–29.

Воронцова 1966a — В. Л. Воронцова. Заметки об ударении некоторых производных имен (существительные на *-ни-е*, *-е-ни-е*) // Вопросы культуры речи. Вып. 7. М., 1966. С. 105–110.

Воронцова 1966b — В. Л. Воронцова. О некоторых колебаниях ударения, связанных с семантическими разграничениями // Русский язык в школе, 1966, № 4. С. 22–28.

Воронцова 1967a — В. Л. Воронцова. «Заклучили договор...» «Вынесли приговор...» // Русская речь, 1967, № 3. С. 84–89.

Воронцова 1967b — В. Л. Воронцова. Ударение в глаголах на *-ировать* // Русский язык за рубежом, 1967, № 2. С. 82–85.

Воронцова 1968a — В. Л. Воронцова. О тенденциях развития современного русского литературного ударения // Русский язык в национальной школе, 1968, № 4. С. 69–75.

Воронцова 1968b — В. Л. Воронцова. *Остротá* и *острóта* // Русская речь, 1968, № 6. С. 47–50.

Воронцова 1969a — В. Л. Воронцова. Ваятель // Русская речь, 1969, № 1. С. 55–57.

Воронцова 1969b — В. Л. Воронцова. Вам звонят по телефону // Русская речь, 1969, № 4. С. 56–59.

Воронцова 1970 — В. Л. Воронцова. О произношении слова *мушкетер* // Русская речь, 1970, № 1. С. 51–52.

Воронцова 1971a — В. Л. Воронцова. Расположенный и рас-
положенный // Русская речь, 1971, № 2. С. 84–88.

Воронцова 1971б — В. Л. Воронцова. Ударение как средство
осуществления падежно-числовой противопоставленности в рус-
ском языке // Категория падежа в структуре и системе языка.
Тезисы докладов. Рига, 1971.

Воронцова 1971в — В. Л. Воронцова. Еще раз о произноше-
нии [уус'] // Развитие фонетики современного русского языка. М.,
1971. С. 235–236.

Воронцова 1974a — Русский язык по данным массового об-
следования. Опыт социально-лингвистического изучения. М.,
1974. Гл. III. Морфология <Морфологические варианты и их
социальное распределение>. С. 156–245 [ряд параграфов этой
главы].

Воронцова 1974б — В. Л. Воронцова. Семантическое развитие
некоторых групп лексики и роль ударения как средства деомони-
зации // Вопросы лексики и синтаксиса. Тезисы докладов.
Шауляй, 1974.

Воронцова 1975 — В. Л. Воронцова. Гидроним и псевдоним //
Русская речь, 1975, № 2. С. 158–160.

Воронцова 1976 — В. Л. Воронцова. Варианты флексий -ов
и Ø в родительном падеже множественного числа существитель-
ных мужского рода // Социально-лингвистические исследования.
М., 1976. С. 129–144.

Воронцова 1977 — В. Л. Воронцова. Нормы ударения и стати-
стика // Языковая норма и статистика. М., 1977. С. 219–228.

Воронцова 1978 — В. Л. Воронцова. Стажироваться или ста-
жироваться // Русская речь, 1978, № 3. С. 75–81.

Воронцова 1979 — В. Л. Воронцова. Русское литературное
ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М., 1979.

Воронцова 1980 — В. Л. Воронцова. Об ударении в слове *упо-
рядочение* // Научно-технический реферативный сборник. Вып. 2.
М., 1980.

Воронцова 1981a — В. Л. Воронцова. Об акцентной специ-
фике собственных имен // Ономастика и грамматика. М., 1981.
С. 180–195.

Воронцова 1981б — В. Л. Воронцова. Русское литературное
ударение. Норма и варианты // Русский язык в национальной
школе, 1981, № 5. С. 7–13.

Воронцова 1981в — В. Л. Воронцова [рец.] Л. К. Граудина. Вопросы нормализации русского языка. // Русская речь, 1981, № 5. С. 91–92.

Воронцова 1982а — В. Л. Воронцова. Ударение и его роль в номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 123–133.

Воронцова 1982б — В. Л. Воронцова. О специфике акцентуации терминов // Культура речи в технической документации. М., 1982. С. 197–210.

Воронцова 1984 — В. Л. Воронцова. Ударение. (грамматический аспект) // Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984. С. 314–315.

Воронцова 1985 — В. Л. Воронцова. «Российская грамматика» А. А. Барсова как источник сведений об ударении второй половины XVIII века // Восточные славяне. Языки. История. Культура. К 85-летию академика В. И. Боровского. М., 1985. С. 237–243.

Воронцова 1986 — В. Л. Воронцова, А. С. Дерябина. Ударение в профессиональной речи // Современные проблемы русской терминологии. М., 1986. С. 95–107.

Воронцова 1988а — В. Л. Воронцова. Функционально-стилистические особенности русского литературного ударения и их отражение в нормативных словарях // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988. С. 28–31.

Воронцова 1988б — В. Л. Воронцова. Следующая станция *Сёртхувска́я?* // Русская речь, 1988, № 3. С. 48–52.

Воронцова 1990а — В. Л. Воронцова. К вопросу о профессиональном варианте нормы в акцентуации // Культура русской речи. Тезисы I Всесоюзной научной конференции (Звенигород, 19–21 марта 1990 г.). М., 1990. С. 30.

Воронцова 1990б — В. Л. Воронцова. Морфонологическая модификация основы слова и место ударения // Язык: Система и подсистемы. К 70-летию М. В. Панова. М., 1990. С. 112–117.

Воронцова 1991 — Современное русское ударение в функционально-стилистическом аспекте // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. М., 1991. С. 32–72.

Воронцова 1996а — В. Л. Воронцова. Функционирование морфологических средств в разных типах речи (род, число, падеж имени существительного) // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. М., 1996. С. 93–142.

Воронцова 1996б — В. Л. Воронцова. // Русская речь, 1999, № 4. С. 56–59.

Воронцова 1996б — В. Л. Воронцова. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. Глава VII. С. 305–325.

Воронцова 2001 — В. Л. Воронцова. О нормах ударения префиксальных имен существительных // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М., 2001. С. 73–83.

Востоков 1856 — Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. Издание девятое, исправленное. СПб., 1856.

Горбачевич 1967 — К. С. Горбачевич. Границы современного в толковых словарях // Русская речь, 1967, № 2. С. 16–21.

Горбачевич 1971 — К. С. Горбачевич. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.

Горбачевич 1973 — Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник. Редактор К. С. Горбачевич [коллектив составителей]. Л., 1973.

Горбачевич 1978 — К. С. Горбачевич. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.

Грамматика 1952 — Грамматика русского языка. Том I. Фонетика и морфология. М., 1952.

Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Грамматика 1980 — Русская грамматика. Том I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980.

Граудина 1964а — Л. К. Граудина. О нулевой форме родительного множественного у существительных мужского рода // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 181–209.

Граудина 1964б — Л. К. Граудина. Развитие нулевой формы родительного множественного у существительных — единиц измерения // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 210–221.

Граудина 1975 — Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1975.

Граудина 1980 — Л. К. Граудина. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М., 1980.

Грекова 1986 — И. Грекова. Обаяние слова. Размышления с книгой в руках. «Орфоэпический словарь русского языка. Про-

изношение, ударение, грамматические формы». Издательство «Русский язык». М. // Литературная газета, 1986, № 18.

Грот 1899а — Я. К. Грот. О спряжении русского глагола и важности в нем ударения // Труды Я. К. Грота. II. Филологические разыскания. СПб., 1899. С. 263–276.

Грот 1899б — Я. К. Грот. О глаголах с подвижным ударением // Труды Я. К. Грота. II. Филологические разыскания. СПб., 1899. С. 277–289.

Грот 1899в — Я. К. Грот. О русском ударении вообще и об ударении имен существительных // Труды Я. К. Грота. II. Филологические разыскания. СПб., 1899. С. 392–353.

ГС см. Зализняк 1977а.

Еськова 1961 — Н. А. Еськова. *Предана или преданна?* // Вопросы культуры речи. Вып. 3. М., 1961. С. 220–224.

Еськова 1964 — Н. А. Еськова. Образование синтетических форм степеней сравнения в современном русском литературном языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 235–255.

Еськова 1965 — Н. А. Еськова. О русском ударении // Политическое самообразование, 1965, № 8. С. 118–122.

Еськова 1966 — Н. А. Еськова. О русском ударении // Семья и школа, 1966, № 1. С. 55–56.

Еськова 1967 — Н. А. Еськова. Картотека по современному русскому ударению // Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. М., 1967. С. 167–177.

Еськова 1969 — Н. А. Еськова. Ударение // Книга о русском языке. М., 1969. С. 107–123.

Еськова 1971а — Н. А. Еськова. О морфологических и морфонологических соотношениях между флексиями родительного падежа множественного числа существительных в современном русском языке // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского. М., 1971. С. 170–177.

Еськова 1971б — Н. А. Еськова, И. А. Мельчук, В. З. Санников. Формальная модель русской морфологии. I. Формообразование существительных и прилагательных. 72 с. (Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации). М., 1971.

Еськова 1972 — Н. А. Еськова. О принципах составления русского нормативного словаря орфоэпического типа // Вопросы языкознания, 1972, № 3. С. 123–134.

Еськова 1974 — Н. А. Еськова. [О книге: А. В. Суперанская. Ударение в заимствованных словах в современном русском языке. М., 1968] // Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1966–1969 гг. Морфология. М., 1974. С. 59–61.

Еськова 1975 — Н. А. Еськова. Подача сведений о парадигмах слов в словаре русского языка (Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Выпуск 74). М., 1975. С. 3–17.

Еськова 1977 — Н. А. Еськова. Согласование прилагательных с одушевленными и неодушевленными существительными // Семасиология и грамматика. Краткие тезисы докладов и сообщений к научной конференции языковедов Центрально-Черноземной зоны. Тамбов, 1977. С. 33–34.

Еськова 1983 — Н. А. Еськова. Сведения о грамматических формах // Орфоэпический словарь русского языка. М., 1983. С. 685–702.

Еськова 1985 — Н. А. Еськова. К морфологии русского императива (форма второго лица единственного числа) // Russian Linguistics 9 (1985). С. 149–163.

Еськова 1988 — Н. А. Еськова. Об объеме информации орфоэпического словаря русского языка // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988. С. 25–28.

Еськова 1989а — Н. А. Еськова. Механический акцентный сдвиг как причина дефектности парадигм в русском литературном языке // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987. М., 1989. С. 96–103.

Еськова 1989б — Н. А. Еськова. Формальные особенности некоторых предложных сочетаний с местоименными словами // Русские местоимения: семантика и грамматика. Межвузовский сборник научных трудов. Владимир, 1989. С. 60–68.

Еськова 1989в — Н. А. Еськова. К интерпретации некоторых фактов русской глагольной морфологии // Вопросы языкознания, 1989, № 5. С. 50–56.

Еськова 1989г — Н. А. Еськова. Сведения о грамматических формах // Орфоэпический словарь русского языка. Изд. 5-е, исправленное и дополненное. М., 1989. С. 666–685.

Еськова 1990а — Н. А. Еськова. Трудности словоизменения существительных. Учебно-методические материалы к практическим занятиям по курсу «Язык современной печати». Госкомпечать СССР. Всесоюзный институт повышения квалификации работников печати. М., 1990.

Еськова 1990б — Н. А. Еськова. Об одной разновидности помет нормативного словаря // Культура русской речи. Тезисы I Всесоюзной научной конференции (Звенигород, 19–21 марта 1990 г.). М., 1990. С. 57–58.

Еськова 1991а — Н. А. Еськова. О грамматической информации в словарях русского языка // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Москва, 20–23 мая 1991 г. Доклады. Ч. I. М., 1991. С. 292–295.

Еськова 1991б — Н. А. Еськова. Надо ли писать *каратэ*? // Русская речь, 1991, № 3. С. 65–67.

Еськова 1991в — Н. А. Еськова. Об ударении в глагольных формах // Русский язык в СССР, 1991, № 4. С. 61–62.

Еськова 1991г — Н. А. Еськова [рец.] Сазонова И. К. Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь. Москва, Русский язык, 1989, 590 стр. // Russian Linguistics 15 (1991). С. 89–96.

Еськова 1992а — Н. А. Еськова. О русском ударении // Zielsprache Russisch. Zeitschrift für den Russischunterricht. Heft 4—1992. С. 105–107.

Еськова 1992б — Н. А. Еськова. Самые трудные слова — об ударении в формах существительных // Zielsprache Russisch. Zeitschrift für den Russischunterricht. Heft 4—1992. С. 107–111.

Еськова 1993 — Н. А. Еськова. Коварные глаголы // Zielsprache Russisch. Zeitschrift für den Russischunterricht. Heft 1—1993. С. 1–5.

Еськова 1994 — Н. А. Еськова. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. М., 1994. (Малая библиотека словарей русского языка). Изд. 2-е — 5-е, стереотипные, 1999, 2000, 2001, 2003.

Еськова 1995 — Н. А. Еськова. О новом издании «Орфоэпического словаря русского языка» // Vocabulum et vocabularium. Сборник научных трудов по лексикографии. Вып. 2. Под ред. В. В. Дубичинского. Харьков, 1995. С. 36–40.

Еськова 1996а — Н. А. Еськова. Первообразные и непервообразные предлоги. Формальный аспект // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М., 1996. С. 458–464.

Еськова 1996б — Н. А. Еськова. Устройство парадигм глаголов непродуктивного класса с инфинитивом на *-нуть* // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 205–211.

Еськова 1997 — Н. А. Еськова. Орфоэпические словари // Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 1997. С. 305–307.

Еськова 1999 — Н. А. Еськова. Еще об ударении в слове *йогурт* // Русская речь, 1999, № 2. С. 124–126.

Еськова 2000 — Н. А. Еськова. Предлоги с беглым *о* в русском языке: Попытка лексикографического отражения // Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 307–311.

Еськова 2002а — Н. А. Еськова. Лексикографические заметки (Подача прилагательных *знакомый, солёный, целый*) // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 2002. С. 396–400.

Еськова 2002б — Н. А. Еськова. О новом издании «Орфоэпического словаря русского языка» // Газ. «Русский язык», 2002, № 23. Вкладыш. С. 1–8.

Еськова 2003 — Н. А. Еськова [рец.] Давайте говорить ПРАВИЛЬНО! Трудности современного русского произношения и ударения. Краткий словарь-справочник. Составители Вербицкая Л. А., Богданова Н. В., Складаревская Г. Н. Филологический факультет СПбГУ. Санкт-Петербург, 2002 // Русский язык в научном освещении. № 2 (6). 2003. С. 291–294.

Еськова 2004а — Н. А. Еськова. Что такое русское словесное ударение? // Культура русской звучащей речи: традиции и современность. Тезисы докладов международной научной конференции 26–28 апреля 2004 г. М., 2004. С. 47–48.

Еськова 2004б — Н. А. Еськова. Об одной частной произносительной закономерности русского литературного языка // Культура русской звучащей речи: традиции и современность. Тезисы докладов международной научной конференции 26–28 апреля 2004 г. М., 2004. С. 49–51.

Еськова 2004в — Н. А. Еськова [рец.] М. В. Зарва. Русское словесное ударение. Словарь. Около 50 000 слов. М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2001. — 600 с. Ф. Л. Агеенко. Собственные имена в русском языке. Словарь ударений. Более 35 словарных единиц. М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2001. — 376 с. // Русский язык в научном освещении. № 1 (7). 2004. С. 272–278.

Еськова 2004г — Н. А. Еськова. О вариантах предлога *о, об, обо* // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004. С. 268–270.

Еськова 2005 — Н. А. Еськова. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. Изд. 6-е, исправленное. М., 2005.

Зализняк 1964 — А. А. Зализняк. К вопросу о правописании безударных гласных в глагольных окончаниях // О современной русской орфографии. М., 1964. С. 132–139.

Зализняк 1967 — А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Зализняк 1969 — Краткий русско-французский словарь. Составил А. А. Зализняк. Изд. 3-е, М., 1969.

Зализняк 1977a — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.

Зализняк 1977b — А. А. Зализняк. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977. С. 71–119.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк 2003 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Издание 4-е, исправленное и дополненное. М., 2003.

Зарва 2001 — М. В. Зарва. Русское словесное ударение. Словарь. М., 2001.

Исаченко 1960 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть вторая. Братислава, 1960.

Истрина 1948 — Е. С. Истрина. Нормы русского литературного языка и культура речи. М.—Л., 1948.

Каленчук, Касаткина 1997 — М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.

Карцевский 1928 — С. О. Карцевский. Повторительный курс русского языка. М.—Л., 1928.

Кнорина 1982 — Л. В. Кнорина. Грамматика и норма в поэтической речи // Проблемы структурной лингвистики 1980. М., 1982. С. 241–253.

Колесников 1978 — Н. П. Колесников. Словарь несклоняемых слов. Тбилиси, 1978.

Колесов 1984 — В. В. Колесов. Заметки на полях нового словаря // Русская речь, 1984, № 4. С. 48–53.

Копецкий 1957 — Л. Копецкий. [рец.] Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника. Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. Около 50 000 слов. — М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. 1955. 580 стр. (Ин-т языкознания АН СССР). // Вопросы языкознания, 1957, № 2. С. 116–122.

Крысин 1998a — Л. П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.

Крысин 1998b — Л. П. Крысин. Йогурт или йогурт? // Русская речь, 1998, № 1. С. 61–63.

Курилович 1962 — Е. Курилович. Система русского ударения // Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 436–444.

Лефельдт 1985 — Werner Lehfeldt [рец.]. Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. Около 53 500 слов; под ред. Р. И. Аванесова, Москва, Русский язык, 1983, 704 стр. // Russian linguistics, 9 (1985). С. 72–80.

Лихтман 1986 — Р. И. Лихтман. Характерный или характерный? // Русское сценическое произношение. М., 1986. С. 227–229.

Ломоносов 1952 — М. В. Ломоносов. Российская грамматика // Полное собрание сочинений. Том седьмой. Труды по филологии. 1739–1758 гг. М.—Л., 1952. С. 389–578.

М — Словарь русского языка в четырех томах. М., 1957–1961.

М-2 — То же. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 1981–1984.

Мельчук 1985 — И. А. Мельчук. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 16. Wien, 1985.

Обнорский 1927 — С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. Выпуск 1. Единственное число. Л., 1927.

Обнорский 1931 — С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. Выпуск 2. Множественное число. Л., 1931.

Обнорский 1948 — С. П. Обнорский. Культура русского языка. М.—Л., 1948.

Обнорский 1953 — С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Обнорский 1956 — С. П. Обнорский [рец.]. Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника, под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. Институт языкознания АН СССР. М., 1955, 578 (+2) стр. // Вопросы языкознания, 1956, № 5. С. 104–106.

Обнорский 1960a — С. П. Обнорский. Правильности и неправильности современного русского литературного языка [1944] // Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 253–272.

Обнорский 1960б — С. П. Обнорский. Пушкин и нормы русского литературного языка [1946] // Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 176–191.

Ож — С. И. Ожегов. Словарь русского языка. 23-е издание, исправленное. М., 1991.

Ожегов 1947 — С. И. Ожегов. Существительные на -аж в русском языке // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, 1947, № 3. С. 31–43.

Ожегов 1955а — С. И. Ожегов. Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. Вып. 1. М., 1955. С. 5–33.

Ожегов 1955б — С. И. Ожегов. Языковой и языковый // Вопросы культуры речи. Вып. 1. М., 1955. С. 226–227.

Откупщикова 1971 — М. И. Откупщикова. Синтез беглого о у первообразных предлогов современного русского языка // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. Вып. 2. М., 1971. С. 103–110.

О-Ш — С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. 4-е издание, дополненное. М., 1997.

ОЭ — Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Около 65 000 слов. Под редакцией Р. И. Аванесова. 5-е издание, исправленное и дополненное. М., 1989. Изд. 6-е — 9-е, стереотипные, 1997, 1999, 2000, 2001.

Панов 1986 — М. В. Панов [рец.]. Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Около 63 500 слов. Под ред. Аванесова Р. И. М., Русский язык, 1983, 704 с. // Вопросы языкознания, 1986, № 2. С. 131–136.

Панов 1999 — М. В. Панов. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.

Перчинская, Салони 1985 — Nina Perczynska, Zigmunt Saloni [рец.]. S. N. Borunova, V. L. Voroncova, N.A. Es'kova: Orfoepiceskij slovar' russkogo jasyka. Pod redakciej R. I. Avanesova. Moskva: Russkij jazyk 1983. 704 S. // Die Welt der Slaven. Jahrgang XXX, Heft 2. München, 1985. S. 431–436.

Пешковский 1925 — А. М. Пешковский. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Сборник статей. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Л.—М., 1925. С. 109–121.

Плотникова-Робинсон 1964 — В. А. Плотникова-Робинсон. Изменения в употреблении падежных форм существительных // Очерки по исторической грамматике русского литературного

языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М., 1964. С. 163–276.

Порецкая 1974 — Орфографический морской словарь. Составитель Р. Э. Порецкая. М., 1974.

РИС см. Зализняк 1967.

Рогожникова 1991 — Р. П. Рогожникова. Словарь эквивалентов слова. М., 1991.

Розенталь 1989 — Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке. Для работников печати. 5-е издание, исправленное и дополненное. М., 1989.

Розенталь, Теленкова 1987 — Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Словарь трудностей русского языка. Издание 6-е, исправленное и дополненное. М., 1987.

Розенталь 1994 — Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994.

РОС 1999 — Русский орфографический словарь. Около 160 000 слов. Ответственный редактор В. В. Лопатин. М., 1999.

РЯСО 1968 — Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М., 1968.

Сазонова 1989 — И. К. Сазонова. Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь. М., 1989. Издание 2-е, исправленное. М., 2002.

Сазонова 1998 — И. К. Сазонова. Орфографический словарь русского языка. Одно или два *н*? М., 1998.

Сидоров 1945 — В. Н. Сидоров. Грамматика. Морфология // Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. Часть I. Фонетика и морфология. М., 1945. С. 68–233.

Суперанская 1966 — А. В. Суперанская. Ударение в собственных именах в современном русском языке. М., 1966.

Суперанская 1968 — А. В. Суперанская. Ударение в заимствованных словах в современном русском языке. М., 1968.

Теленкова 1985 — М. А. Теленкова. Пособия по орфоэпии // Русский язык в школе, 1985, № 2. С. 114–117.

У — Толковый словарь русского языка. Под редакцией проф. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1935–1940.

Ушаков 1935 — Как пользоваться словарем // Толковый словарь русского языка. Под редакцией проф. Д. Н. Ушакова. Том I. М., 1935. С. XXI–LXXVI.

Федянина 1982 — Н. А. Федянина. Ударение в современном русском языке. 2-е издание, переработанное и дополненное. М., 1982.

Чернышев 1914 — В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Выпуск 1-й — Фонетика. СПб., 1914.

Чернышев 1915 — В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Выпуск 2-й — Части речи. Пг., 1915.

Шapiro 1964 — А. Б. Шапиро. Изменения в области родовой принадлежности существительных // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М., 1964. С. 136–149.

Шахматов 1952 — Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. М., 1952.

Шубов 1973 — Я. И. Шубов. Словарь-справочник по медицинской терминологии. М., 1973.

Шульга 1987 — М. В. Шульга. Лингвистические словари в помощь работникам печати. Конспект лекции. Госкомиздат СССР. Всесоюзный институт повышения квалификации работников печати. М., 1987. 44 с.

Шульга 1988 — М. В. Шульга. Проблемы грамматической нормы в практике редактирования. Учебное пособие. Всесоюзный институт повышения квалификации работников печати. Госкомиздат СССР. М., 1988. 82 с.

Шульга 2003 — М. В. Шульга. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М., 2003.

Щерба 1974 — Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265–304.

Якобсон 1985а — Р. О. Jakobson. Морфологические наблюдения над славянским склонением // Избранные работы. М., 1985. С. 176–197.

Якобсон 1985б — Р. О. Jakobson. Русское спряжение // Избранные работы. М., 1985. С. 198–209.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ	6
1. Объем информации словаря орфоэпического типа.....	6
2. О принципах составления словника.....	8
3. Грамматическая информация. Объем и способ подачи.....	15
4. Общий порядок сообщения сведений о произношении и побочном ударении.....	20
5. Нормативная характеристика слов.....	21
6. Хронологические рамки словаря.....	26
II. ХАРАКТЕРИСТИКА КОНКРЕТНЫХ ЯВЛЕНИЙ	29
А. СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ	29
А.1. Основные разряды слов, подвергавшиеся рассмотре- нию.....	29
А.2. Комментарий к конкретным рекомендациям.....	32
А.2.1. Словарная подача действительных причастий на- стоящего времени глаголов с подвижным ударением.....	32
А.2.2. Краткие формы и сравнительная степень прилагательных.....	33
Б. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ	39
Б.1. ФОРМЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ	39
Б.1.1. Формы партитива (второго родительного падежа) су- ществительных мужского рода.....	39
Б.1.2. Формы второго предложного падежа.....	46
Б.1.3. Подача форм множественного числа.....	52
Б.1.3.1. Подпарадигма множественного числа.....	52
Б.1.3.2. Формы родительного множественного.....	54
Б.1.4. Счетные формы.....	57
Б.1.5. Грамматические особенности существительных мужского рода с суффиксом -ишк- и с увеличитель- ными суффиксами -иш- , -ин-	59
Б.2. ФОРМЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ	64

Б.2.1. Информация о наличии/отсутствии кратких форм и степеней сравнения	64
Б.2.2. Краткие формы прилагательных причастного происхождения на <i>-нный</i>	69
Б.2.3. Формы сравнительной степени	74
Б.3. ФОРМЫ ГЛАГОЛА	77
Б.3.1. Состав глагольной парадигмы. Классы глаголов	77
Б.3.2. Подпарадигма настоящего-будущего времени	79
Б.3.3. Повелительное наклонение	81
Б.3.4. Страдательные причастия настоящего времени	86
Б.3.5. Страдательные причастия прошедшего времени	87
Б.3.6. Деепричастия	89
Б.3.6.1. Деепричастия глаголов несовершенного вида	89
Б.3.6.2. Деепричастия глаголов совершенного вида	93
Б.3.7. Отдельные классы и группы глаголов	97
Б.3.7.1. Парадигмы глаголов VIII класса	97
Б.3.7.2. Вариативные подпарадигмы некоторых глаголов VI класса с основами на губные согласные	98
Б.3.7.3. Вариативные подпарадигмы глаголов <i>мерить</i> и <i>мучить</i>	100
Б.3.7.4. Группа приставочных глаголов на <i>-шибить</i>	101
Б.4. СОЕДИНЕНИЯ С <i>ПОЛ, ПОЛУ</i>	104
Б.5. ПРЕДЛОГИ	106
Б.5.1. О вариантах предлогов с так называемым беглым <i>о</i>	106
Б.5.2. О вариантах <i>о/об/обо</i>	110
Б.5.3. Употребление после предлогов вариантов форм местоименных слов <i>он, она, оно, они</i> с начальным мягким <i>н</i>	113

III. О НОРМАХ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVIII–XIX ВЕКОВ .....

ЛИТЕРАТУРА .....

Научное издание

Наталия Александровна
ЕБРЮКОВА

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
КОММЕНТАРИЙ
К «ОРФОЭПИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ
РУССКОГО ЯЗЫКА»

Авторство Н. В. Ебрюкова

Иллюстрации выполнены
автором — Е. П. Морозова

ООО Издательский центр
«Азбука-классика»
119180 Москва
Знак. лицензия от 2011 г. № 2
Формат 84x108/32
Тираж 100 экз.
Уч. изд. л. 7,56
Тираж 1000 экз. № 777

ISBN 978-5-201-13013-0

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям
120082, Москва, ул. Мира, 105. Тел.: 083-24-91.
ЛЭП Москва для типографии № 2

Научное издание

**Наталья Александровна
ЕСЬКОВА**

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
КОММЕНТАРИЙ
К «ОРФОЭПИЧЕСКОМУ СЛОВАРИЮ
РУССКОГО ЯЗЫКА»**

Редактор И. В. Нечаева

*Изготовление оригинал-
макета — Е. Н. Морозова*

ISBN 598455013-X

ООО Издательский центр
«Азбуковник»
119180 Москва
ул. Б. Полянка, д. 50/1, стр. 2

Формат 84x108/32.
Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 7,56
Тираж 1000. Заказ №777.

ГУП Московская типография №2
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.
129085, Москва, пр. Мира, 105. Тел.: 682-24-91.

05-78811

85

2005235404